

interaction

интеракция

interview

интервью

interpretation

интерпретация

INTER

INTER, 12'2016

Институт социологии Российской академии наук
Российское общество социологов
Международная социологическая ассоциация
Комитет «Биографии и общество»

12'2016

© 2016 Журнал «ИНТЕРАкция.
ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация»

Соредакторы номера:

Елена Рождественская (Москва, Россия)
Виктория Семенова (Москва, Россия)
Александрова Ваньке (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Розвита Брекнер (Австрия)
Том Венграф (Великобритания)
Леокадия Дробижева (Россия)
Кэти Дэвис (Нидерланды)
Лена Иновлоки (Франкфурт-на-Майне, Германия)
Ирина Козина (Россия)
Кшиштоф Косела (Польша)
Елена Омельченко (Россия)
Анна Роткирх (Финляндия)
Елена Ярская-Смирнова (Россия)

Журнал рецензируемый
Индексируется РИНЦ

*На обложке использован фрагмент картины Светы Шуваевой «Ткань», 2015 год,
из серии «Персонаж толпы».*

Адрес редакции:

117259, Москва
Ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
Тел.: (499) 128-86-18
Факс: (495) 719-07-40
e-mail: rusica@isras.ru

Содержание

Теоретические дискурсы и дискуссии	5
<i>Виктория Шмидт</i> «Спасем наших детей»: к проблеме дискурса кампаний в пользу реформы общественного воспитания детей с инвалидностью в России	5
<i>Lyudmila Nurse</i> Identities and a sense of belonging: young Lithuanians and Latvians from ethnic minorities	21
Полевые исследования	34
<i>Мария Миронова, Анастасия Кожевникова</i> Измерение удовлетворенности съемным жильем: методические аспекты ...	34
<i>Константин Вернигор, Яна Воронина, Ольга Синева</i> Геймифицированная онлайн-анкета: возможности и ограничения.....	43
<i>Ольга Маркова</i> Письма с фронта как документ военной эпохи	54
Эссе	68
<i>Екатерина Постная</i> Музей истории ГУЛАГа как отражение травматического опыта	68
Визуальная социология	80
<i>Александрина Ваньке, Елена Рождественская,</i> <i>Евгения Гольман, Роман Абрамов</i> Визуализация телесности в контексте профессии: аналитическая дискуссия ...	80
Новые книги: авторский взгляд	89
<i>Борис Докторов</i> История должна быть многолюдной и писаться многими	89
<i>Вероника Жобер</i> «Много нас рассеяно по свету... Мы — лишь след на тающем снегу...».....	91
Рецензии	94
<i>Виктория Семенова</i> Границы памяти в городах с короткой историей	94
Обзоры конференций	101
<i>Анна Стрельникова</i> VII Международная научно-практическая конференция памяти А. О. Крыштановского «Методы и процедуры социологических исследований», 23–24 сентября 2016 г.	101
Авторы номера	103
Abstracts and key words	105

Contents

Theoretical discourses and debates	5
<i>Victoria Shmidt</i> «Rescue our children»: the discourses of campaigns in favor to reform residential care for disabled children in Russia	5
<i>Lyudmila Nurse</i> Identities and a sense of belonging: young Lithuanians and Latvians from ethnic minorities	21
Field work research	34
<i>Mariya Mironova, Anastasia Kozhevnikova</i> Measuring of satisfaction with the rented dwelling: methodological aspects ...	34
<i>Konstantin Vernigor, Yana Voronina, Olga Sineva</i> Gamified online-questionnaire: advantages and limitations	43
<i>Olga Markova</i> Letters from the front as a document of war epoch	54
Essay	68
<i>Ekaterina Postnaia</i> GULAG History Museum as a reflection of traumatic experience	68
Visual Sociology	80
<i>Alexandrina Vanke, Elena Rozhdestvenskaya, Evgeniya Golman, Roman Abramov</i> Visualization of corporeality in the professional context: analytical discussion	80
New books: author's viewpoint	89
<i>Boris Doktorov</i> History should be populous and written by many people	89
<i>Veronique Jobert</i> «We've been strewn wide across the world... An impression in the melting snow...» ...	91
Book reviews	94
<i>Victoria Semenova</i> Borders of memory in the cities with a short history	94
Conference reviews	101
<i>Anna Strelnikova</i> The 7th Annual Conference on Methods in Social Sciences «Sociological research methods (in memory of A. Kryshtanovsky)», 23–24 September, 2016	101
About the authors	103
Abstracts and key words	105

Теоретические дискурсы и дискуссии

«Спасем наших детей»: к проблеме дискурса кампаний в пользу реформы общественного воспитания детей с инвалидностью в России¹

Виктория Шмидт*

Статья фокусируется на роли дискуссий в социальных медиа и месте гражданского журнализма в современной реформе общественного воспитания для детей с инвалидностью. Дискуссии, имеющие форму кампаний, анализируются с точки зрения противоборствующих дискурсов, пересматривающих подходы к инвалидности или сводящих проблему к своеобразному токенизму как формальной уступке — из-за воспроизведения установок, сохранившихся благодаря наследию советского специального образования. В статье прослеживаются параллели между советским идеологическим дискурсом и идеологической платформой одной из самых ранних публичных кампаний против общественного воспитания (кейс Кристины Анисимовой) в 2008–2009 гг., по поводу девочки, которая прошла жизненный путь от массового детского дома до психоневрологического интерната. Распознавая в дискурсе активистов этой публичной кампании дефектологическое видение нормы, а также профессиональной помощи и противопоставление семьи учреждению, мы исследуем ограничения «хороших» моральных паник в терминах Коэна как неизбежно воспроизводящих дискурсы, которые соответствуют ожиданиям аудитории, но вместе с тем продолжающие сегрегировать детей с инвалидностью.

Соответствуя ожиданиям аудитории социальных медиа, моральные кампании формируют общественное мнение и политику относительно учреждений для детей с инвалидностью. Но гражданский журнализм не должен сводиться к критике упрощенных конструкций и симулякрам гражданского участия. Заключительная часть текста обсуждает опции гражданского журнализма как условия последовательного воспроизведения идей, соответствующих современным подходам к правам детей с инвалидностью. Мы фокусируемся в своем анализе на контрастных материалах, представляющих жанр гражданского журнализма, и приходим к выводам о том, что гражданская журналистика предлагает аудитории предельное личное видение проблемы и бросает значительные вызовы устоявшимся представлениям о должном; таким образом, вместо нормативных предписаний моральных кампаний публике социальных медиа предлагается руководствоваться контекстным знанием и опытом собственного социального участия. В противостоянии моральным кампаниям особое значение приобретает гражданское, а не символическое участие. Альтернативные интервенции, основанные на обсуждении разных

¹ Исследование реализовано при поддержке глобальной исследовательской инициативы (global learning initiative) KNow violence in childhood.

* Шмидт Виктория, кандидат психологических наук, Ph.D in Social Policy, факультет образования Университета Масарика. 320753@mail.muni.cz.

точек зрения, осмыслении провалов в помощи воспитанникам учреждений, деконструируют сложившиеся в рамках моральных кампаний интеракции между аудиторией и антрепренерами морали, призывая задуматься над тем, как следует относиться к ставшим привычными предписаниям, чтобы решиться на оказание помощи и продолжать заниматься ею даже после неуспешного опыта.

Ключевые слова: общественное воспитание, моральные кампании, гражданский журнализм, дискурс детства, инвалидность

Введение

Многочисленные общественные кампании вокруг детей из учреждений, которые сотрясают публичную сферу в России со второй половины 2000-х гг., развиваются по сценарию крестового похода против попустительства в отношении того, что должно осуждаться: практики помещения «нормальных» детей в учреждения для «умственно отсталых» (школы-интернаты для детей с отставанием в умственном развитии, психиатрические больницы, психоневрологические интернаты). Такая практика представляется как бесчеловечная, а те, кому приписывается ответственность, сотрудники и администрация учреждений, демонизируются, им вменяется глухота к страданиям детей. Уже названия документальных фильмов, которые стали частью кампаний в пользу деинституционализации: «Мама, я убью тебя» (2013), «Блеф или с Новым Годом» (2013), «Антон тут рядом» (2012), непосредственно указывают на необходимость спасти детей — основной посыл кампаний против устройства детей в учреждения.

История инициатив по деинституционализации заботы о детях с инвалидностью в России с самого начала отличалась алармистским характером. Оказавшись в конце 1990-х гг. в российском интернате для детей с недостатками умственного развития, американская журналистка Кейт Брукс (Kate Brooks) сняла скрытой камерой условия пребывания детей. Свидетельства бесчеловечного обращения привлекли внимание организации «Human rights watch». Как и в других постсоциалистических странах, в России были подготовлены отчеты о положении детей в учреждениях, которые представляли пребывание в детских домах и интернатах как произвол и бесчеловечное обращение. Инициаторы программы «Assistance to Russian orphans I» (1999–2002 гг.) по деинституционализации заботы о детях в нескольких российских регионах, поддержанной USAID, непосредственно связывали свою программу с этой историей. Позже, когда по совокупности причин международные доноры уступили место государственным программам и отечественным донорам, российские активисты начнут опираться на сходные стратегии для инициации проектов и реформ.

Российские публичные кампании в пользу спасения детей вписываются в концепт «хорошей моральной паники» (Cohen, 2011). В отличие от «классической» моральной паники они иницируются активистами, а не властными элитами. Нет свидетельств того, что власти или группы интересов были заинтересованы в использовании такой кампании в качестве отвлекающего маневра, тем более, причина кампании не надумана — произвол в отношении воспитанников имеет место. Миссия кампании состоит в том, чтобы преодолеть отвержение темы общественного воспитания детей-инвалидов и распространить то знание об их страданиях, от которого публика отгораживается. Несомненно, эта задача была решена. Кампании привлекли внимание как общественности, так и властей к проблеме детей. Вместе с тем, несмотря на всеобщее согласие относительно необходимости реформировать систему заботы и образования, ситуация остается прежней. Следует ли считать хорошие моральные кампании действенной интервенцией в жизни детей из институций? Или они не только не улучшили ситуацию, но отчасти

усугубили ее, например, закрепив стигматизацию воспитанников учреждений? Но если не моральные кампании, то какая интервенция может решить задачу трансформации подходов вокруг детей в учреждениях? В этом тексте дискурсы относительно детства, нормы и инвалидности, выработанные в ходе моральных кампаний, будут сопоставлены с дефектологическим подходом, обосновавшим в начале 1970-х гг. формирование институций специального образования, против которых и были направлены недавние моральные кампании. Мы предполагаем обнаружить значительные сходства этих дискурсов, которые, с одной стороны, объясняются неизбежным упрощением проблемы, свойственной моральной панике, а с другой стороны, указывают на их риски. В качестве примера моральных кампаний будут рассмотрены публичные дискуссии вокруг случая Кристины Анисимовой (2008–2009 гг.). История Кристины может считаться одной из первых моральных кампаний в череде кампаний против учреждений, которая привлекла внимание публики и задала колею общественного мнения об учреждениях. Например, название места, из которого волонтеры и вызволили Кристину, Разночиновка, стало именем нарицательным — диагнозом, обозначающим бедственное положение воспитанников системы (Орлова, 2013).

Критика моральных кампаний ставит перед исследователем вопрос о том, на чьей он стороне, если не среди антрепренеров морали. Сформулировать альтернативную позицию оказывается затруднительно — как по причине того, что такие альтернативы, например, не могут получить такого же распространения, как упрощенные конструкции моральных паник, так и в силу опасения, что сконструированная альтернатива становится еще одним источником стигматизации проблемы и тех, кому она приписывается. Однако без альтернативы деконструкция неподходящего не получает преемственности в активизме, а критика моральных кампаний оказывается бесполезной. В качестве альтернативы мы проанализируем публикацию «Не учи. Откуда в России берутся новые неграмотные» (Русский репортер, 2012) Юлии Вишневецкой и блог Дмитрия Маркова (за 2006–2014 гг.), известного фотографа и волонтера, которые конструируют иной дискурс, релевантный современным студиям детства и инвалидности — вне нормативных предписаний, мелодраматических клише и морального императива. Анализ публикаций содействует пониманию, откуда берется тот самый востребованный дискурс, в каких условиях его можно «генерировать». Для публичной сферы ответ на такой вопрос во многом сводится к вопросу о жанре и о том, как тот, кто берет на себя, в терминах Ирвинга Гоффмана (Goffman, 1974), роль аниматора или автора нового дискурса, взаимодействует с целевой группой — детьми с опытом общественного воспитания.

История Кристины: крестовый поход за счастливое детство

В отличие от семейного устройства «нормальных» детей² тема бесчеловечного обращения с детьми в институциях для инвалидов долгое время оставалась сугубо профессиональной — специалисты и активисты предпринимали попытки как найти системное решение задачи уменьшить число детей в учреждениях, так и предотвратить помещение конкретных детей еще со второй половины 1970-х гг. без особого внимания со стороны массовой аудитории.

² Необходимость семейного устройства нормальных детей из учреждений получает беспрецедентный общественный резонанс после публикации повести «Благие намерения» Альберта Лиханова в журнале «Знамя» в 1980 г. и ее экранизации спустя четыре года. Усилия общественников во главе с Лихановым были подкреплены исследованиями психологов Института педагогической психологии Академии педагогических наук, что привело к первой системной реформе устройства детей из массовых учреждений в 1987–1989 гг. Однако эти кампании практически не затрагивали проблему помещения детей с инвалидностью.

Получив публичную огласку в России и за рубежом, история Кристины Анисимовой вывела проблему институциональной заботы о детях с инвалидностью в топ самых обсуждаемых тем на несколько лет:

В шесть лет Кристина Анисимова была направлена в психоневрологический интернат «Разночинка» в августе 2008 г. после того, как ее разлучили с сестрой-близнецом... В 2005 г., когда им было три года, их хотела усыновить американская пара, но девочек решила забрать родная тетя, и опека вынесла решение в ее пользу. Через три года детей у нее отобрали, и девочки попали на обследование в Астраханскую детскую больницу, после чего сестра Кристины была отправлена в детский дом для слабовидящих (в декабре ее приняла опекунская семья), а Кристина определена в психоневрологический интернат по решению психолого-медико-педагогической комиссии в связи с тем, что к тому времени девочка практически лишилась зрения. После разлуки с сестрой девочка находилась в состоянии глубокого эмоционального шока, отказалась разговаривать, двигаться и принимать пищу. Когда через несколько месяцев пребывания в интернате Крестину увидели волонтеры, которые навещали девочку в Астраханской больнице, перед ними был ребенок, полностью зависящий от внешнего ухода.

История Кристины отразила все изъяны современной системы общественного воспитания для детей с инвалидностью: селективную природу принятия решения, неизбежный риск последовательной сегрегации при передаче ребенка от учреждения с большим шансом на интеграцию в учреждения с усиливающимся риском сегрегации, невозможность оспорить решение и защитить права ребенка. Публика обнаружила, что совсем рядом действует Система — комиссий и учреждений, попав в которую ребенок обречен навсегда остаться там, где, скорее всего, лишится всех прав, подвергнется насилию и превратится в бессловесное существо, неспособное изменить свою жизнь к лучшему. По всем канонам моральной кампании, в обсуждении вопроса включились антрепренеры морали — авторитетные эксперты, активисты и общественники. Система общественного воспитания была определена как советский пережиток: «Отношение к любым трудностям в поведении и обучении детей, ... как к медицинской проблеме, а не как к педагогической... уходит корнями... в практику советской карательной психиатрии...» (Петрановская, 2009) и даже как «детский Гулаг»: «система истребительных “детских отстойников”, ... не приспособленная к оказанию помощи семье» (Альтшулер, 2009).

Хорошие моральные паники последовательно воспроизводят мелодраматический нарратив, противопоставляя спасителя невинной жертвы злодею. Вместе с тем кампании настойчиво формируют у публики чувство вины из-за потенциальной идентичности со злодеем и предписывают публике определенный путь спасения от риска стать злодеем (Dandoy, 2015). Этот прием был воспроизведен и в кампании вокруг Кристины. Приписав учреждениям роль злодея, кампания вокруг Кристины сосредоточилась на устройстве в семью как главном и единственном пути спасения девочки. Миссия устройства девочки в семью задавала основную траекторию публичных дебатов — противопоставление смертоносных институтов оживляющей семье:

«Где Вы живете, мама Кристины? Отзовитесь! Мы организуем любое необходимое лечение, будем собирать какие надо деньги... Да, она навсегда останется инвалидом по зрению. Но Ваша семья будет для Кристи спасением. Иначе она погибнет» (Кристина-сирота..., 2009).

Семья для Кристины не нашлась — после длительного лечения девочка была устроена в Сергиево-Посадский интернат для слепоглухих детей, который с советских времен развивал, и вполне успешно, специальную методику обучения и социализации. Волонтеры продолжают мониторинг, и по последним отчетам психическое и физическое состояние девочки характеризовалось как благополучное.

История с Кристиной стала началом серии схожих кампаний вокруг институций. Предметом их критики оставался организационный подход — помещение в интернат, а не идеологическая основа его функционирования. В отличие от последовательной деконструкции дискурсов, поддержавших развитие специального образования на Западе, советская дефектология, которая обосновала создание и функционирование специальных интернатов и комиссий, не становилась объектом критической ревизии с точки зрения дискурса детства и инвалидности. Сопоставление позиции самых влиятельных советских дефектологов с риторикой активистов моральных паник вокруг общественного воспитания указывает на значительное сходство их платформы относительно детства, инвалидности и образования.

Советская дефектология: псевдомногообразие дискурсов?

После запрета педологии в 1936 г. научные и прикладные разработки проблемы специального образования актуализировались в 1960-е годы на фоне интенсивной урбанизации и индустриального роста. Проблема контроля над детьми, в том числе и детьми-инвалидами, стала одной из актуальных, а ее решение потребовало развития как системы институтов, так и механизмов устройства детей в такие институции. Прежде занимавшие периферийное место исследования в сфере обучения детей с особенностями заняли приоритетное место в психолого-педагогической науке. Несмотря на идеологическое давление, советские разработки в сфере специального образования были представлены двумя основными школами, которые отличались как постановкой целей обучения детей с отклонениями, так и методиками вмешательства (включая и диагностику). В 1960–1980 гг. проблема обучения детей с инвалидностью разрабатывалась двумя школами: прогрессивной, основанной на идее Л. С. Выготского о нормализации развития ребенка, приоритетом социального над биологическим, и клинической, направленной на распознавание потолка развития как критерия для определения оптимальной стратегии обучения в той или иной специальной школе. Если первый подход не вышел за пределы экспериментальных площадок (одной из которых и была школа, в которую попала Кристина), второй детерминировал развитие массовой системы разнообразных интернатов и диагностических комиссий.

Упование на предельную социализацию ребенка расположило одного из самых ярких советских марксистов, Эвальда Ильенкова, включиться в 1960-х годах в эксперимент по социализации слепоглухонемых детей в Загорском (сейчас Сергиево-Посадском) интернате. Вместе с Александром Мещеряковым и Иваном Соколянским Ильенков разрабатывает методику обучения детей посредством интенсивной социализации. Отношение к ребенку основывалось на допущении, что у ребенка нет психики, но есть «способность развить ее до самого высокого уровня». Обучение в рамках этого подхода становилось процессом, поглощающим и воспитание, и развитие, а педагог — проводником ребенка в мир вещей и людей: «Психика ребенка формируется и развивается как результат взаимодействия его с миром вещей и миром людей». (Мещеряков, 1974). Основным механизмом определялась совместная деятельность ребенка и взрослого, которая постепенно должна была становиться совместно-разделенной «благодаря уменьшению активности взрослого и передачи инициативы действия самому ребенку» (Соколянский, 1962).

Самым заметным представителем клинического подхода была Сусанна Рубинштейн, написавшая на основе своего профессионального опыта пособие «Психология умственно отсталого школьника», которое до сих пор остается одним из основных в подготовке специалистов по дефектологии. Сравнение обоих подходов обнаруживает как различия, так и сходства, в рамках статьи мы ограничимся указанием на те общие характеристики,

которые и образовали тот дефектологический подход, который продолжает обуславливать как профессиональный, так и публичный дискурсы относительно проблемы устройства и воспитания детей с инвалидностью — прежде всего умственной.

В обоих подходах ребенок с психической инвалидностью определялся как Другой — по отношению к нормальному ребенку и человеку в целом:

«Психика ребенка-олигофрена совершенно непохожа на психику нормального ребенка... Незрелость высших интеллектуальных процессов в сочетании с чрезмерной косностью поведения создает... своеобразную картину психического развития» (Рубинштейн, 1986). «У умственно отсталого ребенка не создается целостного представления о действительности вследствие того, что... не может быть сформировано целостное поведение» (Мещеряков, 1974). Примечательно, что клиническая дефектология фокусируется на (не)зрелости психических процессов ребенка, по сути отказывая ребенку с инвалидностью в возможности стать взрослым — зрелым. Таким образом, по клинической дефектологии, ребенок с инвалидностью навсегда остается ребенком — тем нестабильным существом, которое всегда будет нуждаться в специально организованном контроле (Walkerdine, 2009). Подход интенсивной социализации сосредотачивается на целостности поведения и внутренней картины мира — одним из ключевых понятий концепции Ильенкова, который ориентировался на всестороннее развитие. Понимая обучение как целенаправленное воссоздание человеческой универсальности, «культивирование» человеческого индивида с опорой на весь массив коллективного опыта (Ильенков, 1984, с. 181–182), Ильенков и его коллеги отказывали ребенку с инвалидностью в возможности приобщиться к такому опыту и стать человеком. Таким образом, оба подхода вписывались в ту психологию развития, которая получила свой авторитет «из-за страха не справиться с управлением — колониями, незнакомыми культурами, детьми. Дети попали в одну компанию с дикарями, женщинами, бедными и преступниками — кого боялись, не очень понимали и кем хотели управлять» (Walkerdine, 2009, p. 115). Эта установка на управление приобретала еще большее значение для детей с инвалидностью — не способных достичь ни зрелости, ни соответствующего уровня человеческой цивилизации.

Как клинические дефектологи, так и представители марксистской психологии позиционировали ребенка с ментальной инвалидностью как нуждающегося в жесткой регламентации повседневной жизни, что воспринималось как условие подготовки к будущей жизни. Так, Сусанна Рубинштейн обосновывает жесткую организацию жизни ребенка тем, что «В условиях строгого... режима дети могут вести себя правильно. При отсутствии такого режима... они приобретают дурные склонности... Особенно неблагоприятно влияет на них безделье, в то время как организованный, заполненный трудом, спортом и играми режим действует на них благотворно» (Рубинштейн, 1986). Соответственно, Мещеряков подчеркивал, что «объективизация человеческих способностей происходила не только в создании предметов, но и в разработке правил поведения... кроме очеловеченного пространства... существует еще и очеловеченное время, режим — ... распорядок жизни, предопределяющий, что и когда делать ребенку в течение суток, недель и т. д.» (Мещеряков, 1974). По мнению еще одного специалиста из «загорской» группы, Соколянского, ««внешний» распорядок породит «внутренний» порядок» (Соколянский, 1962).

Известно, что понимание детства как периода подготовки к взрослой жизни задает весьма ограниченную темпоральную характеристику жизни ребенка — линейное движение от детства к взрослости (Burman, 1994). Поскольку дети с инвалидностью были признаны ограниченными в таком движении в обеих дефектологических школах, перспектива их времени становилась еще более упрощенной и ограничивалась правильным распорядком дня, который определялся исключительно специалистами.

Легитимация власти специалистов, в первую очередь психологов, управлять временем ребенка основывается на золотом стандарте нормы развития (James et al., 1998, p. 61). То, что современные критики классической психологии обозначают как девелопментализм — упование на норму и развитие как прогресс в ее достижении, определило особое значение специалиста как обладающего уникальными компетенциями в пользу такого прогрессивного развития. Клиническая дефектология указала на уникальность специальных условий, которые могут быть обеспечены только профессионалами: «Основное, в чем они нуждаются, это непрерывное, неослабевающее наблюдение и контроль со стороны учителя... имеющие в виду предупреждение дурных влияний и привычек» (Рубинштейн, 1986). В марксистской психологии педагог позиционировался как демиург, владеющий особым знанием по управлению психикой: «...все приводные ремни психики ребенка находятся в руках педагога. Он может запрограммировать личность и воспитать ее в соответствии с этой программой» (Мещеряков, 1970).

Если за педагогом закреплялась роль уникального ресурса развития ребенка, то семья позиционировалась как неспособная содействовать развитию ребенка. В обоих подходах подчеркивается неизбежность отрицательного влияния семьи на самооценку ребенка-инвалида: «отец не может скрыть раздражения и горькой досады на «неудачного» ребенка, а мать, пытаясь компенсировать это недовольство, чрезмерно захваливает» своего ребенка» (Рубинштейн, 1986). Семье приписывается отсталое мышление: «Что сделало его (молодого человека) таким, каким он был представлен на консультации? Конечно, неправильное семейное воспитание, когда родители из нездоровой любви к больному ребенку, сами того не сознавая и не желая, превратили его в полного инвалида» (Соколянский, 1962, с. 141–142).

Оба подхода полагались на систему закрытых учреждений как наиболее подходящую среду не только для обучения, но и жизни инвалидов вообще: «Детский дом, школа, предприятие с жилыми домами и клубом составят один городок, где будут жить слепоглухие всех возрастов... Этих условий для общения... нет в обычных школах и домах» (Серрикалиева и др., 1978).

Дефектологический дискурс, таким образом, отличался:

- упованием на норму развития как критерий эффективности вмешательства;
- универсализацией профессиональной помощи;
- противопоставлением семьи и учреждения.

В публичных высказываниях моральных антрепренеров современных кампаний против учреждений обнаруживается последовательное воспроизведение того же дискурса.

Моральные кампании вокруг детей из институций: итерация дефектологического дискурса?

В позиции активистов по отношению к истории Кристины обнаруживается тот же последовательный девелопментализм — приоритет однозначных норм развития. Общественное воспитание критикуется за неспособность обеспечить достижение нормы развития: «название “коррекционное” — вполне оруэлловское. Потому что никто и никогда не ставил перед этими учреждениями целей “коррекции”, то есть восстановления до нормы, компенсации слабых сторон за счет развития каких-то других» (Петрановская, 2009). Жизнь в интернате критикуется за недостаток развивающей среды: «Для развития нужны разнообразные контакты, а для ребенка с проблемами развития особенно важно формировать представление о норме и видеть образцы таковой» (Степина, 2009). «Критический дефицит профессиональных кадров в учреждениях социальной защиты, особенно региональных» (Тульчинская, 2009) определяется как

один из основных источников проблемы, а особенность развития ребенка в учреждении представляется настолько значимой, что предлагается вводить специализацию по работе с детьми в учреждениях: «Парадокс: приемных родителей, даже с высшим педагогическим образованием, отравляют на Школу ..., и это очень мудро... А воспитатель, которому предстоит иметь дело с целой группой сирот, может прийти прямо со скамьи педвуза» (Петрановская, 2009).

Отличительной особенностью нового подхода к особому ребенку становится приписывание семье качеств незаменимого сервиса — прежнее противопоставление семьи и института осталось, только «знак» поменялся в пользу приоритета семьи. Отношение к семье как идеально устроенному сервису, который «в разы увеличивает шансы ребенка на коррекцию и развитие» (Степина, 2009), соотносится с девелопментализмом и фокусом на детстве как подготовке к будущему. Устройство в семью рассматривается как спасение: «в случае устройства детей в семью в большинстве случаев “безнадежные диагнозы” становятся просто неактуальны, дети демонстрируют большие возможности..., у них проходят истерики, агрессия,... депрессивные состояния» (Петрановская, 2009), тогда как помещение в учреждение — как критическое для развития ребенка: «если Кристину не усыновят... шансов у нее попасть в профессионально сопровождаемую среду, где она получит уход в соответствии с ее... умственным и физическим состоянием, совсем немного» (Тульчинская, 2009).

Как и дефектологический дискурс, риторика активистов опирается на те конструкции, которые существенно упрощают понимание прав ребенка, инвалидности и стратегий вмешательства. Стремясь быть понятными и вместе с тем наделять публику ответственностью за судьбу детей в учреждениях, антрепренеры морали не генерируют новый дискурс — но выступают в качестве аниматоров дефектологического дискурса, возможно, не отдавая отчет в том, какой дискурс они транслируют, и как это влияет на публику. Отрицание общественного воспитания основывается на допущении, что в систему попадают «изначально» нормальные дети, которые деградируют в системе, а не потому, что система закрытых учреждений — источник нарушения прав человека с любым уровнем психического развития. В риторике антрепренеров не нашлось места для осмысления конфликта человеческих прав и человеческого капитала, двойственности статуса современного ребенка как живущего и становящегося (James et al., 1998) и переосмысления задач образования — всего того пула идей, которые и обосновывают продвижение разнообразия интервенций в пользу обеспечения прав людей с инвалидностью. Наоборот, продолжая конструировать проблему посредством упрощенных противопоставлений нормы и патологии, семьи и институции, антрепренеры морали предлагают иллюзорную ясность решения: «как заставить ее (российскую социальную систему. — Прим. авт.) заниматься детьми, а не их “сортировкой по углам”? Сделать это... нетрудно. Достаточно допустить к работе службы сопровождения, специалисты которых “работают со случаем”. А также... подчинить интересы ведомств интересам ребенка и семьи» (Альтшулер, 2009).

Не занимая позицию автора и не рефлексирова относительно воспроизводимого дискурса, антрепренеры моральной кампании не запустили процесс трансформации дискурса о ребенке с инвалидностью. Основным эффектом становилось символическое участие — которое, по мнению современных апологетов гражданской журналистики, усугубляет токенизм, акции по демонстрации доброй воли, которые не предполагают системного решения проблемы (Dufrasne, Patriarche, 2011). Возможно, новые дискурсы требуют и новых форм трансляции, менее зависимых от сложившихся структур публичной сферы, скорее, соответствующих позиции кибитцера по типологии Ирвинга Гофманна — того, кто, находясь вне тренда, генерирует высказывания, раздражающие рефлексию аудитории в силу своей значительной независимости.

Гражданский журнализм: терапия реальностью?

Опыт моральных кампаний убеждает, что опираться на историю недостаточно, чтобы выстроить дискурс, адекватный проблеме устройства детей, важно втянуть аудиторию в осмысление и последующее действие. Именно такие задачи и решаются гражданской журналистикой — гиперлокальной, опирающейся на травяной уровень решения проблемы, а главное — побуждение к участию. В задачи статьи не входит оценка ни распространенности гражданской журналистики в России, ни ее «веса» в решении проблемы детей в институциях. Важным становится показать, какими средствами журналисты генерируют новый дискурс и в какие интервенции его встраивают.

В репортаже, название которого символически обыгрывает одинаково звучащие «неучи» и «не учи», «Не учи. Откуда в России берутся новые неграмотные» (Вишневецкая, 2012) Юлия Вишневецкая экспериментирует с новым для российской журналистики жанром, чтобы доступно рассказать неупрошенную историю об отчуждении от образования и том, как это связано с общественным воспитанием: «Карательная психиатрия — это не обязательно... застенки Лубянки, смирительные рубашки и уколы аминазина. Чаще всего это последовательность рутинных административных решений, каждое из которых принимается в интересах ребенка, но все вместе они работают против него» (Вишневецкая, 2012). Почему процедуры, нацеленные на благо, работают как инструмент сегрегации? Журналистка сводит в репортаже выпускников и специалистов, представляющих разную меру критического отношения к системе: психиатров, социологов и помогающих специалистов. Прямая речь и видеоряды чередуются с ретроспективной рефлексией Юлии над тем, что ее озадачило, какие вопросы она себе задавала, и как искала ответы: «Все это время я пытаюсь решить в голове уравнение со множеством неизвестных — ПМПК, ЗПР, УО, IQ, F16, ИК — и вывести какую-то универсальную формулу ответственности». Тот, кто читает, слушает и смотрит, сам дозирует меру погружения в представленный материал, а значит, сам несет ответственность за свои реакции и мнения — что уже исключает соблазн поддаться эмоциональному заражению. Автор не высказывает, по крайней мере прямо, своей точки зрения — наоборот, аудитории предлагается «прожить» разные позиции, применив их к проблеме, которая близка всем, образованию.

Проблема помещения в институции встроена в контексты образования и регуляций допуска к нему — такая рамка задает и поиск ответа на вопрос «что делать?», увязывает процедуру принятия решения о помещении ребенка в институцию и отношение к образованию. Фокусируясь на отчуждении от образования, автор существенно снижает эмоциональный накал вокруг темы и, наоборот, предлагает задуматься над тем, как само собой разумеющиеся установки содействуют сегрегации. Например, установка на необходимость диагностики: «Почему вообще стоит такая задача? Потому что нужно дать человеку социальный маршрут... — насколько он нам подходит?», — задается вопросом один из экспертов, приглашенный Вишневецкой, Елисей Осин, и отвечает в духе фуколдианского подхода: «до тех пор пока всем людям не надо было садиться за учебники, не было никакой “легкой умственной отсталости”... А как только возникла необходимость учить всех людей абстрактным материям, появилась и проблема умственно отсталых — такая же абстрактная» (Вишневецкая, 2012). Ставший ключевым аргументом моральных паник упрек в гипердиагностике и ошибке специалиста, таким образом, трансформируется совсем в другую проблему — автоматизма мышления специалистов, их отчужденности от рефлексии, которая приводит в свою очередь к отчуждению детей от образования.

Не прямо, но последовательно Юлия сопоставляет очень разные точки зрения — на ментальную инвалидность, образование и человеческий капитал. Например, рядом с рассуждениями Осина соседствует диалог с олигофренопедагогом из интерната: «Какие

тут могут быть претензии?... Умственная отсталость — это и есть умственная отсталость, диагноз. Как не может у человека вырасти рука или нога, так и уровень интеллекта не может измениться» (Вишневецкая, 2012). И дело не в том, что педагогов с такими установками следует заменить на «свежую кровь» — как предполагается моральными кампаниями, дело в неизбежном подчинении системе. В ответ на вопрос «Почему не ведется индивидуальная работа?» звучит: «Да поймите, мы начинали с той же позиции, что и вы! — эмоционально вступает психолог интерната. — И жалели детей, и пытались с ними заниматься, и домой брали. А теперь...

— А теперь?

— Теперь мы работаем по программе» (Вишневецкая, 2012).

Одинокое противостояние специалистов внутри системы такому порядку позиционируется как подвиг, пусть и бессмысленный: «Педагог может совершить личный подвиг и вытащить ребенка на уровень массовой школы, но от этого у него будут только проблемы». Молодые люди, наоборот, не выглядят героически. Автор рассказывает, на какие негероические действия приходится идти тем, кто в детстве был отчужден от образования: «выпускница коррекционного интерната, сейчас студентка вуза, призналась, что, выйдя из детского дома, одно время зарабатывала проституцией..., наворачивая упущенное в благотворительной вечерней школе. Вечером решала уравнения и писала диктанты, ночью ловила клиентов на трассе, днем отсыпалась» (Вишневецкая, 2012). Вместо жалости к невинной жертве журналистка располагает аудиторию к опыту понимания как запускающему ответственность. В этом стремлении Юлия весьма последовательна. Например, сам зритель решит, сомневаться или нет в познавательной активности выпускников коррекционных учреждений: предлагая практически вместе с одним из них посмотреть ролик о жизни клетки, сопоставить свою реакцию и восприятие молодого человека с явным отставанием в развитии.

Увязка понимания и ответственности — одна из осевых структур текстов Дмитрия Маркова, фотографа, журналиста и волонтера, который вел блог в «Живом Журнале» до 2014 г. и документировал свое участие в проектах вокруг психоневрологического интерната в Порхове и других учреждений Псковской области: «Благотворительная организация, в волонтерском крыле которой я состоял, имела несколько проектов...: от семейного устройства до общинных форм проживания. Так или иначе, я познакомился и поработал во всех» (Марков, 2012д). Стилистика блога хотя и не исчерпывается, но близка реалисти-шоу: автор рассказывает истории по горячим следам, документируя перипетии и сопровождая их фотографиями. Дмитрий втягивает в обсуждение других участников описываемых событий — в первую очередь профессионалов и волонтеров, что усиливает эффект присутствия и поддерживает разнообразие мнений.

Слоган блога — «based on a true story» — не требует дополнительных пояснений к тому, что автор считает достоверным источником информации. Вместе с тем Марков не претендует на обладание безусловной истиной: «все, что я знаю о наших ребятах, все о чем думаю и во что верю, существует лишь на моих фотографиях. Это единственный мир,... на который способен влиять» (Марков, 2012г). Вторая режиссеру-документалисту Харуну Фароки, утверждавшему, что только личная история приближает аудиторию к правде (Fagoski, 2004), Марков указывает на терапевтический смысл таких нарративов: «Первый импульс происходит в те депрессивно-апатичные моменты жизни, когда реальность становится особенно невыносима. Хочется остановить ее, вычленив отдельные образы, которые радуют, которые имеют особый правильный смысл — моменты *личной истины*» (Марков, 2012д).

Обличительный пафос отменяется самими подростками — которые нуждаются в понимании. В интервью, взятым Марковым и растиражированным несколькими СМИ, бывший воспитанник, рассказавший историю своего выживания в системе, утверждает:

«Я думаю, что те, кто отправляет в интернаты для инвалидов таких, как я, понимают, что делают. Если бы они своими глазами увидели эту систему, потерпели бы меня, чтобы хоть доучился...

— Ты не думаешь, что им просто наплевать?

— Я думаю, они просто не понимают...» (Марков, 2010а).

Понимание, по Маркову, — язык, на котором учиться говорить намного сложнее и непривычнее, чем на языке силы: «Авторитет силы не более чем язык, на котором привыкли разговаривать подростки, а так как поначалу трудно объяснить им что-то словами, некоторое время я сожалел, что не могу прибегнуть к старому дедовскому... методу. Пришлось строить нашу жизнь на других столпах, более... фундаментальных, но до сих пор у меня нет точного ответа — выбрал я этот путь сознательно или в отсутствие легкой альтернативы. То к чему мы в итоге пришли, оно... правильнее и надежнее, но иногда думаю — будь я сильнее, мне было бы легче. Просто *легче*» (Марков, 2011)³.

Понимание — не простой путь, но это единственное, что противостоит авторитету силы, который позволяет взрослым посылать подростков все ниже по социальной лестнице, а среди подростков утверждает культ насилия. Дмитрий Марков последовательно противопоставляет принятие детей и тех, кто им помогает, любым попыткам регламентировать такую помощь посредством морального императива. Возможно, эта радикальная рамка рефлексии непосредственно связана с тем, что Дмитрий работает в условиях, которые принято называть «социальным дном», — предельной нищетой и поведением, которое обычно стигматизируется, а не понимается. Такой подход обесмысливает столь типичный для темы детей из институций приоритет человеческого капитала. Вместе с тем, по Маркову, и выбор в пользу права, в частности права на автономию, в пользу собственного выбора подростка, не более чем уловка — с учетом обстоятельств биографии того, кто существенную часть жизни прожил в учреждениях: «однажды меня озарила удивительная мысль — Мише это не надо. То есть он, конечно, не против прийти к успеху, но желательно сразу... просто так... потеть он не желает... ему и так неплохо. Это его выбор. И хорошо если это так... если б все было так, я бы от него от...ся. Но есть некоторая доля трагичной вероятности, что сделать другой выбор он не может. Потому что не научен и не способен. Потому что время упущено... Потому что представляет собой хрестоматийное дитя иждивенческой системы — ленивое, инертное, склонное проявлять активные действия лишь в сторону деградации» (Марков, 2013). А потому ни профессионалам, ни волонтерам не дано знать, тем более достоверно оценивать ни потолок возможностей, ни те самые подлинные желания. Смысл осуществляемых вмешательств не в том, чтобы спасти, — но вернуть автономию и ответственность за нее. А потому единственно возможным становится давать шанс — чем Дмитрий исправно и занимается, считая, что без такой деятельности «я бы поддался искушению и так никогда бы не понял, что картину мира надо рисовать не границами, за которые нельзя переходить, а путями, по которым стоит идти» (Марков, 2011).

Отказ от морального императива в пользу понимания поддерживает отсутствие цензуры на «провалы социализации» — истории, когда затраченные усилия не только не конвертировались в социализацию, но, возможно, привели к ущербу. Эти истории имеют особую ценность — поскольку указывают не столько на риски, которых следовало бы избежать тем, кто займется тем же, сколько практикуют понимание и располагают к принятию идеи, что помогать следует не только тем, у кого есть шанс на успешную социализацию, и помощь может состоять не только в содействии наращивания человеческого капитала. Лишая любого из апробированных им вариантов помощи ореола

³ В цитате сохранена орфография и пунктуация автора.

лучшего, Марков указывает на многообразие стратегий как безусловно необходимую основу помощи детям из учреждений.

Марков бравировует своим образом жизни, весьма далеким от социально одобряемого поведения, использует ненормативную лексику так, как ее использует большинство российского населения — для выражения эмоций, и без околичностей повествует о своих трудностях и невозможности добиться положительных результатов: «Когда я пришел работать добровольцем в детдом для умственно отсталых детей... ребята старшей группы пообещали выбросить меня в окно. Будучи не намного старше их и трезво оценивая свои... данные, я первое время старался не приближаться... к... зданию. ...За месяц работы мы сильно сдружились: перед отъездом парни вручили мне... бутылку самогона. Подарок был крайне уместным: после всего увиденного хотелось только одного — напиться» (Марков, 2010б). Это делает автора неуязвимым перед соблазном стать антрепренером морали и, как показал опыт, привлекает не только читателей, но и желающих поучаствовать в проектах.

Можно предположить, что выработанный им стиль выполняет несколько взаимосвязанных функций. Это рефлексивный фильтр — располагающий задуматься тем, кто склонен к морализаторству и сглаживающим картинкам, как их нормы и референтные группы ограничивают способность к пониманию и свободу. Откровенно издеваясь над ухищрениями последователей дефектологического дискурса, Марков походя встраивает проблему гипердиагностики в ставшую скандально известной историю, когда на основании результатов проективных тестов был ошибочно осужден за педофилию Андрей Макаров: «В Порховском интернате есть психолог... Она украдкой читает мой блог, что дает ей фактуру для постановки диагноза. Началось все с того, что еще прошлым летом она заподозрила в Пенском (воспитаннике, взятом на патронат. — *Прим. авт.*) незапланированные изменения..., и начала его диагностировать. Собственно, вся диагностика свелась к рисованию домиков и прочей проективной хрени, которая тем не менее дала... обнадеживающие результаты. Домик оказался с закрытыми окнами, а это значит, что окна скрывают страшный п...ц. Мне повезло, что Татьяна Ивановна (психолог. — *Прим. авт.*) не в курсе последних трендов, — ну, что домики сейчас не так эффективны, как, например, котики, — иначе бы меня моментально линчевали» (Марков, 2012в).

Также саркастически Марков комментирует любые попытки романтизировать волонтерскую работу, например, когда обсуждает представления друзей британского волонтера: «какая-то подруга написала ему на Facebook, что завидует, поскольку “сейчас, наверно, в России идет снег и Хови с детьми лепит большого снеговика”. Я прочитал и подумал, что сейчас, скорее всего, Хови п...дует в крошечной темноте в холодный дом, вымотанный детскими истериками и изнуренный тасканием инвалидных колясок, п...дует, чтобы затопить печки и приготовить что-нибудь пожрать» (Марков, 2012д). Идеализация помощи, по Маркову, такая же манипуляция, как и капитализация своего сиротского опыта как источника авторитетного опыта. Вместе с тем в текстах нет пафоса разоблачения или взывания к моральному императиву — первый бесполезен, на второй нет времени, как и на снеговиков.

Марков провоцирует читателей блога задуматься над тем, что безусловно осуждается или приветствуется, с чем аудитория готова согласиться или что она готова отвергнуть — не особо задумываясь, откуда берутся такие убеждения. Марков глумится над любой такой убежденностью, включая и политические пристрастия, например к оппозиции. Так, обсуждая в блоге, как лучше нарядить воспитанника перед встречей с губернатором, Марков предлагает более «официальный» вид, включая учебник химии (при том, что воспитанники получают знания в объеме программы младшей школы), у автора которого та же фамилия, что и у владельца одного из самых распространенных и проправительственных коммуникационных порталов, и менее официальный — неотъемлемая

часть которого — гламурный мужской журнал с фотографией Навального на обложке (Марков, 2012б).

Марков вполне последовательно противопоставляет принятие воспитанников аффилиации с неким обобщенным движением в пользу их социализации, инклюзии и толерантного отношения. Он транслирует опыт отношений к вполне конкретным людям в конкретных обстоятельствах. Дневник включает и самоанализ, направленный на понимание собственной неспособности к аффилиации с любой группой, от детского опыта до попыток встроиться в профессиональное сообщество. Марков находится в постоянном поиске консолидирующих фреймов вне социальных аффилиаций — примером становится пост «22» (Марков, 2012а), в котором блогер, рассказав о себе и своей коллеге, спрашивает своих читателей, какими были они в свои 22 года. Получив более 150 откликов, этим постом Марков задает ориентиры для межпоколенческой солидарности, которая разительно отличается от столь популярного стремления отмежеваться от советского опыта в пользу псевдоэмансипации.

Основной герменевтический код дневника можно определить как движение от игры к не-игре, от некоей условно сконструированной реальности к реальности собесовских интернатов, которая не только не деконструируется, но которая сама деконструирует кого угодно. Именно этот переход и становится основой личной истории, которая трансформируется, прерывается, возобновляется, но не заканчивается. Этим Марков и атакует как свойственные современной аудитории скептицизм и цинизм, так и моральные паники, которые время от времени вытесняют социальную апатию.

Заключение

Анализ моральной кампании вокруг Кристины убеждает в том, что за исключением реверсии ценности семьи такие кампании продолжают транслировать тот дискурс ребенка-инвалида, который был выработан советскими дефектологами и основывался на уповании на профессиональную помощь в пользу нормализации. Стремление инициаторов быть понятыми остается неотделимым от утилитарного видения детства, инвалидности, образования и родительства. За бортом пафосных призывов оказывается необходимость пересмотра отношения к ребенку и инвалидности как необходимого условия трансформации системы помощи таким детям. Дополняя дефектологический дискурс идеей личной ответственности, моральные кампании прочно блокируют развитие альтернатив и вдумчивую работу с окружением детей с инвалидностью. Присущий таким кампаниям токенизм располагает считать их игрой, в значительной степени соответствующей ожиданиям публики, стремящейся пережить не обусловленный личным опытом страх и ни к чему не обязывающее символическое участие. Такая активность не требует увязать призыв избавиться от общественного воспитания с переосмыслением собственных установок относительно нормы развития ребенка.

Думается, моральные кампании неизбежны — поскольку в постсоветском обществе спрос на терапию страха перед возвратом в ужасное советское прошлое не уменьшается, если не возрастает. Тема детей как будущего народа органично вписывается в подобный алармизм. Противостояние моральным кампаниям не исчерпывает задачи культивирования иного дискурса — особое значение приобретает гражданское, а не символическое участие. Альтернативные интервенции, основанные на обсуждении разных точек зрения, осмыслении провалов в помощи воспитанникам учреждений, деконструируют сложившиеся в рамках моральных кампаний интеракции между аудиторией и антрепренерами морали — располагая задуматься над тем, как следует относиться к ставшим привычными предписаниям, чтобы решиться на оказание помощи и продолжать заниматься ею даже после неуспешного опыта.

Основанный на усложненном понимании соотношения человеческого капитала и прав человека дискурс гражданского участия генерируется в осмыслении: локальной практики, разнообразных мнений экспертов, неизбежных провалах помощи воспитанникам. Гражданская журналистика предлагает аудитории предельное личное виденье проблемы и бросает значительные вызовы устоявшимся представлениям о должном. Вместо нормативных предписаний моральных кампаний публике предлагается руководствоваться контекстным знанием и опытом собственного социального участия. Примечательно, что и Вишневецкая, и Марков обращаются к молодым взрослым — в детстве которых был опыт помещения в учреждение. Именно этот ход позволяет обоим журналистам избежать многих ловушек сентиментального отношения к ребенку и последовательно конструировать то понимание проблемы обучения детей с инвалидностью, которое опирается на баланс прав человека и человеческого капитала. Вопрос о том, как реализовать такой подход относительно детей, требует еще более последовательной ревизии дискурсов детства и инвалидности.

Литература

Альтшулер Б. Остановить машину истребления детей // Информационный портал Dislife. 2009. 11 марта. URL: <http://www.dislife.ru/flow/theme/2020/> (дата обращения: 24.12.2016).

Вишневецкая Ю. Не учи. Откуда в России берутся новые неграмотные // Русский репортер. 2012. № 26 (255). 3 июля. URL: <http://rusrep.ru/article/2012/07/03/neuchi/> (дата обращения: 24.12.2016).

Ильенков Э. В. Проблема идеала в философии // Искусство и коммунистический идеал: Избранные статьи по философии и эстетике. М.: Искусство, 1984.

Кристина ищет маму. 2009. URL: <http://devo4kakristina.ucoz.ru/> (дата обращения: 24.12.2016).

Кристина-сирота ищет родителей! 2009. URL: <http://sos.storona.ru> (дата обращения: 24.12.2016).

Марков Д. 22 // LiveJournal. 2012а. 11 января. URL: <http://dcim.livejournal.com/330534.html> (дата обращения: 24.12.2016).

Марков Д. Год III // LiveJournal. 2013. 10 июля. URL: <http://dcim.livejournal.com/456108.html> (дата обращения: 24.12.2016).

Марков Д. Молодой человек, у вас есть 24 часа, чтоб переодеться // LiveJournal. 2012б. 24 января. URL: <http://dcim.livejournal.com/334023.html> (дата обращения: 24.12.2016).

Марков Д. Полевое созревание // Эсквайр. 2010а. 11 ноября. URL: <http://esquire.ru/fedkovo-kids> (дата обращения: 24.12.2016).

Марков Д. Правда // LiveJournal. 2012в. 17 января. URL: <http://dcim.livejournal.com/332452.html> (дата обращения: 24.12.2016).

Марков Д. Пути // LiveJournal. 2011. 18 августа. URL: <http://dcim.livejournal.com/301511.html> (дата обращения: 24.12.2016).

Марков Д. Рассказ беспризорника // BBC. 2010б. 31 августа. URL: <http://www.bbc.co.uk/blogs/legasy/russian/2010/08/> (дата обращения: 24.12.2016).

Марков Д. Смысл // LiveJournal. 2012 г. 9 июня. Электронная версия. URL: <http://dcim.livejournal.com/377834.html> (дата обращения: 24.12.2016).

Марков Д. Спортивное // LiveJournal. 2012д. 20 октября. Электронная версия. URL: <http://dcim.livejournal.com/tag/howard> (дата обращения: 24.12.2016).

Мещеряков А. И. Познание мира без слуха и зрения // Природа. 1970. № 1. URL: http://scep sis.net/library/id_960.html (дата обращения: 24.12.2016).

Мещеряков А. И. Слепоглухонемые дети. Развитие психики в процессе формирования поведения. М.: Педагогика, 1974.

Орлова А. Диагноз — Разночиновка // Милосердие.ру. 2013. 15 января. URL: <http://www.miloserdie.ru/articles/diagnoz-raznochinovka> (дата обращения: 24.12.2016).

Петрановская Л. Карательная психиатрия // Regnum. 2009. 19 мая. URL: <http://www.regnum.ru/news/1164917.html> (дата обращения: 24.12.2016).

Рубинштейн С. Я. Психология умственно отсталого школьника. <http://www.psyperm.narod.ru/K1.htm> М.: Просвещение, 1986.

Серрикалиева Э., Сироткин С., Суворов А. Обретешь друзей. Алма-Ата: Жалын, 1978.

Соколянский И. А. Подготовка слепоглухонемого подростка к производственному труду в условиях домашнего воспитания // Обучение и воспитание слепоглухонемых. Вып. 121 (в) / Под ред. И. А. Соколянского, А. И. Мещерякова. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962.

Степина Н. Карательная психиатрия в сиротских учреждениях — результат репрессивной педагогики // Regnum. 2009. 16 мая. URL: <http://www.regnum.ru/news/1164276.html#ixzz2GZQTKTDS> (дата обращения: 24.12.2016). Тульчинская Т. Как система социального призрачения в России ломает судьбы детей // Regnum. 2009. 22 февраля. URL: <http://www.regnum.ru/news/1128298.html> (дата обращения: 24.12.2016).

Goffman E. Frame analysis. An essay of organization of experience. Northeastern University press: Boston, 1974.

Burman E. Deconstructing Developmental Psychology. London, New York: Routledge, 1994.

Cohen S. Whose side were we on? The undeclared politics of moral panic theory // Crime, Media, Culture. 2011. № 7 (3). P. 237–243.

Dandoy A. Towards a Bourdieusian frame of moral panic analysis: the history of a moral panic inside the field of humanitarian aid // Theoretical criminology. 2015. № 19 (3). P. 416–433.

Dufrasne M., Patriarche G. Applying genre theory to citizen participation in public policy making: theoretical perspectives on participatory genres // Communication Management Quarterly. 2011. № 21. P. 61–86.

Farocki H. Working on the sight lines // Film culture in transition / Ed. by T. Elsaesser. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2004.

James A., Jenks Ch., Prout A. Theorizing childhood. Cambridge: Polity Press, 1998.

Walkerdine V. Developmental psychology and the study of childhood // Introduction to childhood studies / Ed. by M. Kehily. Buckingham: Open University Press, 2009. P. 112–124.

References

Altshuler B. (2009) Ostanovit' mashinu istreblenija detei [Stop the machine of child murder]. *Dislife information portal*. 11 March. URL: <http://www.dislife.ru/flow/theme/2020/> (accessed 24.12.2016).

Vishneveckaja Ju. (2012) Ne uchi. Otkuda v Rossii berutsja novye negramotnye [Do not teach. Where are new illiterates in Russia come from?]. *Russkij Reporter*. 3 July. URL: <http://rusrep.ru/article/2012/07/03/neuchi/> (accessed 24.12.2016).

Il'enkov Je. V. (1984) Problema ideala v filosofii [The issue of ideal in Philosophy]. *Iskusstvo i kommunisticheskij ideal: Izbrannye stat'i po filosofii i jestetike* [Art and communist ideal: selected papers on Philosophy and Aesthetics], Moscow: Iskusstvo.

Kristina ishhet mamu [Krystina is looking for Mom] (2009). URL: <http://devo4kakristina.ucoz.ru/> (accessed 24.12.2016).

Kristina-sirota ishhet roditelej! [Krystina who is an orphan is looking for parents!] (2009). URL: <http://sos.storona.ru> (accessed 24.12.2016).

Markov D. (2012a) 22. *LiveJournal*. 11 January. URL: <http://dcim.livejournal.com/330534.html> (accessed 24.12.2016).

Markov D. (2013) God III [The third year]. *LiveJournal*. 10 July. URL: <http://dcim.livejournal.com/456108.html> (accessed 24.12.2016).

Markov D. (2012b) Molodoj chelovek, u vas est' 24 chasa, chtob pereodet'sja. [Young man, you have 24 hours for disguising]. *LiveJournal*. 24 January. URL: <http://dcim.livejournal.com/334023.html> (accessed 24.12.2016).

- Markov D. (2010a) Polevoe sozrevanie [Field-work maturation]. *Esquire*. 11 November. URL: <http://esquire.ru/fedkovo-kids> (accessed 24.12.2016).
- Markov D. (2012c) Pravda [Truth]. *LiveJournal*. 17 January. URL: <http://dcim.livejournal.com/332452.html> (accessed 24.12.2016).
- Markov D. (2011) Puti [Pathways]. *LiveJournal*. 18 August. URL: <http://dcim.livejournal.com/301511.html> (accessed 24.12.2016).
- Markov D. (2010b) Rasskaz besprizornika [Self-story of abandoned]. *BBC*. 31 August. URL: <http://www.bbc.co.uk/blogs/legacy/russian/2010/08/> (accessed 24.12.2016).
- Markov D. (2012d) Smysl [Meaning]. *LiveJournal*. 20 October. URL: <http://dcim.livejournal.com/377834.html> (accessed 24.12.2016).
- Markov D. (2012e) Sportivnoe [Sportive]. *LiveJournal*. 20 October. URL: <http://dcim.livejournal.com/tag/howard> (accessed 24.12.2016).
- Meshherjakov A. I. (1970) Poznanie mira bez sluha i zrenija [Learning of world without hearing and seeing]. *Priroda*, no 1. URL: http://scepsis.net/library/id_960.html (accessed 24.12.2016).
- Meshherjakov A. I. (1970) *Slepogluhonemye deti. Razvitie psihiki v processe formirovanija povedenija* [Blind deaf-mute children. The mental development within shaping their behaviour], Moscow: Pedagogika.
- Orlova A. (2013) Diagnostika — Raznochinovka [Diagnosis — Raznochinovka]. *Miloserdie.ru*. 15 January. URL: <http://www.miloserdie.ru/articles/diagnostik-raznochinovka> (accessed 24.12.2016).
- Petranovskaya L. (2009) Distsiplinarnaya psikhiatriya [Punitive psychiatry]. *Regnum*. 19 May. URL: <http://www.regnum.ru/news/1164917.html> (accessed 24.12.2016).
- Rubinstein S. (1986) *Psikhologiya umstvennogo otstalogo shkol'nika*. [Psychology of mentally retarded student], Moscow: Prosveshchenie.
- Sokoljanskij I. A. (1962) Podgotovka slepogluhonemogo podrostka k proizvodstvennomu trudu v usloviyah domashnego vospitanija [The preparation of blind deaf-mute children for manufacturing labor within family upbringing]. *Obuchenie i vospitanie slepogluhonemyh* [Education and upbringing of blind deaf-mute children] (eds. I. A. Sokoljanskogo, A. I. Meshherjakova), Moscow: Izvestija APN RSFSR.
- Serrikalieva Je., Sirotkin S., Suvorov A. (1978) *Obretesh' druzej* [You will find friends]. Alma-Ata: Zhayly.
- Stepina N. (2009) Karatel'naya psikhiatriya v sirotskikh uchrezhdeniyakh — rezul'tat repressivnoi pedagogiki [Punitive psychiatry in orphanages is the result of oppressive pedagogy]. *Regnum*. 16 May. URL: <http://www.regnum.ru/news/1164276.html#ixzz2GZQTKTDS> (accessed 24.12.2016).
- Tulchinskaya T. (2009) Kak sistema sotsial'nogo prizreniya v Rossii lomaet sud'by detei [How the Russian welfare system breaks children's destiny]. *Regnum*. 22 February. URL: <http://www.regnum.ru/news/1128298.html> (accessed 24.12.2016).
- Goffman E. (1974) *Frame analysis. An essay of organization of experience*, Boston: Northeastern University press.
- Burman E. (1994) *Deconstructing Developmental Psychology*, London and New York: Routledge.
- Cohen S. (2011) Whose side were we on? The undeclared politics of moral panic theory. *Crime, Media, Culture*, vol. 3, no 7, pp. 237–243.
- Dandoy A. (2015) Towards a Bourdieusian frame of moral panic analysis: The history of a moral panic inside the field of humanitarian aid. *Theoretical criminology*, vol. 3, no 19, pp. 416–433.
- Dufrasne M., Patriarche G. (2011) Applying genre theory to citizen participation in public policy making: Theoretical perspectives on participatory genres. *Communication management Quarterly*, no 21, pp. 61–86.
- Farocki H. (2004) *Working on the Sight Lines. Film Culture in Transition* (ed. T. Elsaesser), Amsterdam: Amsterdam University Press.
- James A., Jenks Ch., Prout A. (1998) *Theorizing childhood*, Cambridge: Polity Press.
- Walkerdine V. (2009) *Developmental psychology and the study of childhood. Introduction to childhood studies* (ed. M. Kehily), Buckingham: Open University Press, pp. 112–124.

Identities and a sense of belonging: young Lithuanians and Latvians from ethnic minorities

Lyudmila Nurse*

This paper addresses the ways in which new nation building in Lithuania and Latvia since the 1990s affects cultural identities of ethnic minorities in this historically culturally diverse region. Its aim is to identify from a “bottom up” perspective means through which individuals from different ethnic minorities express and negotiate their cultural, ethnic and national affiliations. It explores the ways ethnic minority people retain their own identities amidst globalization/hybridization of culture at the beginning of the 21st century and new nation-building.

Using a variety of empirical, including biographical data, the paper contributes to the theoretical and policy debate on cultural diversity that is rooted in the historical and geopolitical paths of Eastern Europe. This data was collected in the EU- funded project EC FP7 ENRI-East (2008–2011)¹ in which ethnic minorities from Lithuania and Latvia were studied. In the study, ethnic minorities along the new EU border were considered as neither being entirely diasporic or of migrant origin, but as a “quasi-diaspora” group that was mostly created not by recent migrations, but by historic border shifts.

Analysis of the biographical narratives of individuals from ethnic minorities in Lithuania and Latvia showed the complexity of ethnic, national and European identifications, and the ways individuals choose who they are in a rapidly changing cultural environment. The use of the actor-driven ethnic identification approach instead of “grouping” according to the external markers of ethnicity proved to be successful in getting individuals’ reflections upon the changing nature of cultural environment, and also in the historic narratives of association with “place”.

Biographical methods enabled the capture of the dynamics of ethnic identification, biographical life strategies of the individuals, perceptions of the “other” in society, minority (ies)-majority relationship. Comparative analysis of biographical narratives of ethnic minority individuals in Lithuania and Latvia references changing language practices, surnaming convention, historic and cultural memories of the place, religious practices.

This paper was prompted by the Conference: “25 years later: between the Soviet past and an unclear European and Eurasian future” which was organized by the Project for Migration

---

* Dr. Nurse Lyudmila, director of Oxford XXI (www.oxford-xxi.org), Honorary Research Fellow at the Humanities and Social Sciences Faculty of Oxford Brookes University. lyudmilanurse@oxford-xxi.org.

¹ EC FP7 ENRI-EAST: *Interplay of European, National and Regional identities* project. The project was funded by the European Commission through an FP7-SSH Grant No 217227. Geographical coverage of the biographical interviews included eight East Central EU countries and Eastern European non-EU countries and covered twelve ethnic minorities in total. These involved Russians, Belarusians and Poles in Lithuania; Russians in Latvia, Ukrainians and Belarusians in Poland, Slovaks in Hungary, Hungarians in Slovakia, Poles in Belarus; Poles and Hungarians in Ukraine, and Lithuanians in Russia (Kaliningrads-kaya oblast). The data used for the analysis in the present paper is based on the interviews that took place in the following countries and locations: Latvia: interviews were carried out in Riga, Rēzekne and Daugavpils. Lithuania: Lithuanian interviews were undertaken in and around Vilnius.

and Security Studies on the post-Soviet space of the Central European University in Budapest (directed by Dr. Irina Molodikova) and took place in November 2016.

Key words: ethnic minority, Lithuania, Latvia, cultural diversity, identities, belonging, biographical strategies

Introduction

The understanding of cohesive society in post-Soviet and Eastern European countries since the collapse of Communism has been a core topic of political and academic debates for over two decades. The collapse of old political and societal systems and disintegration of larger states had the result that “individuals lose a sense of belonging and are attracted to ethnic nationalism, which according to psychological research increases a sense of self-esteem. For similar reasons, they may be attracted to family and other traditional values” (Eatwell, 2009, p.53, cited in Guibernau, 2013, p. 23). Although Eatwell’s observation quoted by Guibernau above, mainly refers to the revival of the radical right in the “profoundly individualistic” Western societies (Guibernau, 2013), this pattern is strikingly similar to the developments in post-Soviet Eastern Europe. Using the bottom-up approach, this paper assesses the sense of belonging and “otherness” of individuals from ethnic minorities in culturally diverse communities, when a “conflict” between their formal/external identities and ethnic identification leads to the increased sense of “otherness” and alienation. The present paper includes analysis of ethnic identifications and biographical strategies by ethnic Russian minorities in Lithuania and Latvia through the use of biographical narratives of the younger generations of Lithuanian and Latvian Russians-contemporaries of Lithuanian and Latvian independent states. The paper explores a range of factors that affect ethnic minorities’ sense of belonging in culturally diverse communities and those that cause insecurity that could prompt them to consider emigrating from the “new” nation-states or remaining.

Biographical interviews were part of series of qualitative studies conducted by the EC FP7 ENRI-East project (2008–2011), in 8 east and central European countries and Russia and 12 ethnic minority groups (Nurse, 2013, p. 117–119). Developed approaches and findings could be important for other European studies and policies regarding ethnic minorities’ human security and related to human insecurity migration, particularly in European and post-Soviet countries and also for Western European countries where there is a trend of transfer of power to sub-national layers of government.

Cultural diversity in the nation building in the post-Soviet context

In her book “Belonging: Solidarity and Division in Modern Societies”, Montserrat Guibernau comments on the models of integration, their success and desirability in modern societies. She raises the question “what should be the basis of a cohesive society” and asks “whether this requires the sharing of a common identity grounded upon some cultural, linguistic, religious and civic values among all citizens. Ultimately it poses questions about the conditions for the **coexistence of different identities within a single nation** (emphasis mine LN), thus directly addressing a reflection on the limits of toleration within liberal democracies” (Guibernau, 2013, p. 22). Co-existence of different identities within a single nation became an issue of intensive theorization due to the emergence of increasingly culturally mixed global societies, but discussions were mostly focused on the impact of populations movements, international, transnational migration flows leading to hybridization of cultures (Nederveen Pieterse, 2007, 2015; Lianos, 2013). Increasing hybridization of cultures impacts and challenges individuals’ sense of belonging in rapidly changing societies, be they locals or the “other”. Though

hybridization of cultures is not a new phenomenon, “the pace of mixing accelerates and its scope widens in the wake of major cultural changes, such as new technologies that enable new forms of intellectual contact” (Nederveen, Pieterse, 2007, p. 3). Hybridization of cultures which is accelerated by 24/7 media flows, travel and increased population flows, dilutes the distinctive symbolic borders between local and the “other”, and changes the balance between majority-minority populations depending on historic or political circumstances. This process is asymmetrical not only in global and regional relations, but also from a generational perspective. This unevenness is clearly present in East Central European countries (Nurse, 2013; Nurse, 2011; Nurse, Sik, 2011) which have been building cohesive societies in a historically and culturally diverse part of the EU. The issue of ethnic minority groups’ identification in the Eastern European context is closely intertwined with the national border changes in Europe. The focus of this paper is not on detailed analysis of major historic and geopolitical changes in Europe after WWII, disintegration of the USSR and the enlargement of the European Union to the East for the whole of Eastern Europe; however, these events are reflected in the narratives of the ethnic minority individuals.

Prior to the dissolution of the USSR, in 1989 a series of measures was adopted by the then Soviet Union Baltic republics, regarding their cultural self-determination and language laws (Wright, 2000, p. 55) and later led to the adoption of citizenship laws in 1991. The decisions of that time would significantly impact the way new nation-building was shaped and how it affected Russian minority populations in the Baltic States. In the last decade and immediately after their countries independence a significant number of publications appeared about historic memories and grievances of the new titular nations of the Baltic states regarding their Soviet period (Aarelaid-Tart and Bennich-Björkman, 2012; Assmuth, 2012; Reiter, 2012). One of the aims of these studies was to evoke cultural memories, through individuals’ and families’ life histories and symbolic reconnection of titular nations with their cultural heritage, which became “entangled” with the Soviet heritage. There were two significant aspects in disentangling cultural histories at that time: one was de-ideologization (de-communization), but the other dimension became core to the creation of new national narratives, new nationalisms. Though the two dimensions are connected, they served different purposes in the nation building and reflected differently in the narratives of the local people in Lithuania and Latvia. There was not much dispute about the negative, gruesome legacies of the Communist era, a time of deportations and persecution for ideological and religious views. As a substantial body of research after 1990 showed, no ethnic groups in the ex-Soviet states, including the Russians, escaped the persecutions of the Stalinist totalitarian regime (Bertaux et al, 2004; Bertaux et al, 1996; Humphrey et al, 2003). It is the changing position of Russian ethnic minority individuals in the process of nation-building in the two post-Soviet countries of Lithuania and Latvia that is in the focus of this paper.

The change between different supra-national alliances which the newly-independent countries of the Baltic region were part of: from the Soviet Union to the European Union in just over a decade was rapid and primarily politically motivated. Prior to their admission to the EU, candidate states had to make changes to their laws to comply with the requirements of the EU and the Council of Europe in various areas including “human rights in general and the state’s treatment of minorities. Laws that were deemed to be discriminatory to minorities or policies that adversely affected their ability to compete politically, economically or socially were “red flagged”, and until they were sufficiently amended, the candidate country could not become an EU member” (Johns, 2003, p. 683; Nurse et al, 2002). But somehow policy amendments and special measures to protect ethnic minority rights did not work as planned (Hughes, 2005). As the statistics of ethnic minority populations in the Baltic States show, an increasing number of them are leaving their home countries, despite being born and bred there.

The populations of Lithuania and Latvia dropped significantly between 1989 and 2013; in Lithuania from 3.7 m people to 2.95 m people. In Latvia: from 2.7 m people in 1989 to 1.99 m in 2014 (Shevtsov, 2014). Some experts on migration have observed a trend of increasing migration flows since 2004 when both Lithuania and Latvia joined the EU and their population was keen to move to work in much wealthier countries of Western Europe (Aasland, Fløtten, 2001, p. 1024).

“Mistaken identities”: non-Lithuanian and non-Latvian population in Lithuania and Latvia

The ethnic composition of the minority population differed in Lithuania and Latvia at the time when these countries re-gained independence compared to now. Also their respective approaches to citizenship laws, comparative analysis of the outcome of nation-building policy and response of the minority individuals to new realities 25 years later is remarkably similar. At the last census of the then USSR in 1989, the ratio of non-Latvians and non-Lithuanians were respectively: 48% in Latvia and 20.4% in Lithuania. Russians only accounted for 34.8% in Latvia and 9.4% in Lithuania (Volkovs, 1999 cited in Matulionis et al, 2011, p. 13; Kasatkina, Leončikas, 2003 cited in Matulionis et al 2011, p.19). The historical precedent of culturally diverse populations in large cities and towns in both countries could have led to the creation of modern culturally diverse nation states in all Baltic States. But the history of new nation-building in the last 25 years, mostly driven by historic grievances and cultural memories, has taken a different turn, towards the creation of “ethnic nations” (Bjorklund, 2006) and generally ignoring historical, cultural and linguistic paths of their minority communities.

Apart from the Russians, among those non Lithuanian ethnic groups in Lithuania is an ethnic minority of Poles, whose ancestors have lived in Vilnius since the 15th century, from the time of the Lithuanian-Polish united country, the Grand Duchy of Lithuania. Though Polish minority closeness with the majority population has one significantly strong institution in the Roman Catholic church, the Polish in our study emphasized that sharing Slavic roots with the Russians made it easier for them to understand the Russian language, as well as create a sort of ‘Vilnius Polish dialect’, so distinctively different from the “mainland” Polish (Nurse, 2013). Russians in Lithuania are also not recent “newcomers”. The Russian ethnic minority group effectively represents different waves of immigration to the country and geo-political changes in the entire region (Matulionis et al, 2011). It is also mixed with other minorities (Poles and Belarusians) linguistically as well as with a majority population. The Slavic population in the Baltic States, in reality, represents a variety of ethnic and religious backgrounds. People from mixed ethnic origins among ethnic Russians in Lithuania include people of other Slavic groups (Belarusians, Ukrainians, Polish) and other origins: Tatars, Armenians. But at the same time inter-marriages were also dependent on church denominations. The smallest ethnic group in Lithuania, is Belarusian.

‘Russians in Latvia’ is very often a generic term which describes any people who are non-Latvians and who speak Russian as their mother tongue. Historic and minorities research in recent years showed that, contrary to assumptions, they “have been immigrants from poor countries seeking work, or refugees”, the majority of non-Latvians who comprise mainly Russophone Russians and other Slavs demonstrate their historic and cultural roots and heritage in modern day Latvia (Aasland, Fløtten, 2001; Assmuth, 2012; Bjorklund, 2006; Laitin, 1998; Matulionis et al, 2011).

With this in mind, I have summarized information about the ethnic family origin of interviewees from the younger generation of those who identified themselves as “Russian” one way or the other and which will be used for further analysis (Table 1).

Table 1

Biographical cases used in the analysis

Biographical cases	Place of birth	Age ²	Legal status	Family ethnic origin	Ethnic self-identification
“Artjom” ³	Lithuania	17	Lithuanian citizen	Russian/Polish/Lithuanian	Russian in Lithuania/citizen of the world
“Sergeij”	Lithuania	18	Lithuanian citizen	Russian/Lithuanian	Russian
“Natalia”	Lithuania	22	Lithuanian citizen	Russian-speaking Poles from Vilnius and Armenians from Azerbaijan	Russian speaking Russians in Lithuania
“Varvara”	Latvia	17	Latvian citizen	Russians from Latvia	Russian
“Viacheslav”	Latvia	17	Latvian citizen	Chuvash and Belarusians from Latvia	Belarusian, Russian, Latvian and Chuvash
“Georgij”	Latvia	16	Latvian citizen	Russians from Latvia	Russian From Latvia

We are Russian- speaking Lithuanians and Latvians, but who are we really?

“...We are not yet natives, neither [are we] the same as before” — an excerpt from one interview

From several case studies that were conducted in the larger project, I have chosen examples from the Vilnius study which I described as: “From one country to another without changing the address” (Nurse, 2013). In that case study I analyzed biographical narratives from three generations of the local population of Vilnius: from the young generation of the Polish and Russian-speaking ethnic minorities in Vilnius. They and their respective parents were born in Vilnius, and claimed to be “truly” local. For the current paper I have selected only young people from Vilnius, whose whole life was shaped in the independent Lithuania, or who like Natalia, an excerpt from whose interview I am quoting in the title of this part of the paper, was born in 1988 and was too young to remember the life before Lithuanian independence. The other two young Lithuanians are Artjom and Sergeij, who at the time of interview were respectively 17 and 18 years old. They are all citizens of Lithuania and are local, for whom Vilnius is their home city, where they were born and their families are also “rooted” in the country in one way or the other. What makes them similar is their “otherness” in the Vilnius cultural context by the language they speak in public places, which according to Sergeij’s observation “made it all”, because it is the only way you can identify yourself as who you are (Nurse, 2013). Natalia, though, observes her own complex identity referring to her ethnic origin and also the language that she speaks:

“... Yes, Russian –speaking, but I am not Russian by origin. Actually, it is in line with blood, so I have very little Russian blood and [I] don’t have Lithuanian blood at all. That depends on [a] country... In some other country it is very exotic to say I am [an] Armenian. [But] as I don’t know that language, I fail to communicate naturally with Armenians, because the identity is different, and our mentality differs very much...”

² Age at the time of interview in 2010.

³ All original names of the respondents have been changed to protect identity of the interviewed.

Artjom's family origin is very complex, but despite having multi-cultural roots from both his mother's and father's side of his family: Russian, Polish and Lithuanian, he describes himself as Russian in Lithuania.

"I am quite of a mixed origin, I have Lithuanian blood and Polish blood and Russian blood. But in principle we all speak in Russian. ... And consider ourselves Russians in Lithuania. Something like this... What else can I add.? I am half- Russian, one-quarter — Pole and one-quarter Lithuanian. My origin is such that on my mother side I completely Russian, but on father's side Lithuanian and Polish". Sergeij also referred to having Russian and Lithuanian roots, but he also described himself as Russian.

For comparative purpose, my selection of young Latvians is also of those who are Latvian citizens and are also truly local to the city of Riga and Daugavpils where they were born and grew up. The reason for this comparative perspective, is that Lithuania adopted a more liberal approach as compared to Latvia in recognizing the right of their minority population by granting everybody who was residing in the country in 1992, full Lithuanian citizenship. Whereas Latvia embarked on the policy of integration of a much larger minority population using an "assimilatory" principle based on one official Latvian language. The aim of this comparative analysis is to observe what difference their approaches made on the younger generations of Lithuanians and Latvians which were exposed to this policy since their birth and biographical strategies regarding their future.

Georgii (Latvian) was born in Daugavpils describes his place of belonging and his identity:

"...Latvia-my home country/birth country. But closer to me anyway will be Russia as a Slavic territory... as my native language I consider Russian"

Georgii also observes that:

" You feel yourself Russian, but you feel like you don't live in your native country. Simply in the country, ... where Latvians dominate,... but you are simply a national minority. Meaning, in fact, your motherland is supposed to be behind the border, but you live in a country where the laws are different, different customs."

Viacheslav (Latvian) was born in Riga, but he describes his family origin as rather mixed: his mother is an ethnic Chuvash who was born in Riga and his father is Belarusian from Latvia. He describes his identity is of mixed Belarusian, Russian, Latvian and Chuvash origin, whereas he considers Russian as his mother tongue.

The third young Latvian is Varvara. Varvara was born in a suburb of Riga to Russian parents and she also identified herself as Russian. She was also eager to mention that her parents are from Latvia, however her father is not a citizen of Latvia, but her mother is.

What seemed to be significant in the biographical stories of the younger generation of the minorities' is their references to their families' ethnic origin, locations where they are from, languages spoken at home, with peers, at school and changes which are continuously taking place since their childhoods. In fact, this is the new dimension in the younger generation, identification which stretches beyond the traditional identity of the place where they live. The young people's sense of belonging to local places by being born in Lithuania and Latvia whilst maintaining their own cultural identity through speaking Russian and also their unique experience of bi-lingualism work as their biographical resource in life decisions. There is some significant similarity between young Lithuanian (Sergeij) and Latvian (Georgii) when they acknowledge that despite the fact they identify themselves as Russians, they actually have never visited Russia, which is just across the border, which Georgii (Latvian) acknowledged as difficult to comprehend. However, they believe that although they are Russians in Lithuania and Latvia, they each believe that in Russia they would be perceived as Lithuanian and Latvian (respectively). Another significant similarity in their biographical accounts is that they both plan to emigrate for further studies to the West, not to Russia.

Young Lithuanians and Latvians were very keen to describe their relationship with Lithuania and Latvia and also their references to the Soviet Union. Their knowledge of the Soviet Union comes from textbooks and occasional meetings with people.

Natalia (Lithuanian) summarizes the relationship of the new generations of young Lithuanians with the Soviet Union this way:

"...New generation evolved, they know about the Soviet Union only from textbooks, they are written no one knows how, it is really unclear who is right and why, if they don't ascribe themselves to it... don't ascribe it in any way. So we are still these mediators who still love the Soviet Union, but this love filters very much [by what] occurred then [in the past]... What was good... still was good... love it, because it did much good for our parents. Altogether we look at the future, with our eyes open, and by no means we live in our history that occurred then, but we still respect it."

She also describes a kind of "transitional status" of people who are not ethnic Lithuanian: that they haven't become "native" yet, though they are not the same as they were in the Soviet time.

Similarly, a Latvian female interviewee, Varvara has also expressed concerns of how official figures in Latvia are so hostile to Russia, in her opinion, without any reason at all. She was referring to a visit from the then Mayor of Moscow, Yury Luzhkov to Riga and the meetings that took place in the Moscow House (Cultural and business center of Moscow in Riga) and a press-conference he gave with the Mayor of Riga Nil Ushakovs. Luzhkov's suggestion of instituting Russian as the second official language in Latvia prompted an angry response from the then President of Latvia V. Zatlers, who according to Varvara, said that he wouldn't listen to the opinion of outsiders and the Russian language will never become a second state language in Latvia. She comments that in a way she understands that he doesn't want to allow Russian to be a second state language, whereas in many countries more than one state language is practiced and even in America, where there are a lot of immigrants from Russia, you can see Russian labels in the shops. She also felt uncomfortable with the tone of those comments, stressing the Latvian officials' lack of sensitivity in a mixed society, where almost a third of the population speaks Russian and define themselves as Russians. But it is on the 9th of May that Varvara feels mostly connected to Russia:

"...For me the 9th of May is a big day, very big! On that day I feel my affiliation with Russians, with Russia. On this day I always have high spirit, every year I go to the Monument [Victory Memorial to the Soviet Army in Riga], and always from the morning till the evening, till 10 o'clock, till fireworks come up, I am there. I socialize with veterans, with those few remained, very few, and very soon there will be none of them, and there will be no people to communicate with to ask how it happened in reality. And it seems to be necessary to absorb from them what they can tell, so that later I could tell my grandchildren, how it all happened in reality. Because history will be altered a thousand and one times... Thanks to Russians, thanks to the victory, we live, we have what we have. Both Riga and Latvia..."

The relationship between Lithuanian and Latvian Russians and other Lithuanians and Latvians, as was referred to in the biographical narratives, was mostly about languages spoken in public places, multi-lingual signs, celebration of historical dates (past and new) and occasional expression of negative attitudes towards Russian speaking people, in a style of "banal nationalism" (Billig, 1995).

Since the time of independence, the Lithuanian language is much more widely spoken in Vilnius, which for some presents as an advantage, whereas others believe that other languages like Russian and Polish must continue being recognized, since the majority population speaks Russian and Polish anyway. Sergeij (Lithuanian) is very much in favour of multi-language practices in line with historical paths and geo-political reality:

"Dully thinking and noticing that older generation is nevertheless, majority of Lithuanians speak Russian language. In my generation they can understand in order to understand but it is

difficult to say something. I mean, and after all it is nice to hear when Lithuanians say that they feel pity that they don't know Russian language. Because, after all there are very many speakers of the [Russian LN] language. It is very cool when you know it. I notice by myself that our older generation was, I mean, knew lots of languages, while living in Vilnius you knew Polish, Russian, and Lithuanian. I, for instance, do not know Polish language. I feel myself a little bit deficient when I speak with older generation. Because there are some who communicate in Polish..."

A young Latvian man, Viacheslav from Riga, also said that in his everyday life he communicates in Russian:

"In Russian, of course. Because I am studying in a Russian school, in a Russian theatre, in a Russian job, I have a Russian broadcast. In shops actually, too, when I come, I speak the language which is convenient for me, that is, Russian. If I need to ask something, how to say, I ask in Russian, [if] I am answered in Latvian, again I [continue] talk in Russian. If some person, I see that he doesn't like that I speak Russian or he puts an accent that "I want you to talk in Latvian", please, it is not hard for me, I have no problem, I can ask the same in Latvian. There are such people, well, I find this disgusting, how many times I came across this... you come up to a person, well, you don't know what you will have — a Russian, a Latvian, I am asking in the language that is convenient for me..."

The negative attitude of the local Lithuanians and Latvians, as observed by young people in Vilnius and Riga who were quoted above, is mostly directed to the Russian language and people who continue speaking Russian in public places. Whereas the locals are much more tolerant to the other "foreign" language visitors in Riga and Vilnius (which are very popular tourist destinations among Western Europeans), be they French, Spanish or English. There is almost something fundamentally faulty in the creation of the new national narrative in both Latvia and Lithuania, in the selective respect of some cultures and the near suppression of cultures and languages that contributed to the unique cultural diversity of the places which were, for centuries, truly liberal and multicultural. This selectiveness creates fertile ground for "social exclusion" by ethnic principle (Aasland and Flotten, 2001) and ironically undermines the future of the Latvian and Lithuanian societies. While Latvians and Lithuanians are "checking on" the Russian accents of their compatriots, other cultures are taking firm ground in their countries-cultures of global communication and movement of people. A Latvian female student Varvara puts it this way:

*"I speak Russian, I can afford not speaking Latvian at all, but **I need to speak English [emphasis mine LN]**, because, well, it is the most global language of all that can be. If you don't speak it, then you don't have any privileges in this life. And you will go to work; [if] you speak [only] one language then good-bye! You need to speak, as minimum, two. I speak German too... And I speak Spanish too. And Latvian..."*

And she adds that studying Latvian is rather a necessity for her than anything else:

"I study Latvian as much and it is needed. Precisely because of the country... To be honest, I would probably, not learn it, if Latvian language would not be necessary for living in this country... In fact why learn it, if you [plan] to live in a different country? I am saying that I don't have interest to learn Latvian here just like that. For, it's like ... I simply study because, simply because it is a national requirement, so to say."

But it is Viacheslav — a young male Latvian student from Riga who observes that there are more Russians now who tend to speak Latvian only:

"There are [such] Russians. It is easier for them [to speak] in Russian, but they will strictly speak only Latvian..."

What the younger generation of Lithuanians and Latvians are observing is that despite their command of new official languages, that they have been learning from their childhood through formal education (kindergarten, school) and also exposure to media, and speaking them in public places, knowledge of Lithuanian or Latvian language alone cannot turn a member of an ethnic minority into a Lithuanian or Latvian. However, they regard practical multi-lingualism as

a great asset in their life choices, but specifically emphasize the great importance of a profound knowledge of English and other European languages. There is a big generational linguistic skills difference between the younger and older Lithuanian and Latvian people of Russian ethnic origin that is evident when the older have to rely on the help of their children and grandchildren or network of friends in writing official documents and getting about in everyday life.

One of the most important observations of the Cultural barometer of the 2007 report “European cultural values” is that the younger generation of Europeans is very keen to learn foreign languages, to be able to travel and maintain contact with the world. At the level of individual countries, Latvia and Lithuania are at the top of the list with large majorities of their population 76% Latvians and 68% Lithuanians who express an interest in learning or improving their language skills. (European cultural values, 2007, p. 48–49). For 14% of Lithuanians and 14% of Latvians the reason for that is to be able to study abroad. For 26% of Lithuanians and 36% of Latvians it is the reason to be able to work in another country; and for 29% of Lithuanians and 30% of Latvians — to get a better job in their own country (European cultural values, 2007).

Life strategies of contemporaries of Lithuanian and Latvian independence

For more detailed analysis of life strategies and plans I chose biographical stories of the informants from the younger generation of ethnic Russian, male and female, information about whom is summarized in Table 1. Despite some similarity, in general life circumstances in Lithuania and Latvia for Russian minorities regarding their position as minorities, they respond differently to the new reality, since Lithuanian and Latvian independence in terms of their future as being the “other” in society. I compared biographical strategies of young ethnic Russians, those who were born in 1990s in the independent states of Lithuania and Latvia.

It is a change in the balance of two causes for individuals to consider their life strategies and two options: to remain or leave. There are several nuances in the biographical strategies which could be generalized as two main options: to remain or to leave, but there are some deeper variations in the motives for each option. These nuances could be summarized in the following table (Table 2).

Table 2

Motives to remain or to leave

Remain	a) Acceptance of being “different” and intention to remain — “tolerable otherness”	b) Uncomfortable being the “other”, but indecisive — both Russian and European
Leave	c) Acceptance of being “different” and intention to leave	d) Uncomfortable being the “other” and plan to leave (to another country, but not connected to their ethnic origin) — “there are better places to live in the world”

These strategies serve as an invaluable source of information about minorities’ identity management in trying to resolve a “conflict” between formal (external) identity and their intention to remain who they are. Let’s look more closely at how these strategies are defined and explained by the younger generation of Lithuanian and Latvian Russians:

a) Tolerable “otherness”, but closeness to the place

Viacheslav from Riga (Latvia) is emotionally attached to his home city, despite the fact that he often struggles with being “pushed” into speaking Latvian on demand rather than when it

makes sense. He recalls, in his interview, his school essay in which he described Riga as his "little Paris". He already travelled to Western Europe and he "loves Paris madly", but when it comes to Riga, it is a special story for him. He likes Riga and he shows a lot of detailed knowledge about the Old Town's cobbled streets and its canal and roofs: "... *Everything is so familiar and everything is so close, [laying/resting] on one hand*". His knowledge of Riga is in high demand when he guides tourists around its streets. This also enables him to see that people who speak foreign languages on its streets are welcome, unless they speak Russian.

Viacheslav also observed that since Latvia became a member of the European Union, the city has built a new bridge and an underground tunnel, "just like in Paris" and this makes him feel more European. He has also mentioned an opportunity to travel and exchange programs which make him feel European. Viacheslav has some considerations about studying in Russia as an actor, but he concluded that:

"... whilst education for actors in Russia, it is one of the best in the world... it is just a problem here, that to have a Russian qualification in Latvia, because Russia is not the same as the European Union".

And if people go to get education in Russia, then most likely they have to stay there to work and live, which wasn't his option at the time of interview.

Artjom from Vilnius (Lithuania) is also of a similar opinion – to remain, when it comes to the choice of moving elsewhere or not. He said that Lithuanian membership in the EU created opportunities for his family to travel abroad and they travelled intensively. He also has friends who moved to England and Sweden and contact with them keeps him well-informed about life abroad:

"... We know that salaries are much higher in England and Sweden, and living standards are higher. Some of my friends have been there in England and Sweden. ... They say that it is heavens on earth there. All children go to school with computers [laptops]. Everything is good there. For me it is not so important. I am comfortable here [he means in Vilnius]".

He also made a remark that Russians in Lithuania are not so discriminated as in Latvia and Estonia, where he heard that about 50% of the population are Russians, because Russians are not a big "nation" in Lithuania.

b) Uncomfortable being the "other", but indecisive

To the second strategy of yet undecided young people, belong those who describe themselves as Russian and European. When an interviewer asked Varvara whether she feels herself a European, Varvara replied:

"No, a Russian more (laughs). Well, actually, if think more, then yes. We live in Europe, why not?..."

Varvara is very realistic in her analysis about linguistic differences, but she has a strong opinion that languages that are spoken by people should not divide them. She explains her position:

"If I go to England, I will speak English, get accustomed to that mentality and I will live my own way, just talking in another language".

At the time of an interview Varvara was not laying out any plans for leaving, apart from the fact that she was considering, exploring possible options, primarily by improving her English and collecting information about courses in Denmark. She also made remarks that her brother and his girlfriend already lived in Ireland, so eventually family connections abroad might prompt her indecisiveness.

c) Acceptance of being "different" and intension to leave

Natalia who is a post-graduate student at Vilnius University generally accepts that she is different to native Lithuanians, due to her family origin and surname which sounds Russian,

although in order to improve their employability, her half-sibling and cousins changed their surnames to Armenian, but she won't do this. Her father lives in Ireland and she has already explored the possibility of moving there to work. One of the perceived barriers to her is a linguistic one. She says that she "knows English almost perfectly", but she cannot understand the Irish accent. Therefore, her intention is first to move to England to improve her English, but not to stay there for work:

"I don't feel I want to work there as my education is really not poor. I know it is not recognized there, all the same it gives a lot to you and I don't want to sit somewhere at the cash [she means check out] or as waitress at a coffee house. It would be the first snooping... just to see where, what and how everything is in that country... If not to England, then to Norway or Sweden. There ... well... again the English language. I'd like to go to Finland very much, really... Maybe"

Although Natalia accepts that moving abroad would also open up new challenges to her in terms of whether she will be able to live and earn money there and also to continue supporting her mother, but what is quite significant of her plans for living abroad is that she is not prepared to "suffer torments". She'll go further.

"...Anyhow I feel this idea is strange, because I never have left for any country, but now it presses, our situation presses, present situation. My friend in Latvia [plans this] too. It is even [much] more horrible there. So one has to leave..."

d) There are better places to live in the world"

If Natalia's main reason for leaving is to escape the "torments" of being different, then Georgii from Latvia has plans for leaving, but they are for a different reason- to continue to study abroad. Georgii was still at school, when the interview took place. He was quite clear about his plans and that he would like to leave Latvia, rather than his home town of Daugavpils. Georgii has studied English intensively, which he believed would be his asset when he moves abroad.

Conclusion. What is the future?

Geo-political delineation of the borders in Eastern Europe in the 1990s resulted in new external identities of new nationalisms (nationalities, spelling of surnames, changed names of places) and evoked constant deliberations about cultural self-identification among ethnic minorities in their search for cultural roots and belonging. The findings of the analysis demonstrate the importance of national discourse about the country's historic paths and place of historic memory in the process of nation-building in the new EU member states.

The findings also provide themes for further debate at the policy level, particularly taking into account the extent to which an expanding titular nations' sense of pride of their achievement in gaining independence in the last 25 years, which was not discussed in every detail in this paper due to its size constraints, could provoke greater divisiveness in the society. The analysis of biographical narratives indicates that a healthy balance within this spectrum is not found within the two countries analyzed, and that country-specific and ethnic group-specific approaches need to be taken to policy re-assessment in both Latvia and Lithuania and at the EU level. The biographical interviews provided practical insight into notions of both pan-European and intra-country social cohesion, which, at policy level is particularly relevant to the EU's mandate on social cohesion. The Council of Europe gives this definition in the recent Report of the High Level Task Force on Social Cohesion in the 21st century: "Social cohesion is the capacity of a society to ensure the well-being of all its members, minimizing disparities and avoiding marginalization".

The importance of communication and cohesion is linked to the language in which the communication between the majority and minority population is taking place: policymakers should

explore the effects of teaching European languages as a further tool of social cohesion. What the biographical interviews of ethnic minorities in both countries revealed was that those respondents who were bilingual in both the ethnic minority and official languages, could engage to a greater extent with the different media sources, and were thus less socially prejudiced towards shared greater collective interests with different ethnic groups living within the same country. They have better access to employment and other forms of participation in the society. Circumstantial bi-lingualism in public space instead of officially imposed mono-lingualism, which could be achieved if people have consensus about this. English is evolving as a new *lingua franca* alongside Russian, Lithuanian and Latvian. Among the younger generation in both countries, English is a target language to learn.

Most of the ethnic minority informants in our Lithuanian and Latvian biographical case study, strongly believe that their original ethnic identity is the most important, because they cannot become ethnic Lithuanian or Latvian, but only become citizens of those countries. The biographical interviews of Russian ethnic minority in Lithuania and Latvia demonstrated controversy in compulsory changes in the official use of languages in a very multi-cultural community.

To conclude, I shall quote an excerpt from an interview with a Latvian student from Daugavpils, who is asking a rhetorical question:

“Has anyone in Europe been interested in conditions of Russians in Latvia? I think some cool sociology guys [might be] interested in this. For ordinary citizens, I think, for them it is not very necessary. But for those who work with it, I think, yes, they are interested in it. And actively. Eventually, not only with Latvia. Because I think, in many countries such [situation] can be found that, well, in short, yes, sharing the country and so on”.

References

- Aarelaid-Tart A., Bennich-Björkman L. (eds.) (2012) *Baltic Biographies at Historical Crossroads*, London and New York: Routledge.
- Aasland A, Fløtten T. (2001) Ethnicity and Social Exclusion in Estonia and Latvia. *Europe-Asia Studies*, vol. 53, no 7, pp. 1023–1049.
- Assmuth L. (2012) Rural belongings. Baltic Russian identities in Estliniana and Latvian borderlands. *Baltic Biographies at Historical Crossroads* (eds. A. Aarelaid-Tart, L. Bennich-Björkman), London and New York: Routledge, pp. 105–124.
- Bertaux D., Thompson P., Rotkirch A. (eds.) (2004) *On Living through Soviet Russia*, London and New York: Routledge.
- Billig M. (1995) *Banal Nationalism*, Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC: Sage.
- Björklund F. (2006) The East European “ethnic nation” — Myth or Reality? *European Journal of Political Research*, no 45, pp. 93–121.
- Castel R. (2013) Citizenship and Otherness: The Differential Treatment of Ethnic Minorities and France. *Dangerous Others, Insecure Societies. Fear and Social Division* (ed. M. Lianos), Farnham: Ashgate Publishing, pp. 13–21.
- Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions. UNESCO, Paris, 20 October 2005.
- European Cultural Values (2007) Special Eurobarometer 278/Wave67. — TNS Opinion and Social. Report.
- Giubernau M. (2013) *Belonging. Solidarity and Division in Modern Societies*, Cambridge: Polity.
- Guidelines of National Identity and Society Integration URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration/> (accessed 27.10.2016).
- Hughes J. (2005) “Exit” in Deeply Divided Societies: Regimes of Discrimination in Estonia and Latvia and the Potential for Russophone Migration. *JCMS: Journal of Common Market studies*, no 43, pp. 739–762.
- Humphrey R., Miller R., Zdravomyslova E. (eds.) (2003) *Biographical Research in Eastern Europe*, Farnham: Ashgate Publishing.

Johns M. (2003) "Do as I say, not as I do": The European Union, Eastern Europe and minority rights", *East European Politics and Societies*, no 17, pp. 682–699.

Laitin D. (1998) *Identity in Formation. The Russian-speaking Populations in the Near Abroad*, Ithaca and London: Cornell University Press.

Latvia (2015) Statistics in brief. Central Statistical Bureau of Latvia. URL: http://www.csb.gov.lv/sites/default/files/nr_04_latvia_2015_statistics_in_brief_15_00_en.pdf (accessed 30.01.2017).

Lianos M. (ed.) (2013) *Dangerous Others, Insecure Societies. Fear and Social Division*, Farnham: Ashgate Publishing.

Matulionis A., Beresnevičiūtė V., Leončicas T., Marcinkevičius A., Frėjūtė-Rakauskiene M., Šliavaitė K., Heinrich H-G., Alekseeva O (2011) *The Russian Minority in Latvia*. ENRI- EAST Research Report 6. URL: http://www.abdn.ac.uk/socsci/documents/6_The_Russian_Minority_in_Latvia.pdf (accessed 30.01.2017).

Matulionis A., Beresnevičiūtė V., Leončicas T., Marcinkevičius A., Frėjūtė-Rakauskiene M., Šliavaitė K., Heinrich H-G., Alekseeva O. (2011) *The Russian Minority in Lithuania*. ENRI- EAST Research Report 9. URL: http://www.abdn.ac.uk/socsci/documents/9_The_Russian_Minority_in_Lithuania.pdf (accessed 30.01.2017).

Mullerson R. (1993) Minorities in Eastern Europe and the Former USSR: Problems, Tendencies and Protection. *The Modern Law Review Limited*, no 56, p. 6.

Nurse L. (2013) Biographical approach in the Study of Identities of Ethnic Minorities in Eastern Europe. *Realist Biography and European policy: An Innovative Approach to European Policy Studies* (eds. A. Mrozowski, J. D. Turk), Leuven: Leuven University Press.

Nurse L., Breen P., Shionnemann M-E., Azzopardi A., Lagree J-C., Lauritzen P. (2002) Paper "Youth Policy in Lithuania", Council of Europe, Strasbourg.

Nurse L., Gibson A., Suranyi R. (2016) Media consumption and self-identification: Hungarian and Slovak case study. *Identities: Global Studies in Culture and Power*, vol. 23, no 6, pp. 705–724.

Pieterse J. N. (2007) *Ethnicities and Global Multiculture. Pants for Octopus*, Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth: Rowman & Littlefield Publishers Inc.

Pieterse J. N. (2015) *Globalization and culture. Global Mélange*, Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield.

Reiter H. (2012) Catching up with the West? An insider perspective from Lithuania. *Baltic Biographies at Historical Crossroads* (eds. A. Aarelaid-Tart, L. Bennich-Björkman), London and New York: Routledge, pp. 146–162.

Shevtsov Yu. (2014) Russkaja Pribaltika [Russian Pribaltika]. *Lenta.ru*. 9 September. URL: <http://lenta.ru/articles/2014/09/08/pribaltika/> (accessed 10.09.2014).

Sik E. (2000) Diaspora: Tentative observations and applicability in Hungary. *New Diasporas in Hungary, Russia and Ukraine* (eds. I. Kiss, C. McGovern), Budapest: Open Society/COLPI, pp. 20–41.

Sik E., Tóth J. (2003) Joining an EU identity: Integration of Hungary and the Hungarians. *Europeanisation, National Identities and Migration* (eds. W. Spohn, A. Triandafyllidou), London: Routledge, pp. 223–244.

Statistics Lithuania. URL: <http://osp.stat.gov.lt/en/statistiniu-rodikliu-analize?portletFormName=visualization&hash=96dcad8d-50ae-4150-b72f-bc644a038cde> (accessed 30.01.2017).

Statistics Lithuania. URL: <http://osp.stat.gov.lt/en/web/guest/informaciniai-pranesimai?articleId=223122#> (accessed 30.01.2017).

UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity. Adopted by the 31st session of the General Conference of UNESCO, Paris, 2 November 2001.

Wright S. (2000) *Community and Communication. The role of Language in nation state building and European integration*, Clevedon, Buffalo, Toronto, Sydney: Multilingual Matters Ltd.

Измерение удовлетворенности съемным жильем: методические аспекты¹

Мария Миронова*, Анастасия Кожевникова**

В статье обсуждаются возможности и ограничения измерения удовлетворенности съемным жильем. Авторы исходят из предположения, что на удовлетворенность объективными и субъективными характеристиками съемного жилья влияют статусные характеристики нанимателя, а также текущие условия на жилищном рынке (изменения требований к арендному жилью, использование интернет-сервисов по поиску арендного жилья). Авторы полагают, что наниматели квартир и комнат в г. Москве имеют различия в определенных характеристиках (главным образом в профессионально-должностном, образовательном статусах, а также в доходе и социально-демографических характеристиках), что может определять дифференциацию ожиданий относительно жилья с точки зрения возможностей для удовлетворения повседневных нужд. Поскольку «удовлетворенность» является по своей сути субъективным показателем, в ходе пилотного исследования использовались различные способы ее измерения: посредством конкретизации параметров измерения при помощи двух сконструированных индексов и посредством традиционного вопроса об общей удовлетворенности съемным жильем. По результатам проведенного исследования авторы приходят к выводу, что удовлетворенность съемным жильем выступает интегральным показателем усложнившихся потребительских предпочтений на рынке арендной недвижимости. В качестве одного из методических выводов исследователи предлагают тезис об ограниченной валидности прямого вопроса об удовлетворенности своим жилищем. В ходе анализа данных было обнаружено, что переменную, репрезентирующую общую удовлетворенность, лучше исключить из дальнейшего анализа, поскольку она не отражает связи между социальным статусом (или его компонентами) и удовлетворенностью съемным жильем. Авторы предполагают, что тема удовлетворенности жилищными условиями (в рассматриваемом случае — съемным жильем) может являться сензитивной. Авторы приходят к выводу о необходимости дальнейшей разработки эмпирических моделей измерения удовлетворенности как многомерного концепта.

Ключевые слова: удовлетворенность съемным жильем, социальный статус, изменение удовлетворенности, многомерные концепты, удовлетворенность по различным характеристикам съемного жилья, функциональность домашней среды

Введение

Среди современных жителей г. Москвы, как среди приезжих, так и среди постоянно проживающих, распространено явление проживания в комнате или квартире другого

---

¹ Авторы выражают благодарность Стрельниковой Анне Владимировне за помощь в проведении исследования и подготовке текста данной статьи.

* Миронова Мария, студент департамента социологии НИУ ВШЭ. mvmironova@edu.hse.ru.

** Кожевникова Анастасия, студент департамента социологии НИУ ВШЭ, лаборант Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ. akozhevnikova@hse.ru.

собственника за определенную плату, т. е. наем (аренда) жилья. Это явление может быть обусловлено различными причинами: нехваткой средств на приобретение собственного жилья, повышенной географической мобильностью и т. д. Оценка численности нанимателей жилья в г. Москве является крайне затруднительной, что вызывает трудности в описании их социально-демографического профиля. Имеются лишь некоторые экспертные мнения, которые могут противоречить друг другу, а теневой характер сдачи жилья усугубляет трудности, связанные с оценкой численности этой группы: «в столице сдаются в аренду около 400 тыс. квартир, или больше 10% жилого фонда... причем официально оформлено около 30 тыс. сделок» (Дерябина, 2015).

При этом в последние годы усложняется сам процесс выбора жилья, удовлетворяющего требованиям потенциального жильца (Стрельникова, 2012, с. 175–185; Требования к квартире..., 2015). Несмотря на то, что жилью не находится в собственности жильцов, в настоящее время оно выбирается не только по определенным объективным параметрам (стоимость аренды, размер предоставляемой жилищной площади, район расположения сдаваемого в аренду жилья), но также по ряду дополнительных критериев (качество ремонта, наличие необходимых предметов обихода, наличие возможностей по преобразованию интерьера). Помимо растущих базовых, универсальных для всех арендаторов требований к съемному жилью, появляются новые компоненты для изучения. Усложнение предпочтений в выборе жилья мы наблюдаем даже в модернизации интернет-сервисов по поиску арендного жилья: поиск включает несколько фильтров по площади, этажности, наполнению жилья, стилю интерьера, качеству отделки.

Кроме того, расширяется и спектр социальных групп, которые становятся квартиросъемщиками в реалиях современного мегаполиса (Шомина, 2010, с. 38–39). Таким образом, исследовательский интерес представляет изучение проблемы удовлетворенности съемным жильем у людей с различным социальным статусом в условиях меняющегося жилищного рынка (на примере Москвы). В свою очередь, рассмотрение данной проблемы невозможно без решения методической задачи, связанной с выбором стратегии измерения удовлетворенности съемным жильем.

Используемые данные

Для изучения поставленной проблемы нами было проведено исследование методом онлайн-опроса. Генеральная совокупность (реальная и достигаемая) состоит из нанимателей квартир и комнат в г. Москве. Поскольку мы не знаем точное количество людей в генеральной совокупности, мы сталкиваемся с невозможностью оценки точной доли, которую репрезентирует наша выборочная совокупность. География исследования ограничивается Москвой: мы предположили, что именно здесь будет представлено самое большое скопление нанимателей жилья с различным социальным статусом, которые будут разнородными по интересующим нас характеристикам. Мы обратились к онлайн-опросу как методу, позволяющему в наиболее мобильных условиях собирать данные о скоплениях квартиросъемщиков в объединяющих их по интересам тематических группах на различных онлайн-платформах, в социальных сетях, а также — запускать поиск столь редкой и достаточно специфичной для поиска категории респондентов посредством метода «снежного кома» с допущением, что выбранный наниматель-эксперт наверняка знает хотя бы несколько знакомых, относящихся к той же группе. Так как нам неизвестно достоверное число индивидов в генеральной совокупности (а также их социально-демографические параметры), то наш отбор является неслучайным. По итогам сбора данных выборка составила 210 индивидов, снимающих квартиру или комнату в г. Москве.

С помощью иерархического кластерного анализа мы попытались построить классификацию нанимателей жилья из нашей выборки по группам при помощи кластерного

анализа. Рассмотрение разных моделей кластеризации показало, что устойчивой является только модель с использованием одной группирующей переменной — «длительность найма жилья», которая обосновала внешнюю схожесть полученных форм кластеров. В результате были выделены следующие группы квартиросъемщиков:

1. **«Новоселы»** — 59% из этой группы снимали жилье ранее, 9% делали ремонт в нынешнем съемном жилье, длительность проживания в нынешнем жилье — менее полугода.
2. **«Обживающиеся»** — 43% из этой группы снимали жилье раньше, 8% делали ремонт в нынешнем съемном жилье, длительность проживания в нынешнем жилье — от полугода до 1,5 лет.
3. **«Среднесрочные»** — 43% из этой группы снимали жилье ранее, 5% делали ремонт в нынешнем съемном жилье, длительность проживания в нынешнем жилье — от 1,5 до 3 лет.
4. **«Стабильные»** — 42% из этой группы снимали жилье ранее, никто не делал ремонт, длительность проживания в нынешнем жилье — от 3 до 5 лет.
5. **«Долгожители»** — 71% из этой группы снимали жилье раньше, 10% из них делали ремонт в нынешнем съемном жилье, длительность проживания — от 5 лет.

Удовлетворенность съемным жильем: сущность и параметры измерения

Удовлетворенность — это субъективный показатель, отражающий оценку объекта как приносящего счастье и положительные эмоции. При этом исследователями отмечается, что удовлетворенность и неудовлетворенность — понятия не противоположные, а имеющие разный смысл: удовлетворенность имеет различные степени проявления, а неудовлетворенность возникает параллельно и тоже имеет свою градацию (Аистов, Якунчева, 2010, с. 3). Важной особенностью этого концепта является неопределенность в предмете оценки — в том, что именно удовлетворяет или не удовлетворяет отвечающего, поэтому необходимо конкретизировать параметры удовлетворенности, относительно которых задаются вопросы (в нашем случае — отдельные аспекты удовлетворенности съемным жильем).

В ходе работы над составлением анкеты, пилотажем и интервьюированием экспертов нами была рассмотрена идея об использовании элементов концепта «удовлетворенность жилищными условиями» (описание объективных характеристик текущих жилищных условий и их субъективная оценка со стороны респондента) и концепта «функциональность домашней среды» как отдельных составляющих удовлетворенности, позволяющих измерять ее различными способами.

Объективные характеристики жилья — это совокупность количественных показателей (количество квадратных метров на одного человека, количество комнат, которое приходится на каждого из проживающих, год постройки дома и др.) и качественных параметров (месторасположение жилья, наличие и качество ремонта и др.), определяющих в совокупности уровень комфорта проживающих. Объективные характеристики жилья подробно рассматривались Караваевой и Черкашиной (Караваева, Черкашина, 2015), которые предположили, что имеются статусные различия между нанимателями коммерческого и муниципального жилья. При этом для нанимателей коммерческого жилья (квартиросъемщиков) одним из основополагающих критериев при выборе является состояние жилья (стен, потолка, пола, окон), т. е. субъективная оценка данных параметров.

В качестве примера предлагаем иллюстрацию из двух предложений по аренде жилища (см. рис. 1 и рис. 2). В обоих случаях это небольшая двухкомнатная квартира в г. Москве, примерно одинаковой площади (40–45 кв. метров) и в примерно одинаковых панельных домах. Однако внутреннее наполнение этих двух квартир отличается: одна из них не имеет ремонта и обладает атрибутами «советского» интерьера (ковер

на стене, старая мебель), вторая имеет современный ремонт и предлагает минимализм в свежих предметах интерьера. Наше исследование показало, что, несмотря на более низкую стоимость, квартира с «советским» интерьером интересует значительно меньшее число квартиросъемщиков, нежели квартира с современным ремонтом. Соответственно, предложение квартир первого типа (с «советским» интерьером) в настоящее время падает, в то время как предложение квартир второго типа — растет.

Рис. 1. Предложение об аренде квартиры с «советским» интерьером²

Рис. 2. Предложение об аренде квартиры с современным интерьером³

² Объявление № 657224299 // Электронная доска объявлений Avito. URL: (дата обращения: 20.12.2016).

³ Объявление № 902010772 // Электронная доска объявлений Avito. URL: (дата обращения: 20.12.2016).

Удовлетворенность съемным жильем в нашем исследовании является многомерным понятием, составленным из трех компонент: индекса удовлетворенности различными характеристиками жилья (индекса удовлетворенности объективными характеристиками), индекса функциональности домашней среды в съемном жилье (индекса удовлетворенности субъективными характеристиками домашней среды в съемном жилье) и удовлетворенности, измеренной ранговой шкалой (ответ на вопрос «Как бы Вы оценили свои текущие жилищные условия?»). Таким образом, методический аспект исследования состоял в представлении метода анализа удовлетворенности, измеренной как прямую, так и посредством подробного рассмотрения удовлетворенности отдельными объектами, чтобы определить, насколько общий уровень удовлетворенности сопоставим с оценкой состояния отдельных характеристик жилища.

Три стратегии измерения удовлетворенности съемным жильем

В нашем исследовании использовались три стратегии, или способа, измерения удовлетворенности съемным жильем. Рассмотрим их по порядку.

Первый способ измерения удовлетворенности съемным жильем является традиционным и наиболее часто используемым в прикладных исследованиях. Это заданный напрямую вопрос об оценке жилищных условий: «Как бы Вы оценили свои текущие жилищные условия?». Для простоты дальнейшего анализа мы назвали этот способ измерения «*ранговая удовлетворенность*».

Вторым способом измерения удовлетворенности является вычисленный нами как отдельная переменная индекс удовлетворенности по различным характеристикам съемного жилья — «*индекс удовлетворенности объективными характеристиками*». Он рассчитан как сумма оценок по 14 характеристикам жилья (оценка стен в квартире, потолков, напольного покрытия и т. д.) от 1 до 5 баллов за каждую из компонент, затем полученная сумма была разделена на 70 (максимальная сумма по всем оценкам) и умножена на 100.

Третьим способом измерения удовлетворенности является адаптированный к условиям нашего исследования индекс функциональности домашней среды в съемном жилье (Нартова-Бочавер и др., 2015, с. 71–83). Ему мы присвоили название «*индекс удовлетворенности субъективными характеристиками*» для обозначения контрастности измеряемых признаков (удовлетворенности по субъективным и объективным характеристикам жилья), который был рассчитан как сумма всех оценок функциональности домашней среды, умноженных на балл значимости выполнения функций жилья по приоритету (12 за наиболее значимую и 1 за наименее значимую функцию), нормированный к 100. Отметим, что эмпирическая модель «функциональности домашней среды» в ее изначальном варианте измерялась шкалой, состоящей из 55 суждений, оцениваемых по степени согласия с необходимостью функций от «совсем не нужно» до «необходимо». В ходе исследования авторами этой методики было выделено 4 показателя, репрезентирующих суждения: «прагматичность, развитие, стабильность и защищенность». Ввиду необходимости ограничения количества суждений, представляемых для оценки респондентом в анкете, в нашей работе при пилотажном исследовании было отобрано 12 суждений, в наилучшей степени репрезентирующих представленные показатели (коэффициент альфа Кронбаха равен 0,857, что говорит о высокой надежности шкалы в анкете, адаптированной к нашим условиям). Таким образом, каждый из 4 показателей в итоге был представлен тремя суждениями. Сама формулировка суждений была изменена в ходе пилотажа с «Мой дом должен/может» на «Мое жилье может» для снижения противоречивости между идеальными и реальными представлениями о жилье, не изменяя при этом нацеленности на измерение функциональности домашней среды.

Отметим, что представленные способы измерения дают возможность считать удовлетворенность жилищными условиями многомерным концептом.

Результаты измерения удовлетворенности съемным жильем и взаимосвязь с другими показателями

В ходе анализа данных было выявлено, что индекс удовлетворенности объективными характеристиками связан с ранговой удовлетворенностью обратной связью, поэтому был сделан вывод о том, что заданный напрямую вопрос является непоказательным с аналитической точки зрения. Согласно полученным результатам, он может быть причислен к категории *вопросов-ловушек*, так как фиксирует степень социальной желательности ответов об уровне удовлетворенности съемным жильем, но не саму удовлетворенность. Также мы выявили, что оценки индекса функциональности и оценки удовлетворенности, измеренной напрямую, не совпадают, что говорит о различиях в восприятии их компонентов.

Что касается *связи между индексами удовлетворенности*, вычисленными на основании оценки различных по своей направленности суждений, из расчета объективных характеристик жилья и субъективных оценок функциональности домашней среды, то она оказалась положительной и слабовыраженной (коэффициент корреляции Пирсона равен 0,208 на уровне доверительной вероятности 0,99). Наличие положительной связи можно трактовать как общую направленность измерения: оба индекса, измеряющие удовлетворенность «с разных сторон», можно считать частями одного целого.

Между индексом объективной удовлетворенности и «ранговой удовлетворенностью» присутствует сильно выраженная *отрицательная связь*, (коэффициент корреляции Спирмена равен $-0,709$ на уровне доверительной вероятности 0,99). В то время как между индексом субъективной удовлетворенности съемным жильем и «ранговой» удовлетворенностью *статистически значимой связи не было обнаружено* на уровне доверительной вероятности 95%.

Таблица 1

Взаимосвязь между разными способами измерения удовлетворенности съемным жильем

			Индекс удовлетворенности объективными характеристиками съемного жилья	«Ранговая удовлетворенность»
Коэффициент ранговой корреляции Спирмена	Индекс удовлетворенности объективными характеристиками съемного жилья	Коэффициент	1,000	-,709**
		Значимость	-	,000
		N	212	212
	«Ранговая удовлетворенность»	Коэффициент	-,709**	1,000
		Значимость	,000	-
		N	210	210

** Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя)

			«Ранговая удовлетворенность»	Индекс функциональности домашней среды
Коэффициент ранговой корреляции Спирмена	«Ранговая удовлетворенность»	Коэффициент	1,000	-,085
		Значимость	-	,221
		N	210	210
	Индекс функциональности домашней среды	Коэффициент	-,085	1,000
		Значимость	,221	-
		N	210	210
			Индекс удовлетворенности по средним оценкам	Индекс функциональности
Коэффициент корреляции Пирсона	Индекс удовлетворенности по средним оценкам	Коэффициент	1	,208**
		Значимость	-	,002
		N	210	210
	Индекс функциональности	Коэффициент	,208**	1
		Значимость	,002	-
		N	210	210
** Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя)				

В ходе исследования было выявлено, что социальный статус «работающих нанимателей жилья» (обеспечивающих себя самостоятельно) не может влиять ни на результаты по индексу удовлетворенности по объективным характеристикам жилья, ни на результаты по индексу удовлетворенности по субъективным характеристикам. Предварительно было произведено разделение «работающих» нанимателей жилья на социальные классы согласно методике ESOMAR (A System..., 1997, p. 10): при помощи команды Compute были созданы новые переменные классов A, B, C1, C2, D, E согласно матрице классов для работающих членов домохозяйств, приносящих основной доход, затем объединены в одну. Поскольку группы различных классов представлены в нашей выборке неравномерно (есть сдвиг в сторону студентов, составляющих 44,8% из всех профессионально-должностных категорий), мы приняли решение использовать непараметрический дисперсионный анализ Краскла-Уоллиса. В обоих случаях асимптотическая значимость (0,329 для удовлетворенности субъективными характеристиками и 0,455 для удовлетворенности объективными характеристиками жилья среди нанимателей) < α , что дает нам основания принять нулевую гипотезу об отсутствии связи на уровне вероятности 95%.

Нами было также рассмотрено четыре варианта взаимосвязи профессионально-должностного статуса и образования, как двух отдельных компонент социального статуса, измеренного нами по выбранной методике ESOMAR (A System..., 1997, p. 10), с субъективной и объективной удовлетворенностью. В результате было выявлено две взаимосвязи, имеющие высокий уровень доверительной вероятности: профессионально-должностная компонента оказывает влияние только на удовлетворенность субъективными

характеристиками съемного жилья, в то время как компонента образования оказывает влияние лишь на индекс объективной удовлетворенности съемным жильем.

Таким образом, компоненты социального статуса оказывают совершенно разное влияние на удовлетворенность объективными и субъективными характеристиками жилья. Более того, можно пронаблюдать обратную зависимость влияния компонент социального статуса на два указанных типа удовлетворенности съемным жильем. Использование методики ESOMAR позволяет сделать вывод о невозможности ограничения лишь одной моделью измерения в ходе изучения взаимосвязей таких комплексных и многомерных концептов, как социальный статус и удовлетворенность.

Заключение

Измерение удовлетворенности двумя индексами, отражающими разные аспекты съемного жилья, его объективные показатели (состояние стен, потолков, уровня шумоизоляции и прочего) и субъективные характеристики создали хорошую базу для проведения дальнейшего анализа влияния социального статуса на удовлетворенность, осуществлявшегося в определенной логической последовательности. Присвоив предметам оценки удовлетворенности «объективный» и «субъективный» характер (респонденты оценивали объективные характеристики жилища и субъективные показатели функциональности жилья), а также сформулировав прямой вопрос с просьбой оценки удовлетворенности жилищными условиями, мы получили возможность моделирования удовлетворенности как многомерного концепта, состоящего из нескольких компонент.

Одним из наших методических выводов является констатация ограниченной валидности прямого вопроса об удовлетворенности. В ходе анализа данных стало понятно, что «ранговую» удовлетворенность лучше исключить из дальнейшего анализа, поскольку она не отражает связи между социальным статусом (или его компонентами) и удовлетворенностью съемным жильем. Иными словами, данный вид измерения удовлетворенности сыграл роль вопроса-ловушки, который помог задуматься над тем, что тема удовлетворенности жилищными условиями (в нашем случае — съемным жильем) может являться сензитивной (это — возможное объяснение феномена отрицательной корреляции, приведенной выше). Мы полагаем, что это дает возможность задуматься над другими способами повышения качества получаемых данных и подталкивает к дальнейшей разработке эмпирических моделей измерения удовлетворенности.

Литература

- Аистов А. В., Якунчева Н. А. Социально-экономические показатели и удовлетворенность жизнью. Препринт Р1/2010/03. Н. Новгород: ГУ–ВШЭ, 2010.
- Дерябина А. Стоимость аренды однокомнатных квартир в Москве упала до 20 тыс. руб. // РБК Бизнес. 2015. URL: <http://www.rbc.ru/business/01/04/2015/551bfd639a79472b2a94007a> (дата обращения: 14.11.2016).
- Караваева Е. Ю., Черкашина Т. Ю. Жилищные отношения, политика и условия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 118–135.
- Нартова-Бочавер С. К., Дмитриева Н. С., Резниченко С. И., Кузнецова В. Б., Брагинец Е. И. Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 71–83.
- Стрельникова А. В. Социология города: пространственные практики и жизненные траектории. М.: Тривант, 2012.
- Требования к квартире под сдачу в аренду // RentalHome.ru. Все об аренде квартир в Москве. 2015. URL: <http://www.rentalhome.ru/recomendacii/trebovaniya-k-kvartire-pod-sdachu-v-arendu> (дата обращения: 27.12.2016).

Шомина Е. С. Квартиросъемщики — наше «жилищное меньшинство»: российский и зарубежный опыт развития арендного жилья. М.: ГУ–ВШЭ, 2010. С. 38–39.

A System of International Socio-Economic Classification of Respondents to Survey Research. ESOMAR, 1997.

References

Aistov A. V., Yakuncheva N. A. (2010) *Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli i udovletvorennost' zhizn'yu* [Socio-economic indicators and life satisfaction]. Preprint P1/2010/03, N. Novgorod: HSE.

A System of International Socio-Economic Classification of Respondents to Survey Research. ESOMAR (1997).

Deryabina A. (2015) Stoimost' arendy odnokomnatnykh kvartir v Moskve upala do 20 tys. rub. [The cost of renting one-bedroom apartments in Moscow fell to 20000 rubles]. *RBC Business*. URL: <http://www.rbc.ru/business/01/04/2015/551bfd639a79472b2a94007a> (accessed 14.11.2016).

Karavaeva E. Yu., Cherkashina T. Yu. (2015) Zhilishchnye otnosheniya, politika i usloviya [Housing relations, policies and conditions]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 6, pp. 118–135.

Nartova-Bochaver S. K., Dmitrieva N. S., Reznichenko S. I., Kuznetsova V. B., Braginets E. I. (2015) Metod otsenki druzhestvennosti zhilishcha: oprosnik «Funktsional'nost' domashney sredy» [Evaluation of dwelling friendliness: the questionnaire «functionality of the home environment»]. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 36, no 4, pp. 71–83.

RentalHome.ru (2015) Trebovaniya k kvartire pod sdachu v arendu [Requirements to the apartment under lease]. URL: <http://www.rentalhome.ru/recomendacii/trebovaniya-k-kvartire-pod-sdachu-v-arendu> (accessed 27.12.2016).

Shomina E. S. (2010) *Kvartiros'emshchiki — nashe «zhilishchnoe men'shinstvo»: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt razvitiya arednogo zil'ya* [Tenants as our «housing-minority»: Russian and foreign experience in the development of rental housing], Moscow: HSE, pp. 38–39.

Strel'nikova A. V. (2012) *Sotsiologiya goroda: prostranstvennye praktiki i zhiznennye traektorii* [Sociology of the city: the spatial practices and life trajectories], Moscow: Trovant.

Геймифицированная онлайн-анкета: возможности и ограничения

Константин Вернигор*, Яна Воронина**, Ольга Синева***

Отказы от заполнения анкет, «усталость респондентов» на фоне высокой активности различных исследовательских компаний являются актуальными проблемами «традиционного» сбора данных. В данной статье на примере онлайн-опроса рассматривается потенциал геймификации опросного инструментария как возможного варианта преодоления подобного рода проблем. В основу исследования легло сравнение геймифицированной и традиционной версии анкеты. Основным методом для анализа результативности процедуры геймификации стали когнитивные интервью (по 9 респондентов для каждого типа анкеты). Гипотеза исследования заключалась в следующем: геймифицированная анкета более понятна респондентам, чем ее стандартный вариант. Критериями для проверки гипотезы стали два индикатора: первый — навигация по анкете и связность повествования, второй — формулировка вопросов. Геймификация опросного инструментария представляла собой нарративизацию стандартного варианта анкеты, основанную на семантической группировке вопросов. Исходный вариант стандартизированной анкеты был посвящен изучению вопроса «О чем мечтают россияне?». В качестве концептуальной схемы геймификации данной анкеты были предложены четыре типа нарратива: нарратив «квест по комнате», выступающий соединительной смысловой конструкцией для остальных геймифицированных нарративов, нарратив «идеальное государство», «поездка в поезде» и «сыворотка правды». Каждый блок вопросов в геймифицированной анкете был семантически связан с нарративом, что создавало единую структуру анкеты, при этом содержание вопросов стандартизированной анкеты осталось без изменения. По результатам анализа когнитивных интервью были сформулированы следующие преимущества и ограничения геймификации как метода в опросных технологиях: структуру геймифицированной анкеты следует строить от простого к сложному, метод геймификации посредством нарратива является эффективным для структурирования разрозненной анкеты, не имеющей изначально понятной респонденту структуры и порядка вопросов, геймифицированную анкету эффективнее создавать самостоятельно, а не использовать готовую.

Ключевые слова: геймификация, анкетный опрос, когнитивное интервью, онлайн-опрос, методы сбора данных, геймифицированная анкета

---

* Вернигор Константин, магистрант факультета социальных наук департамента социологии НИУ ВШЭ. vernigor.k@gmail.com.

** Воронина Яна, магистрант факультета социальных наук департамента социологии НИУ ВШЭ. yana_voronina_95@mail.ru.

*** Синева Ольга, магистрант факультета социальных наук департамента социологии НИУ ВШЭ. sineva.olga.vl@gmail.com.

Введение

Стандартная анкета представляет собой совокупность вопросов, охватывающих некую исследовательскую проблему и оформленных в соответствии с требованиями, предъявляемыми к количественному инструментарию: начиная с описания объекта исследования и заканчивая операционализацией индикаторов, отражающих изучаемый объект. Но даже выполнение исследователем всех требований не исключает ситуаций непонимания респондентами вопросов анкеты или же некорректного понимания. В результате возникает проблема испорченных, брошенных, частично заполненных анкет, появляется феномен «усталости от опросов» (survey fatigue) (Turner, Van Zoonen, Adamou, 2014). Одним из возможных вариантов решения проблемы непонимания респондентами вопросов при прохождении анкетирования является геймификация опросного инструментария.

Под геймификацией опросов мы понимаем применение игровых методик в ходе социологического исследования. Отметим, что в последние годы геймификация является предметом всестороннего анализа в сфере маркетинговых исследований (Adamou, 2014; Puleston, Sleep, 2011). Отдельные исследования посвящены сравнению геймифицированного и стандартного web-опроса (Puleston, 2011; Koenig-Lewis, Marquet, Palmer, 2013; Mavletova, 2015a; Mavletova, 2015b см. Литературу). В целом актуальность использования геймификации в исследовательских целях обусловлена тем, что она рассматривается как способ повышения мотивации и вовлеченности респондента в процесс прохождения опроса (Turner, Van Zoonen, Adamou, 2014).

Основной *исследовательский вопрос* нашей работы звучит так: является ли геймифицированная онлайн-анкета более понятной для респондента по сравнению со стандартизированной анкетой? Для раскрытия этого вопроса мы прибегаем к сравнению традиционной и геймифицированной анкет посредством проведения когнитивных интервью. Отметим, что когнитивное интервью применяется для тестирования инструментария опросного исследования, целью которого является не сбор данных по составленной анкете, а выявление когнитивных процессов, которые происходят у респондента во время ее заполнения (Willis, 1999; Tourangeau, 1984, p. 73–100). Нами было проведено 18 интервью (по 9 для стандартной и геймифицированной анкет), респондентами стали мужчины и женщины всех возрастных групп (от 21 до 70 лет). Средняя продолжительность интервью составила 1 час.

Традиционная анкета была взята из проекта «О чем мечтают россияне: идеал и реальность» (рук. М. К. Горшков и Н. Е. Тихонова, 2012)¹, геймифицированная анкета была разработана на базе этой анкеты.

Особенности геймификации как методической инновации

Ключевой характеристикой геймификации как метода является повышение мотивации респондентов во время прохождения опроса (Koenig-Lewis, Marquet, Palmer, 2013). При этом внутренняя мотивация респондентов обусловлена их любопытством, желанием выразить свое мнение, отвлечься от повседневной жизни и подумать о чем-то другом, в то время как внешняя мотивация связана с попытками исследователя сделать опрос более коротким, более привлекательным и ориентированным на интересы целевой аудитории.

---

¹ С анкетой можно ознакомиться на сайте Единого архива экономических и социологических данных: URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3388&T=q (дата обращения: 09.12.2016).

В основу геймификации заложены пять основных компонент (Adamou, 2014):

1. Формулирование понятных для респондента правил и цели (игры).
2. Нарратив (общий сценарий).
3. Интересные задания и квесты.
4. Постоянная обратная связь и поощрения респондентов.
5. Разработка креативного дизайна опроса.

Другими словами, респондент принимает некую роль и следует миссии, которую ему предписывает геймифицированный нарратив (Turner, Van Zoonen, Adamou, 2014). При этом исследователи приходят к выводу, что основными показателями привлекательности и эффективности геймифицированной анкеты являются желание заполнить данную анкету, интерес к опросу благодаря его развлекательному характеру и отсутствие желания прекратить прохождение опроса, не закончив его.

Положительный эффект геймификации был подтвержден во многих эмпирических исследованиях. Так, группа американских исследователей (Brewer et al., 2013, p. 388–391) занималась изучением мотивации и вовлечения детей в эмпирическое исследование. Данное исследование проводилось в специальной лаборатории и включало в себя два этапа для двух отдельных групп детей. На первом этапе с участниками работали по оригинальному протоколу, предназначенному для взрослых. Вторая часть исследования подразумевала модификацию рабочего инструментария посредством включения в него игрового элемента — геймификации. По результатам исследования, благодаря геймификации инструментария, увеличилась доля выполненных заданий. Также были сделаны следующие выводы:

1. Очки и призы являются эффективными для мотивации детей. Возможен и подбор персональных (с позиции детей) вознаграждений для мотивации участников.
2. Участники не должны быть знакомы друг с другом.
3. Несмотря на то, что данное исследование касалось именно детей, применение геймификации, по мнению авторов, будет эффективным для мотивации участников разных возрастных групп.

Изучение эффекта геймификации является особенно популярным в маркетинговых исследованиях. Так, работа канадских ученых (Cechanowicz et al., 2013), посвященная геймификации в маркетинговых онлайн-исследованиях, также свидетельствует о преимуществах использования геймификации. Исследователи разработали три версии анкеты с разным объемом игровых элементов. На основе сравнительного анализа ответов 600 респондентов был сделан вывод, что для геймифицированных (в разной степени) опросов уровень вовлеченности респондентов выше, чем при заполнении стандартной анкеты. Помимо этого, исследователи отметили, что положительный мотивирующий эффект геймификации не зависит от половозрастных характеристик респондентов, а также от опыта их игровой деятельности.

Дж. Пульстон и Д. Слип (Puleston, Sleep, 2011) протестировали несколько маркетинговых исследований на основе сравнения их геймифицированных и стандартных версий. В качестве игровых компонентов в дизайне опроса были использованы очки (вознаграждения), квест, 3D формат, ограниченность времени. Согласно результатам их исследования, респонденты давали больше ответов в геймифицированном онлайн-опросе, и эти ответы были более содержательными, чем в стандартной версии опроса.

Британская исследовательница Б. Адамау (Adamou, 2014) разработала методологию для оценки игровых компонентов и механизмов в онлайн-исследованиях «Игры для исследований» («T.E.S.S.A. UndercoverAgents», «Dubious»). Эти игры были положительно оценены участниками, в результате Адамау был сделан вывод о том, что методология исследовательских игр — это будущее онлайн-исследований, и эту методологию необходимо развивать и совершенствовать.

Конструирование геймифицированного инструментария

В проекте, чья традиционная анкета была взята нами за основу для сравнения, основной задачей являлось определение базовых элементов «русской мечты» как образа будущего применительно к личному будущему и России в целом. В нашем исследовании геймифицированная анкета состояла из 25 вопросов, объединенных в четыре смысловых блока: трех нарративов с вопросами и одного связующего нарратива. Вариант нашей геймификации представляет собой «вплетение» нарратива («нарратив» — так называемый «объясняющий рассказ») в стандартную анкету, посвященную мечтам россиян, которая в первоначальном варианте состояла из большого количества разнообразных вопросов на разные темы и имела семантически раздробленную структуру. Нашей задачей было создать логически связанную структуру анкеты, используя потенциал геймификации. Было решено выбрать из стандартной анкеты часть вопросов: примерно одинаковое количество по трем темам и объединить их одной идеей. Собранная нами анкета состояла из следующих блоков вопросов: о государстве, об обществе и о личных мечтах. Первому блоку «государство» соответствовал нарратив об «идеальном государстве», блоку вопросов про общество — нарратив «поездка в поезде», третьему блоку про мечты — нарратив «сыворотка правды».

Композиция геймифицированной анкеты строилась по следующему принципу: связующей платформой для трех сегментов выступал нарратив «о комнате»: респонденту сообщалось, что он оказался в закрытой комнате, выйти из которой можно, ответив на вопросы трех блоков (пройдя «три квеста»). Для введения связующего нарратива

«ИДЕАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО»

После того, как Вы дотронулись до короны и приобрели колоссальную силу во всем государстве. Вы стали способны созидать и разрушать в больших масштабах. Ваша задача — построить идеальное государство, используя свою силу и знания об истории.

Для начала Вашему государству нужен символ. Скажите, **кто из деятелей прошлого и настоящего, с Вашей точки зрения, был или является символом мечты Вашего народа?**

Теперь отметьте, **Какой период в истории России в наибольшей степени соответствует Вашим идеалам, представлениям о том, какой должна быть Россия?**

Ваше государство начинает постепенно приобретать форму! Но помимо прошлого, необходимо и стремление в будущее. поэтому скажите, **какой из перечисленных ниже лозунгов в наибольшей степени выражает Вашу личную мечту о будущем России?**

Остановитесь теперь на фундаменте здания Вашего идеального государства и рассудите следующую проблему: **как Вы полагаете, какой общественно-политический строй в наибольшей степени подходит для России?**

Рис. 1. Нарратив «Идеальное государство» (фрагмент)

перед анкетой была приведена следующая преамбула: «Представьте, что Вы по странному стечению обстоятельств оказываетесь в замкнутой комнате, где нет ни окон, ни дверей, но комната освещена изнутри. Перед Вами лежит корона, а на стене появляется надпись: “Для того, чтобы выбраться из комнаты, нужно **пройти три квеста и ответить на вопросы в них**. Чтобы начать квест, достаточно дотронуться до предмета, который лежит перед Вами”». Данный нарратив задает структуру всей анкеты: в пространстве комнаты располагаются три предмета, которые играют роль означающего и отсылают к трем смысловым блокам анкеты соответственно. Предметы, задействованные при обозначении нарративов, выбирались из логики предположительно наибольшего соответствия и узнаваемости: так, к нарративу об идеальном государстве отсылала «корона», к нарративу о поездке в поезде — «модель поезда», а к нарративу о сыворотке правды — «сосуд с жидкостью». Опишем более подробно каждый из нарративных блоков.

Нарратив «Идеальное государство» был основан на восьми вопросах исходной анкеты и объединял в себе вопросы, касающиеся представлений респондента о государственном устройстве, демократии, идеальном правителе и политических ценностях. Данный блок вопросов был первым в логике прохождения анкеты и начинался со следующей преамбулы: «Вы берете в руки корону и... после этого Вы приобретаете колоссальную силу, Вы стали способны создавать и разрушать в больших масштабах. Ваша задача — построить идеальное государство, используя силу и знания об истории». Нарратив был нацелен на то, чтобы в игровой форме выявить политические предпочтения и возможные представления о желаемой модели государственного устройства. Для создания

«РАЗГОВОР В ПОЕЗДЕ»

Клик на поезд — Очертания комнаты постепенно исчезают, и вы оказываетесь в вагоне поезда. Как это часто бывает, у Вас завязывается разговор с Вашим попутчиком, которого Вы видите в первый и последний раз в жизни. Поэтому Вы искренне и свободно выражаете свои мысли, не боясь чужого мнения. Вы с интересом слушаете своего собеседника и, не стесняясь, выражаете свои мысли. Постепенно разговор переходит к теме отношений и взаимодействия между людьми.

Искренность и легкость общения с вашим попутчиком подталкивает вас обоих поделиться личным опытом. **С кем Вы обычно общаетесь, кроме тех членов семьи, с которыми Вы живете?**

Сравнивая прошлое и настоящее. Вы вспоминаете истории о том, какие были Ваши родители в Ваши годы. **А как Вы оцениваете свое общественное положение по сравнению с тем, которое занимали Ваши родители в Вашем возрасте?**

Постепенно разговор перешел к вопросу дружбы. Ваш попутчик рассказывает вам интересные истории, которые произошли с ним и его друзьями, и вы вместе задумались, какого человека можно назвать другом. Вы считаете, что друг — это ...

Рис. 2. Нарратив о поезде (фрагмент)

игрового эффекта респонденту предоставлялась «абсолютная власть и колоссальная сила». Заканчивался блок следующей фразой: «Поздравляем, Вы создали идеальное государство! Первый квест пройден, впереди Вас ожидает еще два приключения. Теперь перед Вами лежит игрушечный поезд, и как только Вы касаетесь его...».

Вторым блоком анкеты был нарратив о «поездке в поезде», который начинался со следующей вводной фразы: «...очертания комнаты постепенно исчезают, и Вы оказываетесь в вагоне поезда. Как это часто бывает, у Вас завязывается разговор с Вашим попутчиком, которого Вы видите первый и последний раз в жизни. Поэтому Вы искренне и свободно выражаете свои мысли, не боясь чужого мнения. Вы с интересом слушаете своего собеседника и, не стесняясь, выражаете свое мнение. Постепенно разговор переходит к теме отношений и взаимодействия между людьми». Вопросы данного блока посвящены социальным установкам индивида и его взгляду на социальные отношения (дружба, семья). Выбор нарратива о разговоре с попутчиком в поезде обусловлен тем, что, во-первых, большинству людей знакома данная ситуация, а во-вторых, подобная ситуация предполагает активный и свободный обмен мнениями, что должно было мотивировать респондента отвечать на вопросы искренне. Заканчивался нарратив следующей формулировкой: «Ваше путешествие подошло к концу, и поезд прибывает к пункту назначения. Вы прощаетесь со своим попутчиком и снова оказываетесь в комнате».

«СЫВОРОТКА ПРАВДЫ»

Клик на баночку с жидкостью — Поздравляем, Вы выпили сыворотку правды и теперь готовы поделиться с нами самым сокровенным! Вы можете ни о чем не беспокоиться: этот разговор останется только между нами и сохранится лишь в стенах этой замкнутой комнаты, в которой Вы случайно оказались. Ваша задача сейчас вспомнить и поведать нам о своих личных мечтах и желаниях. Представьте, что Вам выпал шанс получить путевку в мир Ваших грез, где Вы увидите свои мечты словно реальность. Однако, для начала, чтобы получить путевку в нужном направлении. Вы должны немного подробнее рассказать о своих мечтах и жизненных планах.

Скажите, Вам лично свойственно мечтать?

Что Вы делаете, чтобы Ваша мечта исполнилась?

В каких именно сферах жизни Вы уже добились желаемого?

Поздравляем, теперь Вы оказались в мире своих мечтаний! В каких сказочных и песенных образах, по Вашему мнению, полнее и ярче всего воплотилась Ваша собственная мечта?

В мире Ваших мечтаний первым делом Вы можете осуществить наиболее важные для Вас мечты и цели жизни, но не более 3. Какие это были бы мечты?

Рис. 3. Нарратив «сыворотка правды» (фрагмент)

Нарратив «сыворотка правды» был вплетен в третий, завершающий блок анкеты, включающий восемь вопросов о личных мечтах респондента. Блок начинался с вводной фразы: *«Поздравляем, Вы выпили сыворотку правды и теперь готовы поделиться с нами самым сокровенным! Вы можете ни о чем не беспокоиться: этот разговор останется только между нами и сохранится лишь в стенах этой замкнутой комнаты, в которой Вы случайно оказались. Ваша задача сейчас вспомнить и поведать нам о своих личных мечтах и желаниях. Представьте, что Вам выпал шанс получить путевку в мир Ваших грез, где вы увидите свои мечты словно реальность. Однако, для начала, чтобы получить путевку в нужном направлении, Вы должны немного подробнее рассказать о своих мечтах и жизненных планах»*. Поскольку представленный блок вопросов предполагает выражение респондентами не знаний, а личного мнения о своих мечтах и достижениях, то в геймификацию было решено включить элемент, настраивающий респондента на искренний разговор — сыворотку правды. Чтобы создать игровой эффект в рамках общего связующего нарратива «квест», респонденту предлагалось ответить на некоторые вопросы, чтобы «попасть в путешествие по своим мечтам». Окончание блока подводит черту под всей геймифицированной анкетой: *«Поздравляем, Вы успешно прошли все три квеста, и теперь комната открыта! Ваше приключение закончилось!»*

На основании данных, полученных в процессе когнитивных интервью, выделим индикаторы для сравнения стандартной и геймифицированной моделей анкеты:

1. *Навигация по анкете и связность повествования* — в данном ракурсе будет сравниваться логика анкеты: понятно ли основание выделения смысловых блоков вопросов, которые предлагались в анкете, и переход между ними? Понятно ли введение анкеты, и соответствует ли оно по смыслу анкете? Так же будет оцениваться логическая связанность анкеты: ее цельность, органичность «вплетения» нарратива в анкету в целом и в каждый из тематических блоков.
2. *Формулировка вопросов* — данный аспект показывает различие в восприятии респондентами вопросов геймифицированной и стандартной анкеты: оценивается сложность вопроса, неоднозначность трактовки респондентом; сравнивается степень понимания тех концептов, о которых идет речь в анкете (государство, справедливость, мечта, демократия).

Обсуждение результатов

Общий нарратив «квест о комнате» получил от большей части респондентов положительную оценку за счет того, что он, во-первых, был связующим — объяснял целесообразность структуры анкеты (ее блоков) и объединял ее общей идеей. Во-вторых, данный нарратив вызывал интерес за счет того, что привносил в анкету игру и интригу. Респонденты отмечали, что оба варианта анкеты для них были «в целом понятны»: ориентация по обоим вариантам анкеты не вызывала затруднений. Введение у обеих анкет также было понятно респондентам. Встречались отдельные замечания к стандартизированному варианту: так, преамбула казалась слишком долгой и возникали дополнительные вопросы о том, что такое «американская мечта» или «французская мечта». Что касается логики анкеты (целесообразность разбивки на блоки, логическая последовательность вопросов и блоков), то различия были в следующем: так, респонденты отмечали, что в геймифицированной анкете единая идея «квеста» объясняет целесообразность выделения именно этих трех блоков, что делает анкету более цельной и последовательной. В стандартизированной анкете вопросы разных блоков воспринимались более разрозненными; анкета, по мнению респондентов, скорее представляла собой набор разрозненных вопросов, а не связанный единой смысловой линией сюжет. Что касается понимания респондентами каждого геймифицированного блока вопросов

отдельно, то чаще всего проблемы с пониманием у респондентов возникали в первом блоке («государство»). Блок вопросов в целом, как с учетом нарратива, так и без него, казался респондентам более сложным для понимания, чем другие два.

Сравнивая оценки респондентов о связанности анкеты единой повествовательной линией, отмечается расхождение оценки стандартной анкеты и геймифицированной: вторая воспринималась более связанной. Замечания касались согласованности вопросов и предлагаемых ответов: так, для геймифицированной версии отмечалась «чужеродность» нарративизации вопросов и соответствующих им ответов. Также наблюдалось замечание респондентов о несоответствии «серьезности» вопросов в анкете (о государстве, демократии, обществе) с игровой формой нарратива «о квесте».

В стандартном варианте анкеты респонденты отмечали непонимание некоторых вопросов. Например, это касается вопросов, представленных в табличной форме: большая часть респондентов отмечали, что им непонятен вопрос № 10, в некоторых вопросах респонденты отмечали семантическое непонимание вопросов в целом (к примеру, вопрос № 1). Что касается оценки вопросов по блокам, то основные замечания касались формулировки вариантов ответов, которые были не всегда однозначно понятны. Так, в первом блоке затруднения вызвали варианты ответов на вопросы № 3, 6, 7, 8 данного блока. Трудности в формулировках ответов возникали в обоих вариантах анкеты. Схожие замечания респондентов были выявлены и в двух других блоках: так, для блока «поездка в поезде» затруднительными были варианты ответов для вопросов № 9 и 10, а для блока «сыворотка правды» — № 17, 18, 19 (в обоих вариантах анкеты: геймифицированном и не геймифицированном). Сложными для понимания респондентов оказались некоторые теоретические концепты: «государство», «справедливость», «демократия», «идеальный/идеальная мужчина/женщина».

Перейдем к оценке нарративов. Нарратив «государство». Во-первых, спорную реакцию вызвала отсылка к патриотическим чувствам респондентов посредством короны, что иногда толковалось как необходимость отвечать на вопросы с позиции «всего народа», а не своей лично. Во-вторых, некоторые респонденты отмечали несоответствие задания «квеста» — построить *идеальное* государство с вопросами о *России*. В-третьих, некоторыми респондентами в ходе когнитивного интервью отмечалась излишняя сложность формулировок данного нарратива. Тем не менее большая часть респондентов отметила, что задание «что-то построить» побуждает почувствовать ответственность за выполнение, мотивирует на более полное, вдумчивое заполнение анкеты.

Нарратив «поезд» большей частью респондентов воспринимался положительно — как «знакомая и понятная ситуация», располагающая к открытому разговору. Как успешное оценивалось и соответствие нарратива «поезд» и тема блока — «общество». Однако были замечания: во-первых, не всем ситуация в поезде показалась знакомой. Также некоторые замечали, что в процессе заполнения забывают про данный нарратив вовсе, сосредотачиваясь на теме.

Нарратив «сыворотка правды», по мнению большинства респондентов, воспринимался как игровой и настраивающий на интересную беседу. Замечания были следующие: «сыворотка правды» может восприниматься иронически как желание выведать секретную информацию, настраивает разговор на сензитивные темы, что не совсем соответствует характеристике вопросов анкеты блока «о личных мечтах».

Как следует из полученных результатов, в геймифицированной анкете респонденту легче ориентироваться и осуществлять переход между блоками и вопросами, выделение смысловых блоков представляется более целесообразным. Что касается первого нарратива (связующего), то его игровая форма, получившая положительные оценки, имеет и обратную сторону медали, вызывая впечатление диссонанса у некоторых респондентов (серьезная тема опроса и игра не сочетаемы). Таким образом, построение

нарратива в игровой форме — эффективно, но стоит учитывать специфику темы анкеты, чтобы подобрать правильно форму нарратива.

Оценивая эффект второго нарратива («государство»), исходя из комментариев респондентов, можно сделать выводы, что нарратив в форме задания для респондента вызывает интерес и облегчает понимание, однако формулировки должны быть простыми и понятными для широкой аудитории, а тема задания — нейтральной, не вносящей амбивалентные трактовки.

Анализируя оценку третьего нарратива («поезд»), мы считаем, что нарративизация анкеты посредством «помещения» респондента в знакомую ситуацию является удачным решением, однако стоит учитывать особенности целевой аудитории, чтобы подобрать знакомую для всех ситуацию.

Выводы по четвертому нарративу («сыворотка правды») подкрепляют предыдущие, касающиеся необходимости грамотного подбора темы нарратива, соответствующего теме вопросов, чтобы избежать возникновения противоречий.

По нашему мнению, основным ограничением геймификации была связанность нарратива с вопросами и вариантами ответа во взятой нами анкете, т. е. иногда получался эффект несоответствия, и у части респондентов складывалось впечатление неорганичности связи нарратив/ответы. Подобное расхождение было замечено во всех вариантах нарратива. Речь идет о том, что нарративный компонент, вплетенный в формулировку вопроса, отличался по форме и воспринимался иногда как отдельная «приставка». Данный аспект обусловлен технологическим ограничением исследования: варианты ответов, взятые нами из оригинальной анкеты, не были изменены, в то время как вопросы были геймифицированы. В связи с этим образовался люфт между формулировкой и вариантом ответа, что делало геймификацию в некоторых вопросах неорганичной. Тем не менее основная гипотеза четвертого аспекта сравнения подтвердилась: геймифицированная анкета воспринималась более связанной. Предположительно, этого можно было избежать несколькими способами: во-первых, составлением своего варианта анкеты и, соответственно, ее геймификации, во-вторых, геймификацией ответов (что, очевидно, может привести к искажению данных опроса). Компромиссным решением могло бы стать достижение соответствия и ограниченности за счет грамотного выбора темы анкеты и, соответственно, тем нарративов.

Заключение

В использованном нами варианте геймификации основной упор был сделан на геймификацию анкетных вопросов посредством вплетения историй, или же нарративов, которые представляют семантически замкнутое пространство. Данный вариант геймификации вносил элемент игрового процесса в период прохождения респондентом анкеты и облегчал понимание структуры анкеты посредством тематической группировки вопросов.

Основное выявленное нами ограничение геймифицированного варианта анкеты обусловлено тем, что геймифицировались только вопросы, а варианты ответов оставались прежними, что иногда вызывало трудности при трактовке формулировок ответов в ходе когнитивных интервью. Также следует указать на техническое ограничение: собранные в нарративы вопросы были связаны между собой общим смыслом, но построение на их основе гармоничных и убедительных нарративов оказалось проблематичным. Мы обнаружили, что некоторые респонденты забывали про нарратив или стремились его пропустить для экономии времени, в связи с чем указанная особенность геймификации выступает существенным ограничением.

Анализ полученных данных приводит нас к предположению, что для облегчения понимания геймифицированной анкеты и навигации по ней следует переконструировать ее

структуру по принципу «от простого к сложному», так как слишком сложные вопросы в начале анкеты (например, требующие специальных знаний истории и политики, как в блоке «государство») могут привести к тому, что респондент бросит заполнение на полпути.

Таким образом, геймификация как способ трансформации анкеты с целью увеличения результативности проводимого опроса является перспективным направлением в развитии методов сбора данных. Метод геймификации посредством нарратива является эффективным для структурирования разрозненной анкеты, изначально не имеющей понятной респонденту структуры вопросов. Однако результаты когнитивных интервью показали, что геймифицированную анкету эффективнее создавать самостоятельно, а не использовать готовую, так как «целевой» геймифицированный дизайн анкеты облегчил бы погружение респондентов в нарративную ситуацию.

Литература

Adamou B. Research games as a methodology: the impact of online research games upon participant engagement and future research game participation // Research Through Gaming Ltd. 2014. URL: www.researchthroughgaming.com/publication/view/researchgames-as-a-methodology-the-impact-of-online-researchgames-upon-participant-engagement-and-future-researchgame-participation-by-betty-adamou (дата обращения: 20.01.2017).

Brewer R., Anthony L., Brown Q., Irwin G., Nias J., Tate B. Using gamification to motivate children to complete empirical studies in lab environments // Proceedings of the 12th International Conference on Interaction Design and Children, 24–27 June 2013, New York, USA. P. 388–391.

Cechanowicz J., Gutwin C., Brownell B., Goodfellow L. The effects of gamification on participation and data quality in a real-world market research domain // Proceedings of Gamification, 2–4 October 2013, Stratford, Ontario, Canada. P. 58–65. URL: <http://hci.usask.ca/publications/view.php?id=324> (дата обращения: 20.01.2017).

Koenig-Lewis N., Marquet M., Palmer A. The effects of gamification on market research engagement and response. 2013. URL: marketing.conference-services.net/resources/327/3554/pdf/AM2013_0291_paper.pdf (дата обращения: 11.12.2016).

Mavletova A. Web surveys among children and adolescents: is there a gamification effect? // Social Science Computer Review. 2015a. № 3 (33). P. 372–398.

Mavletova A. A gamification effect in longitudinal web surveys among children and adolescents // The Market Research Society. 2015b. № 3 (57). P. 413–438.

Puleston J. Improving online surveys // International journal of market research. 2011. № 4 (53). P. 557–560.

Puleston J., Sleep D. The game experiments // Proceedings of the ESOMAR (European Society for Opinion and Marketing Research) Congress, 10–13 September 2011, Amsterdam, Netherlands.

Turner G., Van Zoonen L., Adamou B. Research through gaming: public perceptions of (the future of) identity management // Sage case studies in research methods. 2014. URL: <http://dx.doi.org/10.4135/978144627305013496519> (дата обращения: 11.12.2016).

Tourangeau R. Cognitive sciences and survey methods // Cognitive aspects of survey methodology: building a bridge between disciplines. Washington DC: National Academy Press, 1984. P. 73–100.

Willis G. Cognitive interviewing: a «how to» guide / Research Triangle Institute. 1999. URL: <http://directory.umm.ac.id/articles/interview.pdf> (дата обращения: 11.12.2016).

References

Adamou B. (2014) Research games as a methodology: the impact of online research games upon participant engagement and future research game participation. Research Through Gaming Ltd. URL: www.researchthroughgaming.com/publication/view/researchgames-as-a-methodology-the-impact-of-online-researchgames-upon-participant-engagement-and-future-researchgame-participation-by-betty-adamou (assessed 20.01.2017).

Brewer R., Anthony L., Brown Q., Irwin G., Nias J., Tate B. (2013) Using gamification to motivate children to complete empirical studies in lab environments. Proceedings of the 12th International Conference on Interaction Design and Children, 24–27 June, New York, USA, pp. 388–391.

Cechanowicz J., Gutwin C., Brownell B., Goodfellow L. (2013) The effects of gamification on participation and data quality in a real-world market research domain. Proceedings of Gamification, 2–4 October, Stratford, Ontario, Canada, pp. 58–65. URL: <http://hci.usask.ca/publications/view.php?id=324> (assessed 20.01.2017).

Koenig-Lewis N., Marquet M., Palmer A. (2013) The effects of gamification on market research engagement and response. URL: marketing.conference-services.net/resources/327/3554/pdf/AM2013_0291_paper.pdf (accessed 11.12.2016).

Mavletova A. (2015a) Web surveys among children and adolescents: is there a gamification effect? *Social Science Computer Review*, vol. 33, no 3, pp. 372–398.

Mavletova A. (2015b) A gamification effect in longitudinal web surveys among children and adolescents. *The Market Research Society*, vol. 57, no 3, pp. 413–438. URL: <http://dx.doi.org/10.2501/IJMR-2015-035> (accessed 11.12.2016).

Puleston J. (2011) Improving online surveys. *International journal of market research*, vol. 53, no 4, pp. 557–560.

Puleston J., Sleep D. (2011) The game experiments. Proceedings of the ESOMAR (European Society for Opinion and Marketing Research) Congress, 10–13 September, Amsterdam, Netherlands.

Turner G., Van Zoonen L., Adamou B. (2014) Research through gaming: public perceptions of (the future of) identity management. Sage case studies in research methods. URL: <http://dx.doi.org/10.4135/978144627305013496519> (accessed 11.12.2016).

Tourangeau R. (1984) Cognitive sciences and survey methods. Cognitive aspects of survey methodology: building a bridge between disciplines, Washington DC: National Academy Press, pp. 73–100.

Willis G. (1999) Cognitive Interviewing: a «how to» guide. Research Triangle Institute. URL: <http://directory.umm.ac.id/articles/interview.pdf> (accessed 11.12.2016).

Письма с фронта как документ военной эпохи

Ольга Маркова*

Настоящая статья посвящена изучению структуры военного опыта, который находит свое отражение в нарративном жанре личных писем военнослужащих своим родным. Письма с фронта — не просто факт участия в войне, это целое явление истории, которое позволяет понять человека на войне и человека в тылу. В работе рассмотрено, что включает в себя военный опыт и как фигурирует в отдельных пережитых и описанных соответствующим образом событиях. С помощью нарративного анализа выделены основные структурообразующие элементы письма, т. е. доминантные темы — отношение к собственной жизни, отношение к войне, образ врага и образ Родины, повседневные практики, солдатский фатализм и т. д. Изучение документов личного характера помогает понять многие аспекты фронтового опыта, переживаемого человеком, который находится в экстремальных условиях вооруженных конфликтов. Отправной точкой исследования стали смещение фокуса интереса историографии, военной социологии и смежных дисциплин с макрособытийной истории на отдельные эпизоды, а также недостаточная исследованность эпистолярных источников как способов нарративизации военного опыта. В какой степени война может быть нарративизируема как событие? Какой образ войны формируется в письме? Какой смысл вкладывает автор в свои письма? Эти и другие вопросы раскрыты в исследовании. Объектом являются индивидуальные нарративы военнослужащих Великой Отечественной войны и Чеченской военной кампании, выраженные в письмах родным и матерям. Анализ структуры военного опыта в сравнительной перспективе выявил изменения субъективных смыслов, которыми наделяют свой опыт участники боевых действий. Идентичность участников Великой Отечественной войны и Чеченской кампании трансформировалась под воздействием разного формата войн, их масштабов и целей в совокупности с различным социально-историческим контекстом. Исследование выполнено на стыке нескольких научных дисциплин, а именно: устной истории, военной социологии, социологии памяти и качественной социологии. Объединение подходов представляет собой залог поступательного развития знания о войне.

Ключевые слова: социология памяти, качественные исследования, нарративный анализ, источники личного происхождения, фронтовые письма, военный опыт

Введение

Одной из задач современной исторической науки и социологии памяти выступает необходимость аккумуляции информации личного происхождения о событиях российской истории XX в. В этом плане фронтовые письма представляют собой уникальный

---

* Маркова Ольга, магистр социологии, выпускница факультета социальных наук НИУ ВШЭ. osmarkova2015@yandex.ru.

исторический источник, поскольку являются не только документами военной эпохи, но и одним из культурных измерений войны, ставших темой многих научных мероприятий и объектом дискуссии среди отечественных специалистов по поводу становления военно-исторической антропологии в качестве самостоятельной дисциплины (Ермаченко, 2003). Посредством детального изучения фронтовых писем возможно конкретизировать способы формирования памяти о войне в России, а также проследить процесс трансляции и фиксации военных событий в социальной памяти поколений.

Через изучение писем происходит анализ личного отношения субъекта к какому-либо феномену жизни, и в этом случае исследовательский интерес представляют не факты, а «особенности мировоззрения автора документа и той социальной общности, к которой он принадлежит» (Сенявская, 1995, с. 18). В письмах отражены воспоминания и опыт человека, их написавшего. В какой-то мере они схожи с дневниковыми записями, но в отличие от дневников письма имеют своего читателя. Хотя в большинстве случаев мы обладаем незначительной информацией об адресантах и адресатах: письма Великой Отечественной войны подвергались военной цензуре. Цензура в СССР носила в первую очередь идеологический характер, не допускалось оглашения в письмах сведений, составляющих военную тайну, а также пресекались любые намеки на «антисоветскую пропаганду».

Письма не привлекали должного внимания советских специалистов вплоть до 1960-х гг., тогда с поворотом в государственной политике фронтовые письма или послания-треугольники стали для советской пропаганды средством выработки соответствующего отношения к войне и партии. В социальных и гуманитарных науках важное место отводится изучению вопросов касательно фронтовых писем. Какую память они иллюстрируют? Какой образ войны формируется в письме? Как используют эти письма те или иные агенты для формирования образа войны? Современная социология обращается к письмам и уже признала их в качестве полезного источника данных.

В представленном исследовании вводится уникальный региональный материал в существующий корпус исследований по проблематике памяти о Великой Отечественной войне и Чеченских кампаниях. В работе использовалась источниковая база по фронтовым письмам в виде документального сборника ««Я пока жив...» (Фронтовые письма 1941–1945 гг.)», выпущенного нижегородским Комитетом по делам архивов Нижегородской области, и оригинальные письма родным с войн в Чечне, находящиеся в архиве Нижегородского областного комитета солдатских матерей (НОКСМ).

Рассматриваемые войны — Великая Отечественная война и Чеченские кампании — разделены не только временем, но и разнообразными политическими катаклизмами, сменой идеологий и сменой поколений. Период Великой Отечественной войны — это время войны, охватившей все общество, мобилизовавшее всех ее членов, а Чеченская кампания представляет собой локальные войны, все общество не затронувшие. Чеченский конфликт никогда не считался войной, официально он назывался контртеррористической операцией. Между тем последствия этой операции оказались негативными для России, так как война распространилась в воинские части по всей стране, положив начало «чеченскому синдрому». Если говорить о сегодняшнем положении ветеранов чеченских войн, то очевидно, что они несут за собой шлейф другой страницы истории. С уверенностью можно сказать, что трудности Великой Отечественной войны оставили неизгладимый след в памяти ветеранов, но при этом подобное воспоминание включает в себя позитивный аспект, в основе которого — чувство сопричастности к грандиозной героической победе. Воспоминания участников гражданских войн подобный аспект в себя не включают. Согласно данным опроса «Левады-Центра», Первая Чеченская война (1994–1996 гг.) и Вторая чеченская война (1999–2009 гг.) признаются населением страны как «несправедливые» войны (Гудков, 2001). Память воевавших в Чечне остается малоизученной.

Для того чтобы изучить общие и особенные черты конвертируемого военного опыта в нарративном жанре личного письма, было решено обратиться к нарративному анализу. Целью исследования является проследить направление движения социального смысла во временной перспективе и ответить на вопрос, что изменилось в социальном опыте индивидов — участников фронтов Великой Отечественной войны и Чеченских кампаний.

Изучение комплекса фронтовых писем жителей Нижнего Новгорода позволит существенно увеличить область исследований истории Великой Отечественной войны и Чеченских событий, обогатить сведения о рассматриваемых войнах с помощью регионального исторического материала. Данное исследование может принести вклад в отечественную военную социологию, социологию памяти и качественную социологию.

Проблематика памяти в социальных науках

Феномен памяти получил в настоящее время большую популярность в социальных и гуманитарных науках. Если раньше изучение памяти было прерогативой индивидуальной психологии, то благодаря работам таких ученых, как Морис Хальбвакс (Хальбвакс, 2007), Джеффри Олик (Olick, Robbins, 1998), Поль Рикёр (Рикёр, 2004), Ян Ассман (Ассман, 2004), Пьер Нора (Нора, 1992), память стала объектом социологического анализа.

Эмиль Дюркгейм писал о том, что для поддержания стабильности общества, установления солидарности между его членами и исторической преемственности группа должна производить отбор событий среди своего прошлого: определенным образом помнить одни вещи, а другие вещи — предавать организованному забвению. «Общество нуждается в определенной степени не только интеллектуального и эмоционального конформизма своих членов, но и “конформизма мемориального”» (Васильев, 2009, с. 57). В 1925 г. представитель социологической школы Дюркгейма М. Хальбвакс выпускает книгу «Социальные рамки памяти», в которой вводит термин «социальная память» и доказывает социальную обусловленность памяти. Память группы всегда коллективна, по его мнению, поскольку человек находится внутри определенного сообщества, группы, семьи. Память создается в каждом отдельном индивиде благодаря его участию в процессах коммуникации.

Тема памяти закрепилась не только в академическом дискурсе, но и в сфере общественной жизни, внутренней и внешней политики государства. По словам А. Васильева, «память» стала лозунгом нашей эпохи (Васильев, 2012). Тем, что французский историк П. Нора назвал «эрой коммеморации». В поле коллективного измерения памяти функционируют такие категории, как коммуникативная память, социальная память, культурная память, историческая память, этносоциальная память, народная память, официальная память, публичная память и т. д.

Особое значение в разрезе представленной работы имеют идеи немецкого исследователя Я. Ассмана о том, что коллективная память обладает ценной значимостью для общества, так как в образах памяти скрыты важные смыслы (Ассман, 2004). Культурная память создается социальными институтами и находит свое выражение в культурных формах и символических конструктах, каждый из которых фиксирует тот или иной взгляд на прошлое. Понятие культурной памяти стали применять в тот момент, когда была осознана важность использования при рассмотрении исторических событий не только официальных документов, но и других источников информации. К таким источникам относятся документы личного характера, устные свидетельства очевидцев событий и неофициальные документы, поскольку в них содержится неофициальный взгляд на историю. Культурная память стала залогом поддержания идентичности, механизмом

конструирования настоящего и будущего, способом адаптации и социализации (Рождественская, Семенова, 2011, с. 31).

Изучение памяти о войне неразрывно связано с рассмотрением военного опыта с разных теоретических и методологических перспектив. Релевантными данному исследованию являются работы авторства российского историка Е. С. Сенявской: «1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование» (Сенявская, 1995), «Человек на войне. Историко-психологические очерки» (Сенявская, 1997) и «Психология войны в XX веке: исторический опыт России» (Сенявская, 1999). Главная тема монографий — психология комбатантов в основных военных конфликтах в XX веке.

Фронтовые письма: объект репрезентации войны

Изучение личных документов относится к качественным методам социологии. Впервые систематически использовать личные документы в своей работе начали представители Чикагской социологической школы в начале XX в. (Батыгин, 1995, с. 18). Ключевым исследованием для этого направления в частности и качественного подхода в целом считается работа У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» (Thomas, Znaniecki, 1958).

Обращение к письмам с войны в нашей стране пришлось на вторую половину XX в. До этого историческая наука интересовалась либо глобальными явлениями: непосредственно военные сражения на фронте, причины возникновения войн, военная и хозяйственная политика страны, дипломатические отношения и т. д. Либо обзревались, наоборот, узкие темы: вклад оборонной отрасли в победу. Письма не попадали и в поле зрения социологов. Первые социологические исследования войны были эмпирическими и заключались в проведении массовых опросов. С 1960-х гг. ситуация изменилась, и письма привлекли заслуженное внимание и тех и других представителей научных дисциплин. Стало ясно, что источником информации в письмах служит память, накапливающая человеческий опыт.

Социологи используют письма для анализа военной повседневности. Эти письма могут не дать сведений о соотношении сил, о боевом обеспечении и т. д., однако предоставляют большой объем информации, позволяющий судить о настроениях и психологии человека на войне. А. А. Курносов одним из первых предложил метод для анализа источников личного происхождения (Курносов, 1965). Суть метода заключается в выявлении особенностей содержания и происхождения самого текста, логическом анализе тематических отрывков текста.

Изучение работ по анализу военной повседневности Т. А. Булыгиной (Булыгина, 2005), А. Ю. Иванова (Иванов, 2008), Р. Б. Садыковой (Садыкова, 2011) позволило выделить методологические принципы и способы организации работы с эпистолярными источниками.

Методологические основы нарративного анализа

Метод нарративного анализа широко применяется при исследовании биографий, анализе интервью и других данных, собранных качественными методами. Возможности практического применения нарративного анализа рассматриваются И. В. Троцук, С. Н. Зенкиным, В. В. Семеновой, Е. Р. Ярской-Смирновой и т. д.

Нарратив репрезентирует опыт рассказчика и отражает его отношение к окружающему миру. Е. Р. Ярская-Смирнова приводит одну из дефиниций нарратива в социологии: это «разговор, специально организованный вокруг последовательных событий» (Ярская-Смирнова, 1997, с. 39).

Наиболее строгие рамки для обозначения нарратива были предложены в структурном подходе В. Лабовым (Labov, 2001). По версии Лабова, нарративы облают рядом формальных свойств. «Полный нарратив» включает в себя следующие обязательные элементы: 1) тезисы (включение нарратива в разговор); 2) ориентацию (ориентирование слушателя на время, место, действующих акторов и саму ситуацию); 3) последовательность действий (темпоральное усложнение нарратива); 4) оценку (смысл действия, оценка этого действия рассказчиком); 5) разрешение (что случилось в конце); 6) коду (отнесение нарратива к настоящему времени).

Таким образом, нарративный анализ предполагает, во-первых, указание рамочного фрейма, в котором строился нарратив. Во-вторых, происходит установление событийной логики: выстраивается последовательность событий и обнаруживается их взаимосвязь. Под нарративом в данном исследовании понимается текст повествования вкупе с определенным контекстом: позиция пишущего, конкретная ситуация рассказывания, присутствие читателя, целый комплекс социальных, исторических и политических условий. То, что человек выбрал из всего своего опыта именно этот эпизод, подтверждает его значимость для него.

Реконструкция военного опыта из нарративного жанра личного письма времен Великой Отечественной войны

Эпистолярное сообщение выступает частью фронтового опыта и занимает прочное место в системе фронтовой жизни. Письма для солдата становятся не просто источником информации и новостей из дома, а связующей нитью с домом, родными и прежней жизнью, из которой они были «выдернуты». Поэтому для солдат важен сам процесс написания письма домой, поскольку он делал возможным ощутить себя в довоенной жизни. «Главным фактором сохранения человека как существа культурного представляется контакт с его культурной средой. Полноценный информационный обмен есть главный якорь культуры» (Банников, 2002).

Все элементы фронтового опыта в эпистолярном тексте выстраиваются в определенную последовательность и становятся связанными в единой структуре нарратива. В качестве примера приведем отрывок из письма с места сражения времен ВОВ: *«Я видел смерть — страшную смерть, всеистребляющую — и чем ближе она была около меня, тем сильнее горела в моем сердце любовь. Я шел по обугленным улицам сел и городов, видел сожженные трупы стариков, и женщин, и маленьких детей, — а любовь все сильнее разгоралась к тем, кто остался дома»* (Из письма Горохова Ивана Самсоновича от 7 июня 1942 г.)¹. Видно, как переплетаются в эпистолярном повествовании такие образы войны, как смерть, страх, ужас, насилие и другие ее составляющие, такие как желание быть с родными, стремление скорее оказаться дома, любовь к близким.

Коды, формирующие структуру смыслового пространства, могут быть отнесены к трем большим уровням: описательный, оценочный и коммуникативный. Описательный уровень содержит в себе факты и сведения: сухие и лишённые эмоциональности и каких-либо оценок. Оценочный уровень характеризует ценностную сторону сообщения. Сюда включены чувства, переживания, оценочные суждения, придаваемые смыслы и значения. Также любое сообщение имеет коммуникативную сторону, выраженную в виде посланий, наказов, советов домашним, осведомление об их жизни и проблемах. Именно через коммуникативную сторону письма создается эффект присутствия адресанта рядом с близкими.

Описательный уровень можно разделить еще на три подуровня. Первый — это созерцательный, который включает в себя текущую информацию в момент написания

¹ В приводимых в статье цитатах сохранена авторская орфография и пунктуация.

письма. Это часть в письме, в которой адресант сообщает, что он делает во время написания письма. Что он видит, где он находится, что его окружает, какая погода за окном, каковы условия, при которых пишется письмо.

«Прилетели скворцы, поют свои песни на деревьях, против окон, и, вероятно, удивляются изменениям во внешнем окружающем их мире» (Из письма Климова Анатолия Николаевича от 8 апреля 1942 г.).

Второй подуровень в структуре — информативный, содержит описания фронтового быта. Военнослужащие пишут об устройстве жилья, о питании, об обмундировании и снаряжении, о санитарно-гигиенических условиях и медицинском обслуживании: *«Сегодня мылся в хорошей бане, прожарили белье, это на этой неделе 2-й раз. Вообще, мы держим себя чистоплотно» (Из письма Страхова Сергея Ивановича от 10 августа 1944 г.).*

Принципиальное значение имеют сведения о получаемых деньгах, потому что служащие беспокоятся о своей семье, которая осталась дома, и высылают им часть средств или просят семью, наоборот, не присылать денег им на фронт: *«Зина, с 1 мая по старым аттестатам деньги платить не будут, так я тебе выслал новый аттестат только на 600 руб., хотел на большую сумму, но больше 50% аттестат не выписывают. Я получаю 1200 руб., буду досылать переводами, деньги мне здесь и на фронте не нужны, питаемся мы хорошо» (Из письма Колосова Алексея Федоровича от 8 апреля 1943 г.).*

Сюда же входят подробности служебных обязанностей и выполняемых боевых задач: *«А вчера ночью я со своими боевыми товарищами почти подходил вплотную к фрицам и, конечно, всыпали им... Обороняем город С.» (Из письма Шадрина Ивана Петровича от 5–7 января 1943 г.).*

Немаловажное место в письме отводится описанию выдавшихся моментов досуга и отдыха: *«Полтора месяца я в новой части, впервые с ними встречала праздник — 26-ю годовщину Красной Армии. Встретили хорошо, только в этот день была не в настроении, напилась и ушла спать. Наш повар не спал — готовили пирожки, водки было сколько угодно. Вечер был устроен силами бойцов. Ставили несколько отрывков из пьес: “Таланты из глубин”, “Свадьба в малиновке”, был баян, а баянист плохой, только учится, сию и мне уши режет. А вот сегодня к нам приезжает фронтовой ансамбль, хочется, чтобы скорей приезжали, соскучилась по музыке» (Из письма Козьминой Лидии, учащейся Горьковского музыкального училища, от 27 февраля 1944 г.).*

Третий подуровень описания — событийный. Событие, ядро эпистолярной структуры, становится поводом для написания письма. Здесь в результате кодирования были выявлены следующие аспекты фронтового опыта:

1. Сообщаемое событие (факт).
2. Место сообщаемого события (*«В настоящее время находимся в Польше»*).
3. Время сообщаемого события (*«В ночь на 25-е число был случай, так что чуть Богу душу не отдал»*).
4. Последовательность действий (*«Сидел, занимался, и вот около 2 часов начался обстрел, слышу, снаряды летят очень близко...»*).
5. Участники событий (*«Я кричу друзьям, которые спали на кровати...»*).
6. Авторская рефлексия по поводу произошедшего события.

Приведем пример нарратива из письма Лыщина Константина Павловича от 24 февраля 1945 г., разобранный по схеме Лабова (Т – тезисы или резюме текста, ОС — ориентирование слушателя, КД — комплекс действий, О — оценка, Р — разрешение ситуации):

1. *Первым сообщаю, что я в настоящий момент жив и здоров, нахожусь на кратковременном отдыхе в одном из фрицевских лесов.*
2. *Из боя вернулся невредимым (ОС)*
3. *(из того боя, перед которым послал я вам письмо), (ОС)*

4. но судьба чуть надо мной не подшутила. (О)
5. Кратко опишу.
6. На нашем участке (ОС)
7. подлые фрицы (О)
8. перешли в контратаку, (КД)
9. и мы, с целью стратегических соображений, (ОС)
10. отступили на несколько метров. (КД)
11. При падении вражеской мины было ранено несколько человек (КД)
12. моих товарищей, (О)
13. а мое сердце, сердце, наполненное кровью родителей, не позволило бросить их на произвол судьбы. (Т)
14. Нас было трое нераненых, (ОС)
15. мы решили спасти этих товарищей, (Т)
16. посадили их в подвал, (КД)
17. а сами, рискуя жизнью, с автоматом и гранатой в руках встали на их защиту. (Т)
18. Оголтелые фрицы (О)
19. кричали нам: «Хандэ хох! (руки вверх). Русь сдавайсь». (КД)
20. Они два раза зажигали наш дом, (КД)
21. в котором мы находились, (ОС)
22. но их авантюра провалилась. (Т)
23. В самую трудную минуту мы только лишь оставили по одному патрону для себя, (КД)
24. а остальными косили фрицев. (КД)
25. Но надежда на спасение была, и она оправдалась. (Т)
26. Наши лихие танкисты спасли нас и наших 8 человек раненых. (Р)
27. Они завидовали нам, но дело не в том — мы выполнили долг перед родиной, мы спасли таких же, как и я, мы спасли своих братьев. Конечно, в долгу перед нами не остался никто. (О)
28. Буду жив, на днях получаю орден Славы. (О)
29. Вот коротенько о моих эпизодах, а они бывают нередко.

Здесь поводом для письма становится не просто очередное сражение, а следствие этого сражения, в результате которого автор письма, проявив мужество и героизм, встал на защиту своих товарищей. Главной мыслью становится готовность спасения своих сослуживцев, пусть даже ценой своей жизни. В этом фрагменте отчетливо видно лексическое противопоставление «своих» и «чужих», которое отражает мнение и сложившиеся в голове автора образы. Так, солдаты вражеской армии называются «подлыми фрицами», «оголтелыми фрицами». Среди советских солдат, «товарищей» и «братьей», существовала взаимовыручка, на помощь пришли танкисты, что и предопределило счастливый исход события. Хотя Лыщин и пишет про судьбу и про надежду, но строки «Конечно, в долгу перед нами не остался никто» обнаруживают несколько прагматичную установку: сегодня помог я, завтра — помогут мне. «Мы спасли таких же, как и я». Автора строк берет гордость за отданный долг перед Родиной, и Родина не оставила без внимания этот поступок, наградив его орденом Славы.

Оценочный уровень эпистолярного сообщения состоит из авторских оценок, из описаний его чувств и переживаний, а также отражает ценностное восприятие участника войны. Иногда рассказ о событии позволяет адресанту выйти на этот уровень.

«Даже когда перешагивал труп, я думал, что я должен за него отомстить, и еще пуще вскипала ненависть к врагу. Вот недавно я прочитал статью в газете. Одна английская леди просит нас милосерднее отнестись к немцам. Ты знаешь, что я раньше боялся заколоть курицу и даже жалел ее. Помнишь котенка в Крутом, которого я кормил, а детей,

я ведь всех детей люблю, и конечно, никогда не буду убивать ребенка даже самого ярого врага, а немца как увижу убитого — радуюсь и с удовольствием стреляю в них. Я уже тебе писал несколько таких случаев, где приходилось почти в упор стрелять. Вот как изменяет жизнь человека. Конечно, в основном-то я и остался таким, каким был, а вот ненависти к немцам прибавилось в сто раз» (Из письма Страхова Сергея Ивановича от 12 ноября 1944 г.).

Фронтовые письма с Великой Отечественной войны больше насыщены впечатлениями от боевых операций, а содержательной информации по поводу размещения войск или числа командного состава в них не обнаружишь. Каждое письмо с Великой Отечественной войны, за редким исключением, содержит представления автора о действиях противника. Представление о враге носит крайне негативный характер в письмах с ВОВ: «это такие людоеды», «фашистских гадов». Описание «зверств», которые совершает противник, приводятся для оправдания применения насильственных действий, которые очевидно не вписываются в сознание непрофессиональных военных. Именно через выразительное изображение увиденных своими глазами результатов действий вражеской армии и пройденных боевых заданий излагается фронтовой опыт с задействованием режима оправдания.

Реконструкция военного опыта из нарративного жанра личного письма времен Чеченских кампаний

При анализе писем с Чеченских кампаний были выделены практически те же категории, что и в письмах с Великой Отечественной войны, поскольку описание военного опыта опирается на такие же важные конструкты. Конечно, есть и исключения. Письмо из Чечни, как и любое другое письмо, открыто для интерпретации. Адресант конструирует выражения таким образом, чтобы его читателю впоследствии было понятно, что скрывается за строками письма. Можно сказать, что он предлагает читателю вариант прочтения текста и понимание заложенного в него смысла.

Здесь также можно выделить коммуникативную, описательную (содержательную) и оценочную стороны сообщений.

Коммуникативный аспект в большинстве писем выражен в сообщениях касательно того, сколько было получено писем и когда, была ли получена посылка, а также просьбами привезти что-то еще из необходимого. Письма из Чечни являют двоякую картину. С одной стороны, встречаются послания, где есть описания службы, боевых задач и проведенных операций. С другой стороны, есть письма, состоящие из вопросов домашним, пожеланий, поздравлений. К примеру, в письмах Притыки Владимира Васильевича, участника Первой Чеченской кампании, информация о себе сводится к устойчивым выражениям типа «жив, здоров, чего и вам желаю». Остальное пространство в письмах занято под личную переписку и «разговор» со своей женой, раскрывающий подробности их взаимоотношений. Очевидно, что автор не хотел расстраивать жену и дочь, поэтому, выбрав стратегию умолчания, не делился с ними своими переживаниями относительно феномена войны.

Письма домой проходили тщательную фильтрацию, поскольку военнослужащие стремились успокоить родителей и родных. Особенно эта черта преобладает в письмах солдат, которые добровольно пошли служить. Чаще всего в таких письмах война находит отражение в своем официальном дискурсе, тогда неформальный дискурс сведен до минимума.

«Как вы уже наверное слышали по телевизору, война закончилась. Грозный мы взяли, точнее половина Грозного. Наш полк шол до площади «Минутка», я думаю про нее тоже слышали. Из Грозного нас вывели в населенный пункт Ханкала, там разбили

лагерь, жили в палатках, отдыхали, баня и т.д.» (Из письма Давыдова Александра, участника Второй чеченской кампании, от 27 февраля 2000 г.).

Разбирая содержание письменных источников, можно проследить тенденцию, как в положительную сторону меняется отношение солдата к своим родным — матерям, женам. Особенно показательна в этом отношении переписка с матерью военнослужащего Алексеева: *«Я тебя очень люблю!!! Извини, что я тебя бил, но я тоже не мог терпеть тебя в нетрезвом состоянии. Крепко целую и обнимаю. Твой любимый сын Сергей» (Из письма Алексеева Сергея Александровича, участника Второй Чеченской кампании. Письмо не датировано).*

Четыре письма от Алексеева, которые находятся в нашем доступе, представляют собой свидетельства постепенного изменения отношения сына к матери в силу сложившихся обстоятельств. В одном из писем он пишет, что кроме как от мамы и бабушки он больше не получал ни от кого писем.

В содержательной части письма событийность уступает место информативности. Размываются границы события. К нему трудно применить Лабовскую структуру (Т — тезисы, ОС — ориентирование слушателя, КД — комплекс действий, О — оценка, Р — разрешение ситуации). Приведем пример письма с Первой чеченской войны Никонова Андрея Владимировича от 25 декабря 1995 г.:

1. Ну что вам написать о Чечне? (Т)
2. Я не хочу вас пугать, поэтому напишу немного. Не верьте тому, кто скажет вам, что война в Чечне закончилась. Она как раз только начинается. У нас очень часто бывают боевые тревоги, днем и ночью. Тревога может быть по малейшей стрельбе, а стреляют здесь каждую минуту. Днем и ночью.
3. Недавно ранили двоих наших бойцов и одного убили. (Т)
4. А случилось это днем. (ОС)
5. Когда 4 чеченские снайпера засели на деревьях (КД)
6. и их никто не видел. (ОС)
7. И даже не слышали (ОС)
8. когда они отстреливали (КД)
9. наших как собак. (О)
10. А только видели (ОС)
11. как наши парни падали истекая кровью. (Т)
12. Это конечно не описать словами, это надо видеть.
13. Здесь гибнут хорошие парни, которых так не хватает на гражданке. Которые в свои 19 лет видели смерть, ощущали страх, видели море крови, которые в 19 лет испытали все в своей жизни. И все, что они видели, им будет снится после армии очень долго. И тот кто выживет в этой войне — крепкие и очень сильные парни. И не дай бог ктонибудь меня упрекнет Чечней на гражданке. Я разорву его, в прямом смысле этого слова. (О)
14. Как Маринка учится?...

Данный отрывок явно демонстрирует, какое негативное влияние война оказывает на психику человека. Невозможность что-то изменить и осознание собственного бессилия порождают фрустрацию и, как следствие, озлобленность. Травмирующие воздействия военных действий могут стать следствием посттравматического стрессового расстройства. Особенно значительными последствия становятся в фокусе «кризиса ценностей» в стране. Будучи на фронте, автор письма уже опасается сформированных негативных представлений о нем, как участнике этой войны, в сознании общества.

Оценочная сторона сообщения выражена в эпизодах, демонстрирующих отношение военнослужащих к конкретным аспектам их жизни. В общем, в данном случае элементы семантического пространства сообщения не отличаются резко в письмах с разных войн.

В текстах писем присутствуют рефлексия авторов, направленная на социальную среду, в которой они оказались, переживания по поводу изоляции от родных и близких, страх перед войной, мучительное ожидание срока замены и осознание бессмысленности военных действий, характерное только для служивших в Чечне. Повторяющейся темой является изображение природы и погоды. Примечательно, что описание погоды служит дополнительным маркером распознавания настроения у солдата. По тону письма зачастую можно уже догадаться, в каком свете будут отражены упоминания погодных условий и обстановки — «*погода стоит хорошая, солнечная*» или «*погода здесь стоит плохая, грязь по колено*».

Главное отличие писем из Чечни от писем с ВОВ — это преуменьшение значимости любых событий (в том числе негативных) и своего факта нахождения в местах боевых действий (в большинстве писем): «*Служу я сейчас в республике Чечня, но сразу спешу успокоить, что у меня все в порядке. Срок службы здесь идет день за два, считай пол года отслужу здесь приеду в дивизию и еще три месяца и домой. Да и денег заработаю, а деньги не малые. Не знаю, что писать да и дойдет ли это письмо, одним словом как приеду мам, сядем и я Вам расскажу. Немного расскажу о природе и местном климате...*» (Из письма Лемзякова Александра, участника Второй чеченской кампании. Письмо не датировано).

Конечно, встречаются и другие источники, где явно прослеживаются негативный опыт и упадок духа солдата вследствие войны. Особенно показательными в этом отношении стали письма военнослужащего Алексей Чиркина, погибшего в 1996 г. Письма стали доступны для публичного прочтения и были опубликованы в газете «Нижегородская Правда» 18 мая 1996 г. Их принес в редакцию отец Алексея — «чтобы люди узнали правду об этой войне». Одно из ограничений этого исследования состоит в том, что в силу ограниченного эмпирического материала мы не можем проследить в динамике трансформации смыслов. А письма Чиркина играют огромную роль для изучения жизни солдата в условиях той войны, поскольку дают представление не только о бытовых моментах, но и позволяют проследить, как видоизменяется моральное и психологическое состояние человека от начала службы к ее завершению.

Читаем в первом письме: «*Хожу на пост, следим за мостом. Окопались, вырыли землянку, установили пулемет и сидим. Совсем, как дома, на заводе — неделю в день, неделю в ночь. Снайпера заколебали уже. Но убитых нет пока. Короче, у меня все отлично, жив, здоров, сыт*» (Из письма Чиркина Алексея, участника Первой чеченской войны. Письмо не датировано).

Спустя три месяца: «*Да еще колонну тут расстреляли, много убитых. Но это не наши, хотя и такие же пацаны. Прошел еще один месяц, все ближе становится к дому и все чаще сны про дом. И все больше и больше надоедает эта война*» (Из письма Чиркина Алексея, участника Первой чеченской войны, от 31 января 1996 г.).

И выдержки из последнего письма: «*Ждем, когда нас отсюда увезут. А поэтому я никуда не лезу. Мне эта война уже по горло надоела. Я хочу домой...*» (Из письма Чиркина Алексея, участника Первой чеченской войны, от 27 марта 1996 г.).

Письма с фронта могут стать дополнительным подтверждением или опровержением определенной версии памяти о войне. Так, письма Чиркина открывают неприглядную сторону войны, и здесь ключевое значение приобретет контекст, в который помещаются эти письма. Первая чеченская война началась в непростой период, когда население было деморализовано экономическими трудностями и политической нестабильностью, отношение к войне было в СМИ неоднозначным и, скорее, негативным.

Другим важным отличием писем из Чечни является наличие отличного от советской традиции взгляда на войну, лишённого патетического изображения и героизированного дискурса. В эпистолярных посланиях не встретишь восторженных речей о скорейшей

победе, патриотических лозунгов и наполненных гордостью похвал храбрости и стойкости «нашего» человека на войне. Здесь сыграла свою роль цензура и самоцензура, а также политическая конъюнктура. Вера в неизбежную победу доминирует практически во всех посланиях в 1941–1945 гг. В то же время в письмах из Чечни отчетливо прослеживается тревога, растерянность комбатантов, обреченность и даже отсутствие ясного понимания смысла происходящего.

Способы нарративизации войны

Е. Ю. Рождественской был выделен ряд нарративных конструкций, типичных для рядового состава ветеранов и для профессиональных военных (Rozhdestvenskaya, 2016). В представленном анализе также была предпринята попытка определить формы нарративизации войны. Так, война в письмах фронтовиков может быть нарративизируема несколькими способами.

Во-первых, это отсутствие рассказа о войне, тогда письмо обладает исключительно коммуникативными функциями. Конкретное письмо становится важным для автора в качестве связующей нити с домом и прежним социальным окружением. О войне говорить не хочется или не получается, поскольку в таком случае наружу выходит тревожно-растерянное состояние бойца, что беспокоит родных и может угрожать его собственной идентичности и психике. Значимость письма также выражается в установлении зависимости информационного содержания текста от подтекста эпистолярного послания. Заложенный автором в письмо смысл заключается в признании ценности того, что может быть понятным исключительно адресату.

Во-вторых, война может быть нарративизируема как опыт службы. Смысловыми единицами эпистолярного сообщения становятся повседневные практики в военное время, фронтовой быт, окружающая обстановка, климатические условия, сведения о боевых задачах и выпавших трудностях. Письмо носит фактическую или информационную функцию.

В-третьих, война может быть нарративизируема как коллекция эпизодов военных действий и случаев из фронтовой повседневности (факты ранения; убийство солдат вражеской армии; свидетельства гибели товарищей, противников или мирного населения; факт нахождения в плену). Письмо солдат приобретает универсальные свойства нарративной структуры с изложением хода событий и их развитием (начало, развертывание и окончание).

В-четвертых, война может быть нарративизируема как опыт карьеры или достижений. В этом случае адресант делает акцент на упоминании проявления мужества и отваги в боях, в результате чего им было получено повышение или правительственная награда. В письме рассказчик занимается самопрезентацией и самораскрытием.

Наконец, война может приобретать форму нарратива, в котором функционирует в качестве способа понимания себя и других во взаимосвязи, таким образом, человек поднимается на уровень осмысления собственной жизни. Так, война представляет собой обучающий опыт и помогает индивиду встраиваться в социокультурную реальность

Заключение

Изучение фронтовых писем позволяет понять многие аспекты военного опыта, переживаемого военнослужащими: собственно военный опыт, повседневные практики, личное отношение к войне и т. д. В статье отражено смещение фокуса интереса социологии и смежных дисциплин с макрособытийной истории на ситуативные проявления, отдельные эпизоды и факты. Увидеть войну «изнутри», с позиции ее непосредственных

участников возможно через «погружение» в документы личного характера (письма, дневники, воспоминания, биографии участников). Фронтное письмо выступает свидетельством времени, эпистолярным памятником эпохи, а также — уникальным феноменом отечественной письменной культуры военного времени.

Нарративизация войны может приобретать разнообразные формы. Выделенные в ходе анализа уровни семантического пространства письма применимы как к письмам с Великой Отечественной войны, так и к чеченским письмам. В письмах с ВОВ структура нарратива накладывается на повествование, в письмах из Чечни событийность уступает место информативности. Нарративы, повествующие о военном опыте, могут иметь довольно размытые границы (вступление, развитие действия, заключение), и в них зачастую отсутствуют кульминация и резолюция.

Война в письмах фронтовиков нарративизируется несколькими способами: 1) как опыт службы; 2) как коллекция эпизодов военных действий и случаев из фронтной повседневности; 3) как опыт карьеры или достижений; 4) как обучающий опыт. Во всех этих случаях война упоминаема и рассказываема. В письме может отсутствовать информация о военной повседневности и фронтовом опыте. Тогда на первый план выходит коммуникативная сторона эпистолярного сообщения.

Письма в условиях войны отличаются от писем в мирное время, а также они различаются в период Великой Отечественной войны и Чеченских кампаний. Неодинаковые предпосылки к началу военных действий и условия, при которых они протекали, разные мотивы и масштабы наложили своеобразный отпечаток на участвующих в них бойцов. То, какую форму принимает военный опыт в личном письме военнослужащего, напрямую свидетельствует о том, какой смысл автор вкладывает в письмо.

Литература

- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы Российской Армии. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002.
- Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологических исследований: уч. для студентов гуманитарных вузов и аспирантов. М.: Аспект Пресс, 1995.
- Булыгина Т. А. Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / Под ред. Т. А. Булыгиной. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. С. 530–540.
- Васильев А. Г. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // Фундаментальные проблемы культурологии: сб. статей по материалам конгресса / Под ред. Д. Л. Спивак. М.: Новый хронограф; Эйдос, 2009. С. 56–68.
- Васильев А. Г. Memory studies: единство парадигмы — многообразие объектов (Обзор англоязычных книг по истории памяти) // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 461–480.
- Гудков Л. Д. Чеченская война и развалившееся «мы». Ст. 2: К антропологии «зрителя» чеченской войны // Неприкосновенный запас. 2001. № 2 (16). С. 31–47.
- Ермаченко И. О. Война и мир: взаимодействие культурных контекстов // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 424–431.
- Иванов А. Ю. Анализ фронтных писем периода Великой отечественной войны в свете инновационных источниковедческих подходов // Вестник Чувашского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 37–41.
- Курносков А. А. Источники по истории народного сопротивления в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1945 гг. // История СССР. 1965. № 3. С. 35–45.
- Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / Под ред. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 17–50.

- Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004.
- Рождественская Е. Ю., Семенова В. В. Социальная память как объект социологического изучения // ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2011. № 6. С. 27–48.
- Садыкова Р. Б. Человек на войне: солдатские письма // Роль личности в истории: реальность и проблемы изучения: науч. сб. (по материалам 1-й Международной научно-практической Интернет-конференции) / Под ред. В. Н. Сидорцова. Минск: БГУ, 2011. С. 29–34.
- Сенявская Е. С. 1941–1945. Фронтное поколение. Историко-психологическое исследование. М.: Ин-т российской истории РАН, 1995.
- Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997.
- Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.
- Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61.
- Labov W. Uncovering the event structure of narrative. Georgetown: Georgetown University Press, 2001.
- Olick J. K., Robbins J. Social memory studies: from “collective memory” to the historical sociology of mnemonic practices // Annual Review of Sociology. 1998. № 24. P. 105–140.
- Rozhdestvenskaya E. Y. Afghan veterans: resonance of memory // Collective memories in war / Ed. by E. Rozhdestvenskaya, V. Semenova, I. Tartakovskaya, K. Kosela. London: Routledge, 2016. P. 139–151.
- Thomas W., Znaniecki F. The polish peasant in Europe and America: monograph of an immigrant group. Boston: Richard G. Badger; The Gorham Press, 1918.

References

- Assmann J. (2004) *Kulturnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kulturah drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination], Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
- Bannikov K. (2002) *Antropologiya ehkstremlnykh grupp. Dominantnye otnosheniya voennosluhashchikh srochnoy sluzhby Rossiyskoy Armii* [Anthropology of Extreme Groups. The Dominant Attitude in the Russian Army], Moscow: Institut ehtnologii i antropologii RAN.
- Batygin. G. (1995) *Leksii po metodologii sotsiologicheskikh issledovaniy: uchebnyk dlya studentov gumanitarnykh vuzov i aspirantov* [Lectures Note on the Methodology of Sociological Research: Textbook for Students and PhD], Moscow: Aspekt Press.
- Bulygina T. (2005) Pis'ma s fronta kak istochnik istorii povsednevnosti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Letters from the Front as Sources of History of Everyday Life during the Great Patriotic War]. *Stavropol'e: pravda voennykh let. Velikaya Otechestvennaya v dokumentakh i issledovaniyakh* [Stavropol: the Truth of the War. The Great Patriotic War in the Documents and Studies] (eds. T. Bulygina), Stavropol: SGU, pp. 530–540.
- Ermachenko I. (2003) Voyna i mir: vzaimodeystvie kul'turnykh kontekstov [War and Peace: the Interaction of Cultural Contexts]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 64, pp. 424–431.
- Gudkov L. (2001) Chechenskaya voyna i razvalivsheesya “my”. Stat'ya 2. K antropologii “zritelya” chechenskoj voyny [The War in Chechnya. Article 2. Anthropology of “spectator” of the War in Chechnya]. *Neprikosnovenny zapas*, vol. 16, no 2, pp. 31–47.
- Halbwachs M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [On collective memory], Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Ivanov A. (2008) Analiz frontovykh pisem perioda Velikoy otechestvennoy voyny v svete innovatsionnykh istochnikovedcheskikh podkhodov [Analysis of Letters from the World War II in the Light of Innovative Approaches]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no 4, pp. C. 37–41.

Kurnosov A. (1965) Istochniki po istorii narodnogo soprotivleniya v tylu nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov 1941–1945 [Sources on the History of Anti-German Soviet Resistance 1941–1945]. *Istoriya SSSR*, no 3, pp. 35–45.

Labov W. (2001) *Uncovering the Event Structure of Narrative*, Georgetown: Georgetown University Press.

Nora P. (1999) Problematika mest pamyati [Realms of Memory]. *Frantsiya — pamyat'* [France — Memory] (eds. P. Nora, M. Ozouf, G. de Puymège, M. Vinok), Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo uiversiteta, pp. 17–50.

Olick J. K., Robbins J. (1998) Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices. *Annual Review of Sociology*, no 24, p. 105–140.

Riker P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Forgetting], Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.

Rozhdestvenskaya E. (2016) Afghan Veterans: Resonance of Memory. *Collective Memories in War* (eds. Elena Rozhdestvenskaya, V. Semenova, I. Tartakovskaya, K. Kosela), London: Routledge, pp. 139–151.

Rozhdestvenskaya E., Semenova V. (2011) Sotsial'naya pamyat' kak ob'ekt sotsiologicheskogo izucheniya [Social Memory as Object of Sociological Study]. *INTERaction. INETview. INTERpretation*, no 6, pp. 27–48.

Sadykova R. (2011) Chelovek na voyne: soldatskie pis'ma [Men at War: Soldiers' Letters]. *Rol' lichnosti v istorii: real'nost' i problemy izucheniya: nauch. sb.* [The role of Personality in History, the Reality and the Problems of Study: the Scientific Research Book] (eds. V. Sidortsov), Minsk: BGU, pp. 29–34.

Senyavskaya E. (1995) 1941–1945. *Frontovoe pokolenie. Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie* [1941–1945. Front Generation. Historical and Psychological Research], Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN.

Senyavskaya E. (1997) *Chelovek na voyne. Istoriko-psikhologicheskie ocherki* [Men at War. Historical and Psychological Essays], Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN.

Senyavskaya E. (1999) *Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii* [The Psychology of War in the Twentieth Century: the Historical Experience of Russia], Moscow: Rossiyskaya politicheskaya ehnt-siklopediya.

Thomas W., Znaniecki F. (1918) *The Polish Peasant in Europe and America: Monograph of an Immigrant Group*, Boston: Richard G. Badger, The Gorham Press.

Vasil'ev A. (2009) Memorializatsiya i zabvenie kak mekhanizmy proizvodstva kul'turnogo edinstva i raznoobraziya [Memorialization and Obliteration as the Mechanisms of Production of Cultural Unity and Diversity]. *Fundamental'nye problemy kul'turologii* [Fundamental Problems of Culturology] (eds. D. Spivak), Moscow: Novyy khronograf, pp. 56–68.

Vasil'ev A. (2012) *Memory studies: edinstvo paradigmy — mnogoobrazie ob'ektov* [Memory Studies: the Unity of Paradigms — the Diversity of Projects]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 117, pp. 461–480.

Yarskaya-Smirnova E. (1997) Narrativnyy analiz v sotsiologii [Narrative Analysis in Sociology]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no 3, pp. 38–61.

Музей истории ГУЛАГа как отражение травматического опыта

Екатерина Постная*

В эссе рассматривается кейс Государственного музея истории ГУЛАГа в Москве, относящегося к категории «музеев памяти/совести». Данный тип музеев функционирует не просто с целью сохранения и передачи потомкам исторических фактов, но и переосмысления трагических страниц прошлого. Музей истории ГУЛАГа ставит перед собой задачу признать прошлое и обратиться к состраданию и пониманию посредством воссоздания «места памяти», конструирования площадки для общественного диалога и вовлечения индивидов в общественную деятельность. Методология исследования основана на описательном кейс-стади. Полевой этап проводился с февраля по апрель 2015 г. в здании музея на ул. Петровка и включал в себя интервью, включенное наблюдение, текстовый анализ книг отзывов музея, анкетирование посетителей и волонтеров. Эмпирические данные демонстрируют разнообразие способов освоения музейного пространства посетителями: были выявлены такие значимые социальные практики, как «edutainment» — образование с помощью интерактивных технологий и «машина времени» — возможность испытать аутентичный опыт репрессированных и перенестись в «другую реальность». Музей посещают разнообразные группы индивидов — профессиональные исследователи, молодежь, родственники репрессированных, иностранцы и случайные посетители, воспринимающие музей в различных контекстах. Музей ГУЛАГа выступает в качестве противоречивого объекта, функционирующего в публичной и приватной сферах, где одновременно происходят получение знаний с помощью интерактивных практик, активная дискуссионная коммуникация акторов и сакрализация тематики репрессий. Занимая нишу «музеев памяти/совести», музей ставит перед собой задачу актуализировать тематику памяти о советских репрессиях в современном российском обществе.

Ключевые слова: Музей ГУЛАГа, музей памяти, музей совести, репрессии, память, edutainment

Введение

В настоящее время наблюдается рост интереса исследователей к изучению исторической памяти, советского прошлого и, в частности, наследия ГУЛАГа. В России активно развиваются такие проекты, как «Топография террора»¹, «Москва Варлама Шаламова»²,

* Постная Екатерина, магистрант департамента социологии НИУ ВШЭ. e.postnaya132@yandex.ru.

¹ «Топография Террора» — проект, разрабатываемый «Международным Мемориалом» с целью создания адресной книги и базы данных советского террора в Москве. URL: <http://topos.memo.ru> (дата обращения: 13.01.2017).

² Литературно-просветительская программа «Москва Варлама Шаламова» // Уроки истории XX век. 2016. 24 января. URL: <http://urokiistorii.ru/node/53036> (дата обращения: 13.01.2017).

«Последний адрес»³, что говорит о растущей потребности общества в переосмыслении трагического прошлого и возвращении памяти о репрессиях в публичный дискурс.

Одним из наиболее заметных акторов, функционирующих в поле исторической памяти о советских репрессиях, является Государственный Музей истории ГУЛАГа в Москве. С 2001 г. музей занимает нишу так называемых «музеев памяти/совести» — согласно Концепции развития музея задачей организации является не только сохранение и передача исторических фактов, но также и переоценка в конструктивном ключе трагических событий прошлого: «деятельность музея ГУЛАГа не должна сводиться к простому рассказу о трагедии, но способствовать преобразованию негативного травматического опыта вспоминания/восприятия в позитивный интеллектуальный, художественный, нравственный опыт осмысления»⁴.

В исследовательском эссе ставятся следующие вопросы: какие смыслы вкладывают группы посетителей в свои практики по освоению музейного пространства музея ГУЛАГа? В чем заключается его смысловое наполнение? Таким образом, целью является определение социокультурного значения пространства музея ГУЛАГа.

«Классический музей» и «современный музей»: теоретические подходы к изучению

Исторически возможность посетить музей воспринималась как привилегия: выставки и экспозиции предназначались для элитарной группы индивидов, способной позволить себе данный вид досуга (Лещенко, 2008, с. 242–243). В типологии музеев, предлагаемой К. Джефферс, используется метафора «священная роща» для обозначения классического типа музея (Jeffers, 2003, р. 109). Подобные музеи воспринимаются как нечто незыблемое, что не может быть переосмыслено в критическом русле. Классический музей предлагает посетителю однозначную интерпретацию истории — например, в СССР музей являлся инструментом пропаганды, предлагая «правильную» трактовку событий (Социокультурный анализ..., 2012, с. 194). Говоря о музее в его классическом понимании, можно выделить следующие характерные черты: отделение искусства от повседневности, определенные правила поведения при посещении, восприятие музея как сакрального и священного места, конструирование элитарной группы посетителей. Подобное отношение сохранилось в современном мире: существует множество музеев, где запрещено шуметь и трогать экспонаты, а атмосфера подразумевает благоговение перед картинами или скульптурами.

Музеи нового типа радикально отличаются от «классических» музеев. Основной отличительной характеристикой «нового» музея является его восприятие как динамичного объекта, вписанного в концепцию «спектакля», подразумевающей, что музей — это место, где происходит «эмпатическая социальная коммуникация» (Jeffers, 2003, р. 110). Современный музей характеризуется с позиции «вход как право» — происходит переориентация на более активное взаимодействие с различными группами посетителей. Концепция «нового» музея подразумевает организацию пространства для размышления и критической интерпретации культуры или истории, проведения образовательных и развлекательных мероприятий (Лещенко, 2008, с. 243). Важной особенностью

³ «Последний адрес» — общественная инициатива по установлению мемориальных знаков на домах репрессированных людей. См.: Мемориальный проект «Последний адрес» // Фонд «Последний адрес». URL: <http://www.poslednyadres.ru/about/> (дата обращения: 13.01.2017).

⁴ Концепция развития государственного музея истории ГУЛАГа / Департамент культуры г. Москвы, ГБУК «Государственный музей истории ГУЛАГа». М., 2013. С. 13. URL: <http://gmig.ru/upload/skeditor/Концепция%20развития%20Государственного%20музея%20истории%20ГУЛАГа%202014%20посл.pdf> (дата обращения: 20.05.2015).

модернизированных музеев является интеграция культуры, искусства, истории в повседневность посредством открытых выставок, картин в общественном транспорте (именной поезд «Акварель» с собранием работ, выставленных в ГМИИ им. Пушкина)⁵. Поощряется активное взаимодействие с экспонатами: «...неразумно предлагать человеку нечувственными методами оценивать вид искусства, апеллирующий к чувствам» (Лещенко, 2008, с. 249). Таким образом, основными характеристиками музея нового типа являются ориентация на активное взаимодействие с посетителем, создание площадки для общественного диалога, акцент на образовательную и развлекательную функции, интеграция в повседневную жизнь и открытость для широкого круга посетителей.

В эссе мы изучаем музей, относящийся к типу музеев «памяти/совести». Музеи совести, как правило, посвящены тем историческим событиям, которые связаны с преступлениями против человечества и попранием гуманистических ценностей. В центре концепции подобных музеев находятся «гласность, признание, осмысление и оценка»⁶. Существование и функционирование музеев совести базируется на трех основных принципах: воссоздание места памяти (помимо строительства памятников и мемориалов) с целью получения индивидами уникального эмоционального опыта; создание пространства для диалога вместо простой констатации фактов; предоставление возможностей для вовлечения в социально значимые проекты (Ševčenko, 2011, p. 15). Цель музея совести — не только рассказать о произошедшем, но апеллировать к более высоким человеческим чувствам — состраданию, сопереживанию, пониманию. Примерами таких музеев могут служить музеи Холокоста, музей рабства в Ливерпуле, «Топография террора» в Берлине и т. д. В России одним из первых музеев, который позиционировал себя как музей совести, стал комплекс «Пермь-36», созданный на месте бывшей исправительно-трудовой колонии. Музей истории ГУЛАГа в своей концепции развития также относит себя к указанному типу музеев⁷.

Если мы рассматриваем дихотомию «классический музей — современный музей» как некоторый континуум смыслов и значений, то «музей памяти/совести» обладает двойным набором характеристик — с одной стороны, ему присущи сакральные черты, которые опосредованы тематикой музеев данного типа, с другой — данные музеи широко используют всевозможные интерактивные возможности и необычные подходы к конструированию экспозиций.

История музея

Музей, выступающий объектом изучения, был основан в 2001 г. историком и публицистом, сыном «врага народа» А. В. Антоновым-Овсеенко⁸. В 2012 г. на пост директора пришел Р. В. Романов. На момент проведения полевого этапа исследования (февраль-апрель 2015 г.) музей располагался на ул. Петровка в центре г. Москвы, что является символическим местоположением, так как неподалеку находятся здания репрессивных центров — здание органов государственной безопасности на Лубянке, «расстрельный дом» на ул. Никольской. Внешнее оформление музея представляет собой контраст с улицей — на Петровке располагаются дорогие магазины с яркими вывесками, неподалеку находится Большой Театр и ЦУМ, в то время как музей оформлен в мрачных, аскетичных тонах,

⁵ Новая экспозиция поезда «Акварель» // Пресс-служба Московского метрополитена. URL: <http://mosmetro.ru/press/projects/watercolour/> (дата обращения: 22.11.2014).

⁶ Гнедовский М. Старые и новые исторические музеи. Панорама мемориальных музеев («музеев совести») // Уроки истории XX век. 2010 г. 7 октября. URL: <http://urokiistorii.ru/memory/place/1194> (дата обращения: 28.01.2015).

⁷ Концепция развития государственного музея истории ГУЛАГа. С. 8.

⁸ Государственный музей истории ГУЛАГа. О музее. URL: <http://www.gmig.ru/o-muzee> (дата обращения: 14.01.2017).

а вход находится в арке, как бы «скрывающей» музей от посторонних. При входе в музей посетитель наблюдает вышку часового, проходит «коридор», огороженный колючей проволокой, а в окнах висят плакаты, на которых размещены фотографии репрессированных.

Рис. 1. Контекст пространства: рядом с музеем — дорогой магазин и здание Генеральной Прокуратуры⁹

Рис. 2. Элементы экспозиции музея: личные вещи заключенного, архивные документы, реконструкция фрагмента барака. Фото автора, 11 февраля 2015 г.

⁹ Фотография взята с YandexMaps.

Экспозиция музея, открытая в 2004 г., состоит из трех основных тематических блоков: ГУЛАГ как государственное преступление, история системы управления лагерями, ГУЛАГ как личная трагедия¹⁰. Вниманию посетителей представлены не только документы из государственных архивов, но также личные вещи узников и произведения искусства, авторы которых стараются осмыслить события прошлого. Особенностью музея является его ориентация на использование дополнительных способов воздействия на посетителя, например, с помощью звука, световых решений и инсталляций. В музее реконструирован фрагмент барака заключенных и карцер, которые вызывают сильные эмоциональные реакции посетителей.

Аудитория музея делится на четыре группы: школьники и студенты, взрослые посетители, бывшие политзаключенные и члены их семей и иностранные посетители¹¹. Музей учитывает потребности каждой группы индивидов, например, для школьников и студентов организуются различные образовательные мероприятия и экскурсии, а связь с людьми, пострадавшими от репрессий, поддерживает социально-волонтерский центр музея. Кроме того, в музее регулярно проводятся лекции, поэтические встречи и театральные перформансы для всех желающих.

Методы сбора данных

Наиболее подходящим методом для исследования выступил описательный case-study, применение которого было обусловлено мультиметодичностью и гибкостью данного подхода (Козина, 1997). Сбор данных осуществлялся в период с февраля по апрель 2015 г. Эмпирическую базу исследования составили полуструктурированное интервью, краткосрочное включенное наблюдение, текстовый анализ книг отзывов музея, архивных анкет волонтеров и анкет, собранных в ходе полевого этапа исследования.

В интервью приняли участие 6 мужчин и 9 женщин в возрасте от 16 до 60 лет. Полуструктурированное интервью проводилось по заранее написанному путеводителю, при этом поощрялись самостоятельные попытки информантов развить тематику. При анализе результатов использовался метод обоснованной теории («grounded theory»), с проведением выборочного и осевого кодирования, и последующего объединения данных в более крупные категории.

Анкетирование проводилось с целью выяснения портрета посетителя: задавались открытые вопросы относительно замечаний и пожеланий к музею и выяснялось впечатление посетителей от посещения. Анкета составлялась на русском и английском языках с учетом активного посещения музея иностранными посетителями. Количественные данные анализировались с помощью программы SPSS, а в ответах на открытые вопросы изучались тема сообщения, адресат и автор, эмоциональная окраска. Всего в анкетировании приняли участие 78 человек в возрасте от 16 до 23 лет.

Результаты трех сеансов краткосрочного включенного наблюдения фиксировались в протоколе по методике Дж. Спрэдди. Возможность провести краткосрочное наблюдение была обусловлена привычностью социокультурного контекста для исследователя и участников наблюдения (Истомина, 2013, с. 75–103), однако подозрительное отношение посетителей (мужчина, заметив, что наблюдатель делает пометки в блокноте, сказал: «Что, донос пишете? Не хочется в ГУЛАГ!») и небольшое помещение музея существенно ограничивали возможности исследователя.

Анализ вторичных данных включал в себя изучение книг отзывов и архивных анкет волонтеров. В книгах отзывов фиксировались эмоциональная окраска отзыва человека,

¹⁰ Концепция развития государственного музея истории ГУЛАГа.

¹¹ Концепция развития государственного музея истории ГУЛАГа. С. 14–15.

его реакция на посещение, что привлекло его внимание в экспозиции, а в анкетах волонтеров — впечатления от музея, предложения по усовершенствованию, объекты экспозиции и выставок, привлекшие наибольшее внимание и наличие/отсутствие репрессированных родственников.

Посетители и музей: практики освоения пространства

Социальные практики освоения пространства музея разнообразны: посетители общаются с экскурсоводами, изучают экспонаты, делают заметки. Интерес к музею обусловлен желанием получить новые знания или «освежить пласт», заложенный в школе и институте. Например, группы школьников активно коммуницируют друг с другом, обсуждая интерактивные элементы экспозиции и выставок — реконструкцию барака и карцера, темный подвал, цепи. В некоторой степени посещение музея для них выступает как развлекательное мероприятие, что иллюстрирует запись из протокола наблюдения:

«...некоторые слушают экскурсовода, вопросов не задают, другие отошли к стенду с фотографиями и обсуждают их, смеются. Мальчик говорит девочке: “Представь, на этой фотографии... Вот ты, а вот я”. “Дети есть дети” — говорит одна из смотрительниц, — «Маргарита (экскурсовод. — Прим. авт.) им целую лекцию прочитала: не отвлекаться, быть внимательными, быть сосредоточенными, но они устают» (протокол наблюдения № 1 от 25 февраля 2015 г.).

Тем не менее благодаря корректной подаче материала экскурсоводом и сопровождающим учителем младшие посетители осознают серьезность темы музея. Что касается взрослых посетителей, то они также заинтересованы в получении новых и обогащении уже имеющихся знаний. В музее можно наблюдать активные группы индивидов, которые задают вопросы экскурсоводам, обсуждают с ними историю, дискутируют с другими посетителями:

«Когда я хожу по музеям, я предпочитаю всегда брать экскурсию, потому что многое, что смотришь самостоятельно, не получается запомнить, во-вторых, не факт, что все, что ты хочешь узнать про экспонаты или про этот музей, не всегда написано в аннотации к экспонату. Поэтому я всегда предпочитаю экскурсовода, если не получается экскурсовода — аудиогид, ну если нет аудиогuida, то тут приходится идти самому» (м., 30 лет, работник предприятия, Москва).

На этом фоне возникает новый тип получения знаний — «edutainment», образование через интерактивные практики. Говоря «интерактивные», мы не подразумеваем развлечение в прямом смысле этого слова, как увеселение, а скорее как использование коммуникативных возможностей, нового формата подачи материала и т. д. Сюда относятся активное вовлечение посетителей в общение с экскурсоводом, совместный поиск ответов на вопросы. Важную роль в «edutainment» играет современное оформление музея и использование интерактивной подачи материала — например, «Книги Памяти» позволяют послушать истории бывших заключенных «из первых уст».

«Edutainment» заключает в себе как аудиовизуальную подачу материала с целью не просто представить факты, но вызвать у индивида более эмоциональную реакцию на экспозицию или выставку, так и практики по активному взаимодействию с другими акторами музейного пространства, социализацию, встраивание в сеть социальных отношений.

Распространенной практикой посетителей является фотографирование личных вещей репрессированных людей, а также инсталляций, иллюстрирующих их быт:

«Фотографировала детские вещи — колготочки и чешечки, меня это потрясло. Детская тема близка, и как-то это очень страшно, на самом деле. Что фотографировали... Личные вещи — ложки, тарелки. Это очень личное, это чувствуется» (ж., 35 лет, волонтер, Московская область).

Рис.3. Посетители и «Живые книги Памяти»¹²

Посетители музея словно стремятся прикоснуться к «живой истории», оказаться не просто на месте другого человека, но в другой реальности:

«...я словно оказался в другом мире. Атмосфера другая. Это очень хороший творческий подход. Из пространства в пространство» (м., 19 лет, студент, Германия).

Желание запечатлеть «вещи с историей» объясняется тем, что в глазах индивидов они обладают биографией, наполнены смыслом и традициями (Копытофф, 2006, с. 134–165). Поэтому «прикосновение» к ним через практику фотографирования позволяет посетителям метафорически «запустить машину времени» и получить аутентичный опыт. Как правило, посетители обещают показать фотографии друзьям и близким, но не стремятся разместить их в социальных сетях — по выражению информанта, «это способ запечатлеть память живой» (м., 55, фотограф, Нидерланды).

Чрезвычайно сильна позиция музея как коммуникативного пространства: многие посетители спешат обсудить запомнившийся момент не выходя из музея:

«Первые впечатления яркие, действительно начинаешь задумываться — люди то страдали, в принципе, за все, и это как-то очень хорошо отражает суть всей темы. Подвал — там уже более наглядно. Мы там тоже обсуждали, как и что, как там люди могли размещаться на всем на этом, и как могли в таких условиях в принципе существовать. Обсуждали, да» (ж., 35 лет, волонтер, Московская область).

В то же время другие оказываются настолько впечатленными экспозицией и инсталляциями, что предпочитают сначала осмыслить увиденное и уже позже поделиться с друзьями и родственниками своими мыслями. Посещение музея разнообразными социальными группами является важным аспектом: индивиды по-разному интерпретируют увиденное, различными способами «читают» предложенный им «текст», что создает дискуссионную среду в эмоционально и тематически нагруженном музее.

¹² «Книги памяти» — интерактивные элементы экспозиции, большие бумажные книги с транслируемыми на них видеороликами-интервью с жертвами репрессий. Посетители могут взять наушники и послушать историю из первых уст. См.: Живая книга памяти // Музей истории ГУЛАГа. 2013. 15 апреля. URL: <http://www.gmig.ru/view/event/9> (дата обращения: 14.01.2017).

Рис. 4. Реконструкция барака в подвале музея. Фото автора, 11 февраля 2015 г.

Важным моментом относительно практик посетителей является чтение тематической литературы. Стоит отметить, что основная часть респондентов получила знания о системе ГУЛАГа преимущественно из художественной литературы, работ В. Шаламова и А. Солженицына, о чем информанты указывают в интервью:

«Я с ним (Шаламовым. — Прим. авт.), мне кажется, во всем согласна, потому что он был в этих лагерях, и он видит эту проблему изнутри, то есть он был частью всего этого, и мне кажется, что именно как раз по мнению таких людей должно создаваться наше мнение» (ж., 16 лет, школьница, Санкт-Петербург).

Аудитория пространства: смыслы, вкладываемые в посещение музея

По результатам анкетирования посетителей было выяснено, что музей ГУЛАГа в основном посещают студенты и работники с высшим образованием, которые приходят в музей с семьей или друзьями. Более половины посетителей проводят в нем от одного до двух часов (в силу небольших размеров музея данное время является достаточно продолжительным). Стоит отметить обширную «географию» музея: посетители приезжают не только из разных уголков России, но и из разных стран, например, Бразилии, Италии, Японии, США и др.

Таким образом, музей посещают разнообразные группы индивидов, для каждой из которых характерен особый смысл, вкладываемый в визит.

Посещение музея как «edutainment» присуще школьникам, «молодежи», для которых на первом месте стоит в большей степени получение не фактических знаний, а ярких впечатлений от интерактивных элементов, возможность общения со сверстниками. Для них музей ГУЛАГа, несмотря на его тяжелую тематику, в первую очередь — «исторический аттракцион». Тем не менее мы не можем говорить о данной категории в сугубо развлекательном ключе, так как благодаря усилиям администрации музея даже самые младшие посетители понимают серьезность и трагичность темы.

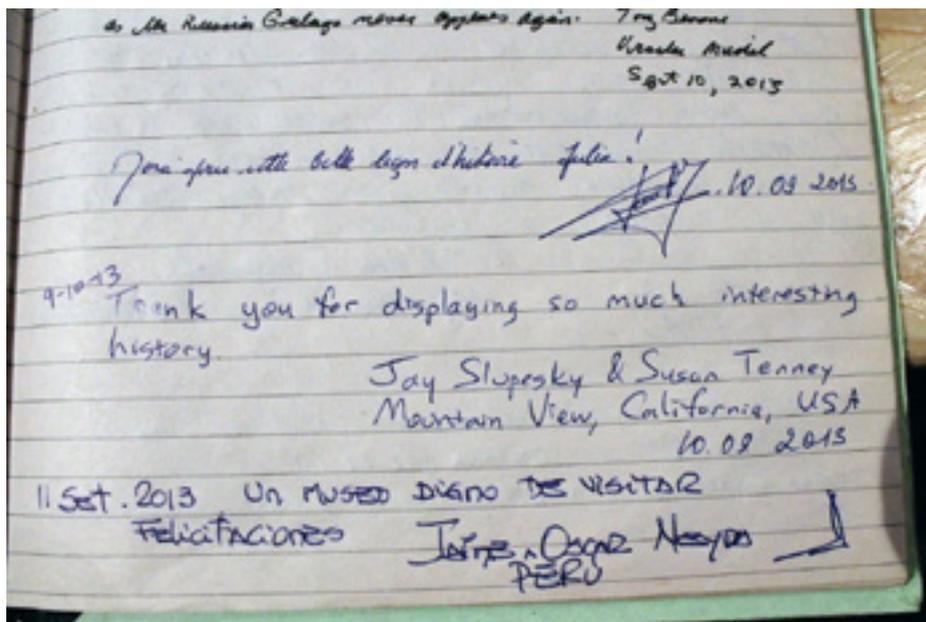

Рис. 5. Отзывы иностранных посетителей о музее. Фото автора, 11 февраля 2015 г.

С вышеописанной категорией тесно связано «познание и совершенствование», которые тем не менее стоит разделить, так как вторая носит более серьезный характер — к ней можно отнести взрослых посетителей — «профессионалов», которые интересуются тематикой репрессий на глубоком уровне:

«Я сама историк. Я пишу диссертацию по репрессиям, только несколько более позднего периода. ... Хочется немножко структурировать свои представления, и понять, почему создатели музея включили именно эти фрагменты (экспозиции. — Прим. авт.). Ну и просто, в целом, интересно было раскрыть то, как организуются выставки здесь, экскурсии в этот конкретный музей, сопровождение, и так далее, на какие моменты делается акцент, и тому подобное» (ж., 24 года, историк, Казань).

Насыщенная категория музея как «храма» — пространства памяти и скорби — подразумевает под собой многочисленную группу «родственников репрессированных». У таких посетителей есть четко определенная цель визита — они стремятся получить больше информации о том, что случилось с их родственниками, в каких условиях они побывали и что можно сделать для сохранения памяти о них. Как правило, это одна из наиболее эмоционально реагирующих на посещение групп.

«Платформа демократии» является интересной категорией, в том отношении, что посетители, которые подобным образом интерпретировали музей, являются некими «борцами за правду»:

«Я думаю, в таком музее люди, заинтересованные в данной теме, — они заинтересованы в человеческих правах. Это место позволяет им встретиться и обсудить что-либо, поэтому это можно рассматривать как платформу для демократии» (м., студент, 19 лет, Германия).

По их мнению, музей необходим именно как пространство, которое позволяет «открыть людям глаза» на действительные масштабы трагедии. Кроме того, музей представляет собой площадку, на которой люди могут совместно решать какие-либо важные социальные проблемы.

Что касается посещения музея как досуговой практики, то данная категория характерна для «случайных посетителей». Этот тип информантов не вкладывает в посещение музея особого смысла, для них визит в музей связан скорее с любопытством и желанием увидеть что-то новое (например, данная категория хорошо описывает иностранцев, которые, гуляя по Москве, случайно увидели на улице вывеску музея и решили зайти).

Желание побывать в «машине времени» актуально для большинства посетителей музея: они остаются под впечатлением от личных вещей заключенных, интерактивных элементов экспозиции, инсталляций, показывающих быт репрессированных. Однако некоторые индивиды все же отмечали «недостаточность» воздействия и информации:

«В общем музей... мне кажется, мало очень информации. ... Я почему-то сразу вспоминаю какие-то европейские музеи, где о таких темах выстраивают огромные интерактивные инсталляции, такое все в супер какой-то архитектуре. А здесь все чувствуется, как будто этой теме мало внимания уделяют... Не знаю, как-то, может быть, развернутее все это можно было бы — больше фотографий. Вот этого не хватило» (ж., 29 лет, Москва).

Подводя итоги, следует отметить, что музей истории ГУЛАГа является пространством, которое представлено полем активного взаимодействия посетителей, музейных работников и экспозиции. Ключевыми функциями, которые выполняет музей ГУЛАГа, выступают, во-первых, «edutainment» как получение знаний с помощью интерактивных методов и коммуникации; во-вторых, эффект «машины времени» как способа оказаться в прошлом, получить аутентичный опыт, схожий с тем, что испытали репрессированные. Коммуникативная функция музея четко прослеживается в желании рекомендовать посещение музея своим друзьям, передать опыт посещения как «устную историю». Для тех, кто непосредственно связан с трагическим опытом ГУЛАГа, посещение музея имеет терапевтический эффект: экспозиция «проговаривает» историю, является стимулом для личных размышлений и рассказов.

В целом музей ГУЛАГа представляет собой противоречивое пространство, в котором, с одной стороны, сочетаются функции учреждения культуры, направленные на обеспечение познавательной-досуговой деятельности, но с другой — происходят более важные процессы по созданию общественного диалога, сакрализации памяти и получению опыта и знаний о трагическом прошлом. Музей одновременно выступает в качестве публичного и частного объекта: с одной стороны, это площадка для обсуждения важных социальных проблем, но с другой — «храм» для посетителей. Относясь к категории «музеев памяти/совести», музей ГУЛАГа выполняет задачу «символического искупления вины», несмотря на то, что в российском обществе пока что не произошло героизации жертв репрессий. Тем не менее переезд музея в новое здание в центре Москвы осенью 2015 г. со значительным расширением экспозиции, а также возникновение инициатив по увековечению памяти жертв политических репрессий (например, организация сбора средств на создание масштабной «Стены Скорби» под авторством скульптора Георгия Франгуляна¹³) позволяют говорить об актуализации темы репрессий в общественном дискурсе.

Литература

Гнедовский М. Старые и новые исторические музеи. Панорама мемориальных музеев («музеев совести») // Уроки истории XX век. 2010. 7 октября. URL: <http://urokiistorii.ru/memory/place/1194> (дата обращения: 28.01.2015).

Живая книга памяти // Музей истории ГУЛАГа. 2013. 15 апреля. URL: <http://www.gmig.ru/view/event/9> (дата обращения: 14.01.2017).

¹³ Фонд Памяти. URL: <http://memoryfund.ru> (дата обращения: 08.01.2017).

Концепция развития государственного музея истории ГУЛАГа / Департамент культуры г. Москвы, ГБУК «Государственный музей истории ГУЛАГа». 2013. URL: <http://gmig.ru/upload/ckeditor/Konceptcija%20razvitiia%20Gosudarstvennogo%20muzeia%20istorii%20GULAGA%202014%20posl.pdf> (дата обращения: 20.05.2015).

Истомина А. Г. Краткосрочное включенное наблюдение: опыт достижения ролей с высокой степенью вовлеченности // *Социология*: 4М. 2013. № 37. С. 75–103.

Козина И. М. Casestudy: некоторые методические проблемы // *Рубеж* (альманах социальных исследований). 1997. № 10–11. С. 177–189.

Копытофф И. Культурная биография вещей: товаризация как процесс // *Социология вещей*: сб. статей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 134–165.

Лещенко А. Г. Кеннет Хадсон о социальной истории музеев // *Вестник РГГУ*. 2008. № 10. С. 242–243.

Литературно-просветительская программа «Москва Варлама Шаламова» // *Уроки истории XX век*. 2016. 24 января. URL: <http://urokiistorii.ru/node/53036> (дата обращения: 13.01.2017).

Новая экспозиция поезда «Акварель» // *Пресс-служба Московского метрополитена*. URL: <http://mosmetro.ru/press/projects/watercolour/> (дата обращения: 22.11.2014).

Мемориальный проект «Последний адрес» // *Фонд «Последний адрес»*. URL: <http://www.poslednyadres.ru/about/> (дата обращения: 13.01.2017).

Социокультурный анализ и развитие территорий России: проблемы и решения / Под общ. ред. О. Г. Севан. М.: ФОРУМ, 2012.

Топография Террора. URL: <http://topos.memo.ru> (дата обращения: 13.01.2017).

Фонд Памяти. URL: <http://memoryfund.ru> (дата обращения: 08.01.2017).

Jeffers C. S. Museum as a process // *The Journal of Aesthetic Education*. 2003. № 1 (37). P. 107–119.

Ševčenko L. Sites of conscience: reimagining reparations // *Change over time*. 2011. № 1 (1). P. 6–33.

References

Fond Pamjati [Memory Foundation] URL: <http://memoryfund.ru> (accessed 8.01.2017).

Gnedovsky M. (2010) Starye i novye istoricheskie muzei. Panorama memorial'nyh muzeev («muzeev sovesti»). Proekt «Uroki istorii XX vek» [Old and modern historical museums. Prospect of memorial museums (“museums of conscience”). Project “History Lessons XX century”]. 7 October. URL: <http://urokiistorii.ru/memory/place/1194> (accessed 28.01.2015).

Istomina A. (2013) Kratkosrochnoe vkljuchennoe nabljudenie: opyt dostizhenija rolej s vysokoj stepen'ju вовлеченности [Short-term Participant Observation: Experience of Role Attainment with High Level of Engagement]. *Sociologia: 4M*, no 37, pp. 75–103.

Jeffers C. S. (2003) Museum as a Process. *The Journal of Aesthetic Education*, vol. 37, no 1, pp. 107–119.

Konceptiia razvitiia gosudarstvennogo muzeia istorii GULAGA [Development Conception of the GULAG History State Museum] (2013) Departament kul'tury g. Moskvy. GBUK «Gosudarstvennyj muzej istorii GULAGA». [Culture Department of Moscow. The GULAG History State Museum. Development Conception of the GULAG History State Museum] URL: <http://gmig.ru/upload/ckeditor/Konceptcija%20razvitiia%20Gosudarstvennogo%20muzeia%20istorii%20GULAGA%202014%20posl.pdf> (accessed 20.05.2015).

Kopytoff I. (2006) Kul'turnaja biografija veshhej: tovarizacija kak process [Cultural Biography of Things: Commodification as a Process]. *Sociologija veshhej: sbornik statej*. [Sociology of Things: Collection of Articles] (ed. V. Vahshain), Moscow: Territorija budushhego, pp. 134–165.

Kozina I. (1997) Case-study: nekotorye metodicheskie problemy [Case-study: Some Methodological Problems]. *Rubezh (al'manah social'nyh issledovanij)*, no 10–11, pp. 177–189.

Leshchenko A. (2008) Kennet Hadson o social'noj istorii muzeev [Kennet Hudson about Social History of Museums]. *Vestnik RGGU*, no 10, pp. 242–243.

Literaturno-prosvetitel'skaja programma “Moskva Varlama Shalamova” [Literary-Educational Program “Moscow of Varlam Shalamov”] (2016) Uroki istorii XX vek [Project “History Lessons XX century”]. 24 January. URL: <http://urokiistorii.ru/node/53036> (accessed 13.01.2017).

Memorial'nyj proekt «Poslednij adres» [Memorial project "Last address"]. Fond «Poslednij adres» [Foundation "Last address"]. URL: <http://www.poslednyadres.ru/about/> (accessed 13.01.2017).

Novaja jekspozicija poezda «Akvarel'» [New Exposition of "Akvarel" Train]. Press-sluzhba Moskovskogo metropolitena [Moscow Metro Press Service]. URL: <http://mosmetro.ru/press/projects/watercolour/> (accessed 22.11.2014).

Ševčenko L. Sites of Conscience: Reimagining Reparations. *Change over time*, 2011, vol. 1, no 1, pp. 6–33.

Sociokul'turnyj analiz i razvitie territorij Rossii: problemy i reshenija: monografija (2012) [Socio-cultural Analysis and Development of Russian Territory: Problems and Solutions: monograph] (ed. O. Sevan), Moscow: FORUM.

Topografija Terrora (Rossija) [The Topography of Terror (Russia)]. URL: <http://topos.memo.ru> (accessed 13.01.2017).

Zhivaja kniga pamjati [Life memory book] (2013) Muzej istorii GULAGa [GULAG history museum]. 15 April. URL: <http://www.gmig.ru/view/event/9> (accessed 14.01.2017).

Визуальная социология

Визуализация телесности в контексте профессии: аналитическая дискуссия

Александрина Ваньке*, Елена Рождественская**, Евгения Гольман***,
Роман Абрамов****

Рис. 1. Китайский солдат¹

Рис. 2. Бортпроводники китайских авиалиний¹

Рис. 3. Бортпроводники китайских авиалиний¹

Рис. 4. Бортпроводники китайских авиалиний¹

* Ваньке Александрина, кандидат социологических наук, научный сотрудник ИС РАН, доцент ГАУГН. alexandrina.vanke@gmail.com.

** Рождественская Елена, доктор социологических наук, профессор департамента социологии НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник ИС РАН.

*** Гольман Евгения, кандидат социологических наук, старший преподаватель департамента социологии НИУ ВШЭ. e.golman@hse.ru, eve.golman@list.ru.

**** Абрамов Роман, кандидат социологических наук, доцент департамента социологии НИУ ВШЭ. rabramov@hse.ru.

¹ Рис. 1. Источник: Anatomia davida. URL: <http://anatomiadavida.com/wp-content/uploads/2015/11/chine.png> (дата обращения: 23.01.2017).

Рис. 5. Бортпроводники китайских авиалиний¹

Рис. 6. Бортпроводники китайских авиалиний¹

Тело во власти профессиональной дисциплины

Александрина Ваньке

Изображения китайских бортпроводников и солдата, предложенные для аналитической дискуссии, служат наглядными примерами того, как человеческие тела — женские и мужские — подвергаются сегодня в определенных профессиях телесному дисциплинированию, становясь объектами контроля. Используя инструменты семиотического (Барт, 1994, 2000) и фукодианского (Фуко, 1999) подходов, я проделаю критический анализ вынесенных на обсуждение изображений, которые содержат несколько измерений и могут быть рассмотрены с точки зрения профессиональной, национальной и гендерной перспектив.

В своей работе «Мифологии» Ролан Барт приводит в качестве иллюстрации изображение с обложки популярного журнала «Пари-матч» (рис. 7). На нем темнокожий юноша во французской военной форме отдает честь и смотрит вверх, очевидно — на французский флаг, что означает, по мнению Барта, «намеренно неразличимое смешение “французскости” и “военности”» (Барт, 2000, с. 241), а также транслирует идею «патриотичности» и «преданности французской нации».

Несмотря на то, что тело китайского солдата помещено в иной контекст и представляет собой фотографию (рис. 1) без каких-либо текстуральных обрамлений (вероятно, на ней зафиксирован момент подготовки к военному параду), тем не менее эти два изображения имеют некоторые сходства. В них дисциплинированное тело военного выступает языковым знаком и в то же время — означающим второго порядка, которое представляет собой составной элемент семиотической структуры мифа (Барт, 2000, с. 239),

Рис. 2. Источник: <http://www.dailymail.co.uk/>. URL: http://i.dailymail.co.uk/i/pix/2016/01/28/10/30A7F47E00000578-3420710-image-a-7_1453977770093.jpg (дата обращения: 23.01.2017).

Рис. 3. Источник: <http://www.dailymail.co.uk/>. URL: http://i.dailymail.co.uk/i/pix/2016/01/28/10/30A7F62700000578-3420710-image-a-3_1453977744192.jpg (дата обращения: 23.01.2017).

Рис. 4. Источник: <http://www.dailymail.co.uk/>. URL: http://i.dailymail.co.uk/i/pix/2016/01/28/10/30A7F5F200000578-3420710-image-a-9_1453977776688.jpg (дата обращения: 23.01.2017).

Рис. 5. Источник: <http://www.dailymail.co.uk/>. URL: http://i.dailymail.co.uk/i/pix/2016/01/28/10/30A7F61000000578-3420710-image-a-4_1453977764966.jpg (дата обращения: 23.01.2017).

Рис. 6. Источник: <http://www.dailymail.co.uk/>. URL: http://i.dailymail.co.uk/i/pix/2016/01/28/10/30A7F46A00000578-0-image-a-1_1453975924546.jpg (дата обращения: 23.01.2017).

вмещающей национальную идеологию. Так, тело китайского солдата, равно как и французского, есть одновременно и знак, и форма, причем форма, имеющая вполне зримые очертания; это тело заключает в себе «китайскость» и символизирует «преданность Китаю», которая выражается в данном случае не в героизме, а в способности высоко держать подбородок. При этом булавка, пронизывающая воротник, одновременно служит и средством дисциплинарного контроля над телом солдата, и способом наказания, вызывающим боль в случае нарушения телесных предписаний.

Рис. 7. Обложка журнала «Пари-матч» № 326 за июнь 1955 г.²

Серия фотографий с китайскими бортпроводниками в ходе профессиональной подготовки продолжает линию телесной дрессировки и муштры в рамках трудовых режимов, а вместе с тем показывает тонкие техники и процедуры отправления дисциплинарной власти. Как пишет Мишель Фуко в книге «Надзирать и наказывать», «Дисциплина — политическая анатомия детали», которая осуществляет «политическое завоевание тела» (Фуко, 1999, с. 203). На фотографиях со стюардессами мы видим множество деталей, которые так или иначе составляют профессиональный этос бортпроводников, но в ситуациях обыденной жизни воспринимаются нами как нечто «естественное»: приветливая улыбка, спокойный взгляд, прямая осанка, аккуратная прическа, опрятная униформа, яркий макияж. Как и в случае с китайским солдатом, стюардессы тренируют свои тела, достигая «идеальных» (установленных профессиональной нормой) поз с помощью небольших предметов: журнала, палочки, бутылки, листка бумаги, которые мы встречаем в повседневном обиходе, но в данном случае эти предметы, как и иголка в воротнике солдата, выступают средствами контроля и шестеренками дисциплинарной власти, цель которой состоит в производстве унифицированных и взаимозаменяемых работников,

² Рис. 7. Источник: URL: https://c1.staticflickr.com/1/28/103385684_1b68b06eb6_z.jpg?zz=1 (дата обращения: 20.01.2017).

одним словом, — «послушных тел» (Фуко, 1999, с. 197). В этом смысле процессы формирования телесного экзиса стюардессы и военного (в терминах Пьера Бурдьё (Бурдьё, 2001, с. 136)) сопоставимы, особенно в том, то касается приложения микровласти по отношению к их телам.

Литература

- Барт Р. Мифологии / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.
- Барт Р. Риторика образа // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. Г. К. Косикова. М.: Прогресс; Универс, 1994. С. 297–318.
- Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2001.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999.

Елена Рождественская

Следуя когда-то избранному методу анализа визуального, предложу вначале плотное описание хотя бы одной фотографии (рис. 4) из серии предложенных.

Итак, в пространстве замкнутого светлого помещения, представляющего собой практически балетный класс, зеркальная стена возвращает нашему взгляду сидящих в одинаковой позе девушек. Они очень похожи — молодостью, телесностью, этничностью, приветливым выражением лиц, позами, наконец, униформой, видимо, стюардесс. Их расположение в пространстве также линейно сгармонизировано, создавая коллективную фигуру. Вот от этого момента, пожалуй, я начну свой интерпретативный ход. Возможно ли в ситуации этого социального действия — тренинга по достижению искомых физических навыков, социальной повадки, свойственных некоторым профессиям, тесно завязанным на межличностную коммуникацию в определенных профессиональных контекстах, — приобрести эти кондиции индивидуально с тренером? То есть это вопрос профессиональной социализации в ряде профессий. Индивидуальная дискретность преодолевается в пользу иной валоризации — приобретаемого телесного образа, который унифицируется в массе. Более того, в нашем случае стюардесс это предъявляемое лицо из разряда видимых для пассажира, иные участники действия под названием «полет» функционируют невидимо для пассажиров, но все объединены формой, отличительными знаками компании, фреймом известного сценария, этапы которого знакомы всем путешествующим. Гештальт этого дящегося события — «перелет» — зависит от того, насколько все отыграют свою роль известным образом, построенном на идее приветливого сервиса. Соответственно, круг гештальта, вбирающего детали, не сомкнется, если индивидуальность нарушит дрессуру социализирующегося работника.

Поэтому, следуя герменевтическим принципам интерпретации, возвращаемся вновь в пространство изображенного, но уже с приобретенным пониманием баланса между ценностью индивидуальности и каноном телесного образа профессиональной работницы. Итак, вновь фотография. Перед нами торжество предъявляемой кондиции, успех социализации в освоенных синхронизированных уже друг с другом позах девушек, длина ног которых очевидно тоже предмет предварительного отбора. Фокус фотографии ловит три (одно в отражении) телесных ряда синхронизированных фигур, задающих положением N-го количества ног какое-то новое существо, в своей связности приобретающее символический характер. Символизм как достижение в унификации предъявлен публике. И мы видим в правом углу темные фигуры, кажется, мужчин-фотографов.

Поэтому картинка в итоге приобретает вуайеристский характер и внутри изображения предложена мужскому взгляду. Здесь возникает новый поворот в герменевтике изображения, выходящий за рамки унификации как профессиональной социализации, а именно — предъявление сервисной сексуализированной женственности, призванной выполнять пожелания и требования клиента. Если вернуться в поле визуального для проверки этих предположений, то обратим внимание на игру ног. Насколько такая поза функциональна для обслуживания пассажиров на борту, для которого нужно перемещаться, балансируя, по салону, разносить еду и напитки, приносить и убирать вещи и т. д.? Сплетенные ноги привлекают внимание перспективой их расплетания и смены позы, то есть концентрируют внимание на себе. Мини-юбка в этом динамичном сценарии обещает обновление впечатлений от допроса героини Шарон Стоун. И в этой делезовской складке смысла фотография работает не менее эффективно, принимая во внимание ее бытование в Интернете как ответ на запрос «стюардессы».

Итак, в преодоленной дискретности индивидуальной женской телесности, выстроенных в коллективную профессиональную фигуру, предъявленную в фотосессии журналистам и нам, зрителям фотоконтента в сети, обнаруживается важный склеивающий момент — давно и с успехом эксплуатируемая женская сексуальность. К этому уже сложно что-то добавить.

Евгения Гольман

«Фотография — это зафиксированный опыт» (Сонтаг, 2013, с. 13), за ней скрывается целый мир, преобразуемый взглядом фотографа. Что предстает перед нами на рассматриваемых снимках? Позы бортпроводниц синхронны, сжимая деревянные палочки в зубах, с журналом или же с бутылкой на голове, с листами бумаги, помещенными между ног, они напоминают прекрасно слаженную Терракотовую армию. Улыбки и позы невольно отсылают нас к месту наблюдателя в постановке — фотографа, но если сделать попытку взглянуть на ситуацию с позиции участниц фотоснимков — обратиться к «упакованному» в фотографии миру (Сонтаг, 2013, с. 14), то фокус смещается на зафиксированный процесс — профессиональное обучение. Мне бы хотелось акцентировать внимание на том, какое место в этой застывшей слаженности, в педагогике тела бортпроводниц и военнослужащего (ведь сходство между ними кажется неоспоримым) занимают предметы внешней среды.

Изображенные на снимках вещи представляют собой артефакты, орудия, созданные человеком для письма, накопления и передачи информации, хранения жидких материалов и шитья. Первоначальное назначение этих орудий — расширение человеческих возможностей или границ — органопроекция в терминологии Павла Флоренского. Но в данном случае орудия используются не как продолжение человеческой руки, а как средство «ограничивания» тела: «граница тела может суживаться, почти до исключения из тела большей части его объема, а может и расширяться неопределенно далеко» (Флоренский, 1999, с. 403). Будучи элементами интерсенсорного мира, эти предметы играют роль в формировании телесной схемы бортпроводников и солдата (Мерло-Понти, 1999, с. 139), становятся инструментами вторичной социализации.

Освоение окружающих объектов — один из ключевых процессов формирования самости и первичной социализации: через противопоставление собственной целостности объектам физического мира ребенок осознает свое положение относительно них, границы тела и собственного Я (Мид, 2014, с. 169). Однако поскольку телесная схема

не формируется раз и навсегда, процесс «ограничивания» продолжается на протяжении жизни под влиянием различных факторов, включая овладение профессией. Отобранные фотографии демонстрируют профессиональную телесную педагогику в действии. В качестве педагогических инструментов предметы на фотографиях являются частью дорефлексивного обучения посредством сенсорики (Shilling, 2016, р. 9): укол от иголки на воротнике намного действеннее, чем приказ не опускать голову, ввиду своей болезненности; бутылка на голове заставляет фиксировать положение спины и шеи в поисках равновесия, чтобы предотвратить ее падение; лист бумаги между ног включает работу мышц бедра и икроножных мышц, обеспечивая «идеальное» с точки зрения ортопедии смыкание ног в трех точках. Эффективность тренировки обусловлена постепенным вхождением практик удерживания головы, равновесия или сохранения определенного положения ног относительно друг друга в телесную схему бортпроводниц.

Несмотря на то, что мы не видим лица солдата, а бортпроводницы на снимках за редким исключением улыбаются, глядя на них легко представить, как физические тренировки сопровождаются рекомендациями или командами наставников. В этом случае сенсорное обучение подкрепляется вербальным, составляя наиболее эффективный сценарий профессионально-педагогического процесса: «профессии стремятся координировать сеть сенсорных и когнитивных способностей посредством направления всего внимания иницируемых на определенные способы вовлечения в мир» (Shilling, 2016, р. 10). Тем самым синхронность различных типов обучения обеспечивает успех в освоении профессии. А через физическое «сопротивление» объектам внешней среды, будь то бутылки, иголки или бумага, происходит инкорпорирование профессиональной культуры не только в телесную схему, но и в Я-концепцию.

Литература

- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр.; под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999.
- Мид Дж. Г. Физическая вещь // Философия настоящего / Пер. с англ. В. Г. Николаева, В. Я. Кузминова (доп. Очерк IV). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 162–181.
- Сонтаг С. О фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.
- Флоренский П. Органопроекция: соч. в 4 т. М.: Мысль, 1999. Т. 3. Ч. 1. С. 402–421.
- Shilling C. Body Pedagogics: Embodiment, Cognition and Cultural Transmission // Sociology. Online First. 2016. P. 1–17. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0038038516641868> (дата обращения: 25.01.2017).

Тело на службе капитализма

Роман Абрамов

Может ли капитализм быть тоталитарным, активно использовать новые технологии, уживаться с коммунистической символикой и тысячелетними принципами организации общества? Современный Китай, кажется, является тому живым свидетельством, предьявляя миру себя в качестве не только главной промышленной площадки, но поля социальных и экономических экспериментов, которым до этого была Советская Россия. Современное искусство, футуристический Шанхай и университетские кампусы будущего вполне успешно соседствуют с традиционалистской пастушеской властью, усиленной

новыми инструментами надзора, нищетой и чудовищным неравенством, экологическими проблемами и потогонной системой производства. Оказалось, что постсовременный глобальный капитализм успешно интегрирует даже систему тюрем и исправительных лагерей, Лаогай (勞改/劳改) — прямую наследницу версии ГУЛАГА с китайским колоритом изошренных пыток и унижением человеческого достоинства. В вашингтонском частном музее, посвященном этой репрессивной системе, заметная часть экспозиции отведена под демонстрацию применения труда заключенных Лаогай в интересах транснациональных корпораций, лейблы которых красуются на товарах повседневного спроса и промышленных изделиях, выпущенных заключенными китайских лагерей. Это производит пугающее впечатление и заставляет задуматься о том, что для капитализма свобода и права человека отнюдь не всегда являются обязательными с точки зрения гонки за прибылью и вполне могут сочетаться с техногенными формами тоталитаризма, как об этом писал С. Жижек: «Что если «порочная комбинация азиатского кнута и европейской биржи» в экономическом отношении окажется более эффективной, чем наш либеральный капитализм? Что если Китай показывает, что демократия, какой мы ее понимаем, больше не является условием и движущей силой экономического развития, превратившись в препятствие для него?» (Жижек, 2001, с. 114–115).

Иными словами, союз современного капитализма с демократическими принципами носил тактический, временный характер и может быть разорван в любой момент, и начало этому положено в разных контекстах — от нового духа гибкого капитализма (Болтански, Кьяпелло, 2011), в котором открытые хипстерские инновационные кластеры со свободой внешнего самовыражения и граффити на стенах офисов при жестком неформальном социальном контроле, затрагивающем личную жизнь, до старомодных корпоративных и полувоенных структур с явно закрепленным дресс-кодом и предписывающим кодексом поведения. Все это вместе направлено на дальнейшее укрепление железного каркаса капитализма.

Меня заинтересовала серия фотографий, изображающих процесс обучения китайских бортпроводниц профессиональным умениям держать себя. Для различных профессий тело может становиться инструментом и частью исполнения своей профессиональной роли: военные, спортсмены, артисты приходят на ум в этой связи в первую очередь. Но есть и профессии, где телесность не играет столь очевидной роли, однако латентно служит важным индикатором принадлежности к ней: например, успешные менеджеры крупных международных компаний должны иметь подтянутый вид человека, занимающегося активными видами спорта, свидетельствующий о самодисциплине профессионала.

В случае обучения китайских бортпроводниц можно увидеть процесс приведения тела к корпоративным стандартам и обретение особого вида «телесного знания», подобного тому, как М. Фуко описывает обучение солдат армии классической эпохи: «Вторая половина XVIII века: солдат стал чем-то, что можно изготовить. Из бесформенной массы, непригодной плоти можно сделать требуемую машину. Постепенно выправляется осанка. Рассчитанное принуждение медленно проникает в каждую часть тела, овладевает им, делает его послушным, всегда готовым и молчаливо продолжается в автоматизме привычки. Короче говоря, надлежит «изгнать крестьянина», придать ему «облик солдата». Рекрутов приучают «нести голову высоко, держаться прямо, не сгибая спины, втягивать живот, выставлять грудь и расправлять плечи. А чтобы это вошло в привычку, их заставляют принять требуемое положение, прижавшись спиной к стене, чтобы пятки, икры, плечи и талия касались ее, также и тыльные части рук, причем руки должны быть развернуты наружу и прижаты к телу... Их учат также никогда не уставляться в землю, смотреть прямо в лицо тем, мимо кого они проходят... стоять неподвижно в ожидании команды, не шевеля ни головой, ни руками, ни ногами... наконец, ходить чеканным шагом, напрягая колено и икру, вытягивая носок и отводя его в сторону» (Фуко, 1999).

В этом фрагменте любопытно не только описание тренировки послушного тела будущих солдат, но и социальные превращения с их сознанием, изгнанием из них крестьянского хабитуса через «цивилизирование» их телесности. В случае с китайскими бортпроводницами можно увидеть схожие процессы: из простых китайских девушек, выдержавших чудовищный конкурс на эту должность, выбиваются прошлые привычки и способы держать себя и прививаются те, что соответствуют представлению руководства авиакомпаний о должном образе стюардессы. В связи с этим представляют интерес антропологические очерки социолога и стюардессы международных авиалиний А. Турчик, в которых она характеризует китайских бортпроводниц как сосредоточенных, имеющих уважительное отношение к старшим и коллегам, ориентированным на сложившуюся должностную иерархию и отличающихся трудолюбием (Турчик, 2014). Конечно, здесь мы можем заметить упоминание о традиционных чертах характера китайцев, но также, очевидно, это может быть и результатом социального превращения, которое совершено в процессе тренировки тела.

В некоторых случаях практики телесного закрепощения и тонкого надзора явлены видимым образом и дополняются коннотациями символического гендерного неравенства. К профессиональным занятиям, где это заметно особенно ярко, относится деятельность бортпроводниц гражданских авиалиний. В гражданском авиасообщении они надолго стали ходячей рекламой и сексуальным фетишем авиации, где главными всегда оставались мужчины-пилоты. Эджизм, сексизм и апперансизм до недавнего времени преобладали в практиках найма бортпроводников в европейские и американские авиакомпании, и эта ситуация стала меняться вместе с трансформацией самих обществ: теперь на этих авиалиниях мы можем увидеть мужчин и женщин разных возрастов, комплекции и с различными внешними данными. Другая ситуация на авиалиниях многих азиатских стран, включая Китай, где тренированное тело, отточенные манеры и подчеркнутая сексуальность все еще значат многое для труда профессиональных бортпроводниц. Задача муштры тела и духа, как на фото тренировок китайских бортпроводниц, — воспитать послушное тело, которое готово стать продолжением и неотъемлемой частью самолета и всей корпоративной машины авиакомпании и служить эротическим фетишем для клиентов, то, что исследовательница униформы Дж. Крейк назвала образом «молодых игривых красоток», «куколок», «девушек из племени Пуччи» (Крейк, 2007, с. 108). Но это также является следствием церемониальной насыщенности китайской культуры, имеющей очень четкие границы между *front stage* и *back stage*, и бортпроводницы, конечно, относятся к атрибутике *front stage*.

Если возвращаться к интерпретации фоторяда с обучением китайских бортпроводниц, то снова можно говорить о более широком подходе к их интерпретации, нежели о простой отсылке к фукианской модели воспитания послушных тел в интересах системы. В этих тренировках можно увидеть возвращение к жестким викторианским правилам поведения для девочек, воспитывавшихся в закрытых школах, где их нередко низкий социальный статус или сомнительное происхождение компенсировались отточенностью манер, как это описывается в романах Ш. Бронте. С другой стороны, очевидны отсылки к традиционной восточной культуре с ее церемонностью и стремлением к унификации, отчасти продиктованное необходимостью императора управлять огромными массами подданных. Это очень хорошо иллюстрируется Терракотовой армией Цинь Шихуанди, где, впрочем, в отличие от стандартизированной внешности бортпроводниц, чьи уникальные черты скрывает корпоративный макияж, каждому воину придана некоторая индивидуальность в выражении лица.

В контексте социологии профессий мы можем говорить о рефлексологии профессиональных групп в понимании П. Сорокина, который писал о том, что по манере держаться и осанке он легко распознает представителя того или иного городского занятия,

и натренированная подобным образом бортпроводница будет оставаться ей, даже сняв униформу (Сорокин, 1921). Так Шерлок Холмс умел разглядеть флотского унтер-офицера в простом посыльном.

Не стоит забывать и о мутациях постсовременного капитализма, который на разных уровнях своей иерархии демонстрирует различные способы интеграции сознания и тела индивидов под свои задачи — в данном случае через буквальную тренировку тела и духа. И в этом отношении изматывающие занятия в фитнес-клубе, которыми себя терзает представитель свободной профессии для того чтобы выглядеть «современно», или занятия йогой как способ тренировки тела и духа эмансипированной работницы креативной индустрии, возможно, не так уж далеки от архаичной муштры китайских бортпроводниц.

Литература

Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛО, 2011.

Жижек С. Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы. М.: Европа, 2011.

Крейк Дж. Краткая история униформы (Форма напоказ: от традиционализма к вызову). М.: НЛО, 2007.

Сорокин П. Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп // Вопросы изучения и воспитания личности: труды Института по изучению мозга и психической деятельности / Под ред. В. М. Бехтерева. Петроград: Госиздат, 1921. С. 397–412.

Турчик А. Опыт межкультурного взаимодействия в гражданской авиации // Отечественные записки. 2014. № 4 (61). С. 27–44.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999.

Новые книги: авторский взгляд

История должна быть многолюдной и писаться многими

Борис Докторов*

Б. З. Докторов. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти томах [электронный ресурс]. Редактор-консультант А. Н. Алексеев, редактор электронного издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2016. — 5901 с. ISBN 978-5-906001-46-7. URL: http://www.socioprognoz.ru/hta_9/htm/titul.htm

Книга, о которой рассказывается ниже, не писалась, даже не планировалась. Она рождалась в течение двенадцати лет и создавалась поэтапно. В 2012 г. это был 3-томник, в конце 2014 г. он трансформировался в 6-томник, и вот — летом 2016 г. — книга доросла до девяти томов. Она существует в онлайн-варианте и на диске.

Главное в ней — свыше 140 интервью с российскими социологами всех послевоенных поколений. Интервью проводились по электронной почте; в 2005 г., когда все начиналось, метод казался экстравагантным, и мало верилось в то, что так можно собрать достойный материал историко-научного назначения. Сегодня этот прием сбора информации кажется обыденным. Опрашивались как известные в нашей стране и за рубежом социологи, стоявшие у истоков современной отечественной социологии, так и лишь недавно пришедшие в нашу профессию. Первые — рассказывали о периоде становления науки, биографии вторых настраивают читателя на размышления о будущем.

* Докторов Борис, доктор философских наук, профессор, независимый исследователь, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге. bdoktorov@inbox.ru.

Среди респондентов есть ученые, разрабатывавшие различные теоретико-методологические проблемы, есть и специализировавшиеся в области эмпирических методов, многие участвовали в прикладных исследованиях, есть аналитики общественного мнения и исследователи рынка. Чрезвычайно широка география опроса. Конечно, обильно представлены Москва и Петербург, но есть города Поволжья и Урала, Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока и Севера. Беседы проводились с социологами академических институтов и ряда университетов, с заводскими (в прошлом) социологами и сотрудниками новых независимых исследовательских структур. Интервью проводились с докторами наук, в том числе — академиками, кандидатами наук и специалистами без научных степеней. Есть и обладатели PhD известных западных университетов.

Следующий по значению и по объему блок материалов — это написанные мною биографические тексты. Две небольшие книги о Б. А. Грушине и В. А. Ядове, серия статей и эссе о российских социологах, прежде всего — старшего поколения. В общей сложности в книге расположены интервью и биографические статьи, рассказывающие о жизни и работе 157 социологов. Фотографии всех их представлены в «Большом портрете».

В самом начале работы я обозначил принцип: «История должна быть многолюдной и писаться многими». В значительной мере это удалось реализовать. Все, с кем проведены интервью, — соавторы рассматриваемой книги и естественно создаваемой истории отечественной социологии. Однако мне сложно оценить общее количество советских/российских социологов, фамилии и дела которых в той или иной мере представлены, отражены во всех биографических текстах. Тем не менее если считать, что каждый респондент вспоминал трех-четыре своих учителей, введивших его в профессию, и коллег, с которыми он в разные годы работал, то получится, что в книге представлена информация о нескольких сотнях социологов.

Третий информационный «куст» — теоретико-методологическая информация. Здесь: книга «Биографии и история», статьи, ранее публиковавшиеся в петербургском журнале «Телескоп» и «Социологическом журнале», беседы историко-социологической направленности с Б. М. Фирсовым и В. А. Ядовым, тексты, выполненные в других жанрах.

Если говорить о важнейших теоретических выводах, обсуждаемых в разных материалах многотомника, то укажу на два из них. Прежде всего отмечу утверждение о том, что современный этап советской/российской социологии — это не «возрождение» дореволюционной и ранней советской социологии, а продукт второго рождения социологии в России в период «политической оттепели». Проведенные к настоящему времени поиски не увенчались обнаружением реальных нитей, каналов связи между постоттепельной социологией и той, что развивалась в России/СССР до начала 1930-х гг.

Второй важнейший теоретико-эмпирический результат — создание пирамиды поколений, включающей семь поколений социологов. Данная конструкция, введенная в анализ в 2007 г., исходно предназначалась для упорядочения постепенно увеличивавшейся коллекции интервью, но в ходе дальнейших исследований обнаружился значительный эвристический потенциал «лестницы поколений». Стало возможным говорить о поколенческой структуре, или стратификации, нашего профессионального сообщества.

В последние два года возникла концепция функций поколений социологов и, как следствие, обнаружился путь продолжения исторических поисков. Надеюсь, что поколенческо-функциональный анализ собранной биографической информации позволит рассматривать нашу современную социологию как смену поколений, каждое из которых историей страны и особенностями становления советской и постсоветской социологии наделено своей доминантной функцией (или доминантными функциями). Таким образом будет осуществлен переход от биографий социологов к истории социологии.

Фостер-Сити, Калифорния, январь 2017 г.

«Много нас рассеяно по свету... Мы — лишь след на тающем снегу...»

Вероника Жобер*

Ильин И. С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920 / Иосиф Ильин; подгот. текста, вступ. ст. В.П. Жобер, примеч. В.П. Жобер, К.В. Чащина, разработка карт-схем Т.В. Русиной. М.: Книжница, Русский путь, 2016. — 480 с. ISBN 978-5-9905658-7-6.

Иосиф Сергеевич Ильин родился в 1885 г. в Москве, но умер в 1981 г. в далекой от его родины Швейцарии, в тихом городке Веве. Каким образом он очутился там, дают нам частично понять его воспоминания биографического характера, которые он передал в 1937 г. в Прагу, в ставший знаменитым в эпоху перестройки архив русской эмиграции. Речь идет на самом деле о его дневнике, который он вел практически изо дня в день с 1914 до 1920 г. Из этого следует заключить, что жизненный путь автора пришелся на переломный период истории России. Тем интереснее и ценнее его свидетельство.

Первой затронутой темой является, конечно, война. В 1914 г. начинается Первая мировая война, в которой Ильин, будучи кадровым военным, участвует с первого дня, то есть с мобилизации. Его описание атмосферы, царящей в рядах царской армии, сетования по поводу плохой организации, мизерного снабжения, осуждение общего нравственного упадка проливают свет на истинное положение дел во время этой «забытой» войны, которую, наконец, вспомнили в связи со столетием в 2014 г. Этот взгляд изнутри офицера-артиллериста, раненного в самом начале войны, попавшего затем на тыловые должности, в транспорт, ставшего под конец инструктором в школе прапорщиков на Юго-Западном фронте, исколесившего за считанные годы огромную территорию царской

---

* Жобер Вероника, заслуженный профессор Сорбонны, главный редактор журнала «La Revue russe». veronique.jobert@gmail.com.

империи, весьма интересен. Читая военный дневник И. С. Ильина за 1914–1916 гг., поражаешься, как мало пафоса в этих записях, и вообще диву даешься, что они принадлежат перу кадрового офицера. С первых же строк, а именно в день мобилизации, его размышления касаются бессмысленности этой войны, зла, которое она порождает, разрухи, которую она неизбежно несет: «Таковы законы войны: все разрушать». Три года страшной, жестокой, затянувшейся вопреки всем надеждам войны, вот что описано в этих записях. Лишний раз убеждаешься в том, насколько наивны были все, надеясь на короткую войну.

1917 год с его двумя «революциями» занимает, конечно, подходящее место в дневнике, т. к. Иосиф Ильин, кроме военного дела, еще интересуется политикой. Он неизменно радуется, в первые минуты, «перевороту» в Петрограде в феврале, понимает, что это величайший исторический сдвиг, полностью разделяет точку зрения видных кадетов, ведь он очень близок к Ариадне Владимировне Тырковой и к Милюкову. Он сам участвует, после Февральской революции, в избирательной кампании к созыву Учредительного собрания, как уполномоченный партии кадетов по Юго-Западному фронту. Он тогда еще полон надежд. Но, как царский офицер, прошедший фронты Первой мировой, Ильин был возмущен приказом № 1 по гарнизону Петроградского округа от 1 марта 1917 г., отменившим привилегии офицеров и подчинившим армию Совету; результатом этого приказа стало полное разложение армии. Распад дисциплины, необходимой составляющей любой армии, повлек за собой необратимые последствия. По мере того как развал и анархия растут, Ильин догадывается, чем это неизбежно кончится благодаря революционерам, подобным Ленину и Троцкому. То и дело в его рассказе мелькают многочисленные известные имена военных и политических деятелей той поры. Со многими из них автор встречался, что позволяет ему рисовать со свойственной ему непосредственностью зачастую неприглядные портреты. Октябрьский переворот заставляет его бежать с Юго-Западного фронта в Симбирскую губернию, где в родной усадьбе живет вся его семья. Он с большим талантом рассказывает о том, как добирался до семейной усадьбы, имея на руках всего лишь липовую справку, удостоверяющую, что «Старший писарь нестроевого разряда Осип Ильин едет по демобилизации на родину». На самом деле он каждую минуту рисковал жизнью, будучи дворянином и офицером.

Начало гражданской войны заставляет его покинуть родные места и бежать в Самару, где обосновался КОМУЧ. Единственный в семье, Ильин летом 1918 г. осознал опасность, грозившую помещикам, остававшимся в своих усадьбах. За его плечами — пережитые на Юго-Западном фронте Февральская и Октябрьская революции, потому он гораздо лучше осведомлен о настроениях не только в армии, но и по всей стране. Вопреки мнению родственников жены, считающих себя в безопасности среди знакомых крестьян, он спасает их, приняв решение бежать. Неоспоримым доказательством его правоты оказалось, увы, зверское убийство сестры и брата его тещи в родных поместьях буквально на следующий день после бегства Ильиных.

Автор подробно и живописно повествует о дальнейших своих приключениях. Начиная с лета 1918 г. он активно участвует в гражданской войне на стороне белых, записавшись в Народную армию. Вместе с армией Колчака его путь ляжет через всю Сибирь: Екатеринбург, Омск, Красноярск, Иркутск, а семейный исход кончится в Маньчжурии, в Харбине. Читателей без сомнения потрясет рассказ Ильина о казнях в тюрьме Иркутска, на которых он присутствовал.

Для современного читателя главную ценность этих дневниковых записей составляет, несомненно, изложение исторических событий тех лет, а также портреты военных и политических деятелей, с которыми столкнулся тогда Иосиф Сергеевич Ильин, записывая ход событий и свои личные впечатления день за днем. Его записи весьма подробны и прекрасно воссоздают атмосферу эпохи, позволяют окунуться в самую гущу истории.

Но Иосиф Ильин не только рассказывает о виденном, он также пускается в оригинальные рассуждения. На каждом шагу, как часто бывает с представителями русской интеллигенции, он философствует, размышляет, задается вечными, «проклятыми» вопросами, терзающими до сих пор лучшие умы России. Многие из его сородичей ему кажутся типичными представителями дегенерировавшего дворянства. Ильин зло высмеивает интриги и политиканство чуть ли не всех политических и военных деятелей Белого движения, распущенность и развращенность общества в провинциальных городах. Воровство, кутежи и пьянство, царящие в рядах Белой армии, не обещают ничего хорошего. Большевики, естественно, — куча разбойников, узурпаторов и каторжан. И невольно приходят на ум «Бесы» Достоевского. Все, как кажется Ильину, пропитано достоевщиной, везде чувствуется моральный вывих.

Размышления Иосифа Ильина не устарели. Его описание «забытой войны» 1914–1918 гг. особенно важно теперь, когда, наконец, эта тема стала на повестку дня. Нынешний читатель, ознакомившись с его видением роковых событий столетней давности, сможет по-новому осмыслить трагические страницы русской истории. И вообще удивительно, что, несмотря на неоднократное осуждение дурных черт русского характера, безжалостную критику русской истории, автора не покидает любовь к родной природе: «Перед глазами знакомые, родные пейзажи. Сжатые нивы, синеющий пар, бархатная зелень озимей, змейки дорог, сероватые раскинувшиеся русские села, белеющая колокольня с горящим крестом — русская земля!»

«Скитания русского офицера» за 1914–1920 гг., за которыми можно проследить на цветных картах, не должны оставить равнодушным современного русского читателя, интересующегося историей своей страны.

Париж, январь 2017 г.

Границы памяти в городах с короткой историей

Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова, М. Н. Вандышев. Места памяти в молодых городах. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. — 394 с. ISBN 978-5-7996-1848-3.

Виктория Семенова*

Парадокс и игра слов в названии книги, игра понятий новое/молодое и старое/память неизбежно сразу привлекают внимание и заставляют задуматься о возможных конфигурациях и взаимоотношениях этих составляющих, рассмотренных в едином пространстве городской среды. Кажущаяся дихотомия старое/новое на самом деле в рамках городского пространства предстает как некий континуум, когда некогда «юное» постепенно переходит в состояние «старого» и уже предстает как достояние памяти. Достаточно вспомнить об известном парижском Новом мосте, который теперь считается одним из символов старейшей исторической части города, а некогда, глазами современников, наверняка виделся как инновация, потому и символически был отмечен таковым в названии.

В данном случае в монографии речь идет о четырех молодых моногородах уральского региона (Заречный (1955, год придания статуса города), Лесной (1954 г.), Краснотурьинск (1944 г.) и Качканар (1957 г.)), которые появились на карте в период позднего (военного и послевоенного) индустриального строительства, фактически на «голом» месте вокруг возводимых промышленных объектов, они и стали кейсами исследовательского интереса авторов монографии. Теперь уже эти, некогда «молодые» города, могут быть отнесены к разряду объектов с историей и, к тому же, с непростой историей, поскольку сейчас эти, когда-то интенсивно развивавшиеся на волне «советского» энтузиазма, монопоселения находятся в достаточно сложном состоянии упадка вследствие кризиса основного градообразующего предприятия. За несколько десятилетий своего существования основное население городов из первого поколения мигрантов как «экстремалов» — «первопроходцев», «участников великого проекта», а также подневольных трудармейцев, осваивающих новую «голую» территорию, превратилось уже во второе или даже третье поколение «коренных» жителей, в ходе первичной социализации выстраивающихся в уже отлаженный быт и нормы жизни малого индустриального города.

Книга состоит из трех разделов, имеющих внутри по несколько глав. Первый из разделов посвящен методологическому подходу изучения мест памяти в малых городах, второй раздел — ПРОШЛОМУ молодых городов и советскому официальному дискурсу того времени и третий раздел — НАСТОЯЩЕМУ, в котором, по словам авторов, «импульсы прошлого выступают на вторых ролях» (с. 6). Коллективное авторство каждого

---

* Семенова Виктория, доктор социологических наук, главный научный сотрудник ИС РАН, профессор социологического факультета ГАУГН. victoria-sem@yandex.ru.

раздела монографии позволяет ее рассматривать в целом как результат коллективного труда всех трех авторов: Н. В. Веселковой, Е. В. Прямиковой, М. Н. Вандышева, которые и в предыдущих своих публикациях презентировали себя как единый авторский коллектив (Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016).

В предисловии к монографии сказано, что точкой отсчета в изложении результатов стала концепция «мест памяти» П. Нора, а в центре интересов авторов — описание и понимание, «какими смыслами наполнен опыт молодого города». При этом авторы в своем исследовании задавались вопросом: что сохранилось от этой истории после всех трансформаций постсоветского периода? Насколько героика и романтика прошлого значимы для жителей в настоящем? Здесь же указано, что одним из основных выводов монографии стало заключение, что «городов без истории не бывает». «У молодых городов своя история — героическая, основанная на мощи и патетике грандиозных преобразований эпохи социализма» (с. 7).

Первый раздел книги содержит богатую информацию по истории и мировому опыту созидания новых городов как опыта социального экспериментирования и конструирования новых форм социальной жизни (с. 22). Подход к проблематике отталкивается от первичного рассмотрения городского пространства в понятиях повседневности М. Серто, который указывает, что с точки зрения акторов город воспринимается как карта, которая требует резких движений и значительной активации усилий (с. 13) и которая формируется в процессе его освоения. В городе обычно у каждого есть любимые, значимые места: у кого-то это городской пляж, а у кого-то — кафе или парк аттракционов. Не все места в городе являются одинаково притягательными, не ко всем местам привязываются горожане» (с. 14).

Продолжая эту линию рассуждений о притягательности отдельных точек в пространстве города, с привлечением аргументации Дж. Урри, авторы утверждают, что «Урри указывает на то, что такие места, как театры, национальные галереи и пр., тесно связаны с конструированием национальной идентичности и обретением статуса полноценной нации. Мы же утверждаем, что места в городе тесно связаны с конструированием сообщества горожан» (с. 16). Настаивая на эмоциональных элементах притяжения, здесь мы скорее выходим на идею идентификации сообщества и коммуникативной памяти современных жителей городов, чем собственно память. Приведенные конкретные примеры «мест притяжения» подтверждают это: вертолетная площадка в Качканаре, парк аттракционов в Лесном или бульвар Алещенкова в Заречном, которые трудно напрямую соотносить с каким-либо историческим контекстом.

Таким образом, общий подход к местам памяти, заявленный авторами в начале книги, отталкивается, скорее, от урбанистики и строится в пространстве современной повседневности: по линии пространство города — освоение городского пространства — ментальные карты притяжения — идентификация.

С другой стороны, в монографии есть и другой, возможно, более интригующий и более перспективный, на наш взгляд, заход, формулируемый в терминах «мест памяти».

В данном случае интерес представляет методологический «заход» на рассмотрение города как целостного кейса в понятиях «места» памяти по П. Нора. Хотя исследователи не фокусируют своего внимания именно на этом аспекте (Глава 1 озаглавлена «Теоретические основания исследования мест памяти в малых городах»), но в данном случае представляется оригинальным рассмотрение **самого молодого индустриального города как «места памяти»** в рамках национальной памяти и с точки зрения национального дискурса индустриализации советского типа. Такой подход, с нашей точки зрения, более соответствует более объемному понятию «узлы памяти» (как французский перевод «les lieux de memoire» П. Нора (Нора, 1999), чем просто пространственные «сгустки» меморизаторской активности (Truc, 2011).

Авторский подход «город как место памяти» выводит нас на специфику и уникальность данных городов как объектов изучения в контексте соотношения национальной-локальной памяти, о чем авторы рассуждают в дальнейшем — Глава 5 из Раздела 3.

Рассмотрение города как места памяти выводит на несколько интригующих сюжетов в проблематике памяти. Во-первых, это проблема национальной специфики в отношении и переосмыслении прошлого в процессе социальных преобразований. Здесь на примере молодых городов она представлена как типично советская идеология «обнуления» прошлого, переброшенная в пространство городского строительства. В городском пространстве, как верно отмечают исследователи, этот официальный дискурс соответствовал идее «обнуления» и началу грандиозного строительства «с чистого листа» во имя «покорения» и «преобразования»: дискурс преобразования, покорение природы стал одним из важнейших элементов раннесоветской героики преобразований (с. 92).

И в данном случае малые моногорода как «уральские» тоже музеифицируют данный дискурс национального «прошлого» своим специфическим образом. Этот общий культурный феномен российской истории ярко проявляется в региональном контексте уральских городов или шире, как его назвал М. Рожанский, в контексте «сибирской памяти», связанной с освоением новых географических пространств: «Еще Василий Ключевский писал о русском обычае «начать все сначала», объясняя им то, что история России — периодические рывки, полные презрения к прошлому. Он связывает данную социокультурную особенность с экстенсивным характером развития этноса, то есть с тем, что основным способом решения проблем является освоение новых ресурсов и, прежде всего, нового пространства. Для человека, живущего в России, перемещение — не просто средство изменения жизни. Уход от неразрешимых проблем к неизвестным трудностям — едва ли не единственная радикальная возможность преодолеть социальную детерминированность индивидуальной жизни. Изменения «на месте» предполагают культуру компромисса — как с непосредственным окружением, так и с ушедшими поколениями, невозможность разрывать отношения с предками. Иначе шел процесс формирования русского (или российского) этноса и едва ли не самым существенным фактором этого процесса было наличие пространства, куда можно было уйти человеку или «уйти человека» — люди пытались уйти от трудностей тупиковых к иным, казавшимся преодолимыми, либо забрасывались за Урал и на Юг властью как для решения экономических задач, так и для того, чтобы трудностей не создавали» (Рожанский, 2014, с. 5). К тому же пространство в восточных регионах и в Сибири обладает особыми свойствами, связанными с географическими особенностями региона, и потому обладает особым символическим значением и характеристиками (покорение пространства, преобразование дикой природы, завоевание, заселение пространства). Следуя этому подходу, поиск новых мест как стратегии бескомпромиссного отрицания прошлого стал первичной культурной идеей, заложенной в возведение новых городов в ходе советской индустриализации, и предопределил их специфику как объекта памяти, как «освоение» не только новых «физических» (географических), но и духовных пространств.

Во-вторых, подход «город как место памяти» выводит на проблематику многослойности и относительности исторических рамок памяти. Ведь города, возникшие якобы на «голом» месте, фактически являли собой попытку начисто отринуть любую память о предшествующих пластах меморизации или, по крайней мере, ограничить рамки рассмотрения прошлого моментом исторического начала некоей новой эпохи, некоего нового мифа «сотворения мира» с чистого листа. Как верно отмечают авторы монографии в дальнейших своих рассуждениях, ссылаясь на работы П. Рикера в интерпретации С. Зенкина, возникновение принципиально новых, социалистических городов является разновидностью «великих событий спасения» (Зенкин, 2014, цит. по монографии, с. 76).

Советский культурный код «созидания» отграничивал себя от прошлого «ясно выраженной точкой начала, где все начинается заново и как бы на пустом месте. Все, что было до этой точки, однородно, оно обобщается негативным отношением к себе» (Паперный, 2011, цит. по монографии, с. 84).

Однако, как понимаем мы уже в конце книги, эта идея «голового» места — тоже очередной исторический миф. В самом последнем параграфе книги (параграф 7.5) на примере сюжета о городских кладбищах возникает показательная дискуссия о многослойности памяти. Ведь если расширить рамки «короткой» памяти советского периода до более отдаленных исторических координат, то оказывается, что постулат «голового» места искусственно сконструирован: подобные города зачастую строились на кладбищах, «на костях» тех, кто был первостроителем или отбывал ссылку в этих краях в периоды «до» возведения грандиозных предприятий и строительства плотин. Сюжет «многослойности» памяти обыгрывается на примере г. Лесного и г. Краснотурьинска, где в пространство современной городской застройки попали старые кладбища, где похоронены предки ныне живущих горожан. Они тоже представляют собой пространство памяти, но более «долгой» памяти (с. 357–358). Оказывается, что «короткая» история города имела свою *пред-*историю и свои взаимоотношения между «советским» и «досоветским» периодами. Эти значимые места в пространстве памяти представлены старыми кладбищами, которые вносят новые акценты в память города и усиливают символику их историчности: «По числу кладбищ небольшой и молодой еще город Лесной вполне может поспорить с городами куда постарше. Да и количество отдельных захоронений в нем на единицу площади — с учетом погребенных заключенных, строивших город, пожалуй, тоже довольно велико...» (Карякина, 2010, с. 18, цит. по монографии, с. 358).

Еще один аспект, который интересен с точки зрения «города как места памяти», — это актуальная, современная борьба отдельных идеологий и интересов в «настоящем» за присвоение прошлого, за приоритеты в «удержании» памяти. В данном случае это Краснотурьинск, где идет борьба за «культурные коды» центра города: рекреационная зона или память о том, что город «построен на костях». Это борьба между руководством города в лице мэра и населением (или, скорей, частными предпринимателями) в восприятии относительно более глубоких исторических рамок памяти «молодого» города: вопрос о возможностях застройки развлекательного типа «на костях своих предков» (с. 357–358). Как говорит мэр Краснотурьинска: «Представители старшего поколения краснотурьинцев еще хорошо помнят, что раньше на этом месте располагалось поселковое кладбище. Потому и уместно здесь было возвести монументы в память о наших земляках, погибших при исполнении воинского долга в разных войнах, и Малый Храм Иоанна Богослова, покровителя Турьинских рудников¹.

Это форма символической борьбы различных идеологий и мнений, связанных с разными социальными целями и интересами отдельных участников и дебатов вокруг них в период резкой социальной трансформации общества.

Итак, в данном случае город целиком представляет собой сгусток культурного и политического наследия, служит отражением национальной истории, запечатленной в коллективной ментальности сообществ.

В монографии дискурс «город как место памяти» изучается на основании официальных документов относительно истории создания и освоения городского пространства в исторический момент его официального создания и освоения руками первостроителей в понятиях дискурса преобразования (Раздел 2. Прошлое: молодые города, дискурс преобразования). Отсюда язык новизны, юности, «молодежности», преобразования

¹ Мэр Краснотурьинска: «На городской площади аттракционам не место» // Вечерний Краснотурьинск. 2014. 6 июня. URL: <http://krasnoturinsk.info/mer-krasnoturinska-na-gorodskoj-ploshhadi-attrakcionam-ne-mesto/#hcq=34MoV7q> (дата обращения: 20.01.2017).

нового на «голом» месте, покорения/преобразования природы, пропагандируемой лексикой оптимизма и героизма первостроителей.

Если продолжить придерживаться подхода «город как место памяти», то фактически Раздел 3. монографии представляет собой описание процесса разрушения первоначальных смыслов или культа исторического смысла стройки. Возможно, это закономерный процесс, так считает М. Рожанский: «формирование пространства памяти в молодых городах всегда начиналось с культа исторического смысла стройки — памятных знаков, наименования улиц в честь первостроителей и первого руководителя градообразующего предприятия. Но первоначальная значимость этих мест памяти о историческом смысле стройки как оправдании жизненного выбора и жизненных лишений сохраняется не более, чем для двух поколений — приехавшего на стройку и первого выросшего в новом городе, а разрушение советской системы резко ускорило девальвацию этого символического капитала» (Рожанский, 2014). Поэтому весьма знаменательно, что собственно меморизаторских «следов» локальной памяти (как локальных музеев, монументов и т. д.) в новых городах исследователями зафиксировано относительно мало, возможно, действительно их растворение в городской среде обусловлено сломом советской эпохи, знаковыми символами которых и стали эти города. В «каталогизации» городских мест памяти присутствуют места производства, места культуры, здравоохранения, спорта, места торговли и общепита, особые районы города (престижные и не очень), о чем в целом идет речь в Главе 6 и Главе 7. Вместе с тем здесь надо отметить интересную инновационную методическую схему анализа — мобильные интервью (методика go-along). Инновационная стратегия «мобильных интервью» (go-along) понимается как прогулка или поездка по городу, во время которой информант сам определяет маршрут, «активирует» городское пространство, что не равноценно простому перечислению особенностей города в ситуации стационарного интервью» (с. 69). «Мобильный метод — едва ли не единственная возможность понять сложность восприятия городского пространства даже в ситуации малого города. Сочетание желания как можно лучше продемонстрировать свой город и сюжетов, связанных с особенностями личного опыта проживания в данном городе, позволяет получить особый результат — выделение мест памяти, коллективно обозначенных и лично присвоенных. Городское пространство видится как пронизанное токами субъективного восприятия, представляется многомерным, неким ансамблем когнитивного и чувственного. Высвечивается особая оптика города, подчеркиваются акценты, начиная с признания и подтверждения индустриальной сущности и заканчивая все больше и больше проявляющимися акцентами на комфортабельности данного пространства, подчеркивании экологических, художественных особенностей» (с. 69–70). Go-along интервью представляет культурные коды города не только посредством вербальных конструкций участников исследования, но через их визуальные конструкции: фотографии участников исследования, «картинки» с места событий, нарисованные ими ментальные карты. С этой точки зрения городское пространство как объект изучения является благодатным полем: оно создает возможности для многогранного, многоаспектного рассмотрения пространственных связей в единстве публичного и приватного.

Тем не менее, судя по описанным результатам исследования, в данных городах почти полностью (за исключением отдельных случаев) отсутствуют собственно «сгустки» специфически-локальной пространственной памяти в виде маркировки «прошлого» как памятных мест типа: памятники, наименования, юбилеи, праздники, музеи, кладбища, а скорее эмоционально-окрашенные мироощущения о былом: советскости и молодости, романтике, энтузиазме, времени быстрых перемен. А возможно, это эффект презентации города для глаза «внешнего» интервьюера («приезжий исследователь»)?

Здесь возможна и иная интерпретация. Возможно, современная ситуация напрямую связана с эмоциональным состоянием данных городов, которое достаточно глубоко проанализировано в монографии как динамика от героического оптимизма первого поколения переселенцев к коллективному дискурсу упадка и пессимизма: «Несмотря на ярко выраженный почти во всех интервью локальный патриотизм, большая “доза советскости” в молодых городах предопределяет значимость темы упадка. Отмеченные кодом смерти места контрастируют, на наш взгляд, не столько с несущими код жизни современными местами, сколько в сравнении со сверхоптимистическим зарядом (ранне)советского дискурса молодых городов» (с. 286). Сегодня эти новые города, те самые, что когда-то не сходили со страниц газет, называют местами остывшего энтузиазма (с. 102). Проблематика эмоциональных аспектов памяти, которая обычно выстраивается по линии смены направления эмоций и эмоциональной окраски: от восхваления/гордости до стыда/ненависти, здесь представлена в ином ракурсе — охлаждение эмоций, умирание эмоционального накала от энтузиазма к равнодушию.

Последние главы монографии и посвящены противопоставлению официального/обыденно-субъективного дискурсов. В монографии существенно больше уделено внимания коллективной памяти ныне живущих, уже коренных жителей данных городов и, соответственно, другому ракурсу меморизации, который по Хальбваксу характеризуется как коммуникативная память. А Алейда Ассман различает *места памяти* и *памятные места*, где последнее — «*памятное место*» — обозначает «место, значимое для индивидуальной биографии» (Ассман, 2014, с. 236), или конкретное пространство, освоенное человеком и ставшее тем самым компонентом его биографии (Ассман, 2014, с. 237–238). Такая память, связанная с памятным местом, становится частью человеческих судеб, с их переживаниями, воспоминаниями, которые проецируются посредством памятников. *Место памяти* и *памятное место* функционируют на разных уровнях в *публичной сфере*, где вырабатываются общественно-разделяемые смыслы и закрепляются нормативные образцы коммуникации.

Символическая память города как мозаика складывается из топонимии (символически важным для становления локальной идентичности г. Лесного стал переход от цифровой топонимии — 9-я, 10-я улицы — к языку содержательных названий), языка архитектуры, значимых исторических фигур, освящающих городское пространство.

В данном случае авторы современные символические коды городов рассматривают на примере двух фигур. Для Краснотурынска такой значимой символической фигурой стала фигура рожденного здесь изобретателя радио А. С. Попова (В свое время Туринские рудники предлагалось назвать в честь изобретателя радио Поповском, но в годы советского атеизма название вызвало опасения у местного горкома КПСС), к его имени и символической значимости для города земляки апеллировали в моменты прагматической зависимости от центральной власти и попытки выбить дополнительные льготы. А для г. Лесного — это оставшийся стоять на центральном месте памятник Ленину, который продолжает выполнять «ворох социальных функций, в том числе функцию централизованного социального контроля, которую одна из информанток (учительница) очень метко определила: “Ленин видит все”» (с. 342) (По аналогии: Большой брат видит все, всегда наблюдает, локус вертикального контроля).

Как уже говорилось, проблематика современных собственно «мест памяти в молодом городе» как исследование мест, связанных с дискурсивно-материальными следами «прошлого» или отдельных событий в прошлом, таких как мемориалы, памятники, музеи, кладбища, непосредственно возникает только в конце, в Разделе 7.5 (с. 340–355).

Респондентами упоминаются только отдельные единичные вкрапления памяти о героике первостроителей в современное пространство «молодых городов». Таков единичный пример: «Слева от ДК в 2006 г. был установлен памятный камень в честь

первостроителей БАЭС и Заречного, привносящий в данное пространство смыслы собственно города и его основного предприятия» (с. 297). Другой пример: памятник «качанарцам, погибшим при исполнении воинской службы», где празднуется День Победы и происходит шествие со свечами, сюда же приезжают молодожены (с. 342). Хотя, если учесть, что город получил статус города в 1957 г., тогда кого конкретно понимали создатели памятника под аморфной фразой «погибшие при исполнении службы»? Понятно, что, как выразился один из респондентов, «военные мемориалы в городе — это святое» (с. 346), но он же добавляет по поводу установленного старого танка ласковое: «танчик, по которому лазают дети». Из трех примеров последние два пространственные «места памяти» мало что добавляют к собственно истории и памяти данного локального контекста памяти, хотя достаточно показательно характеризуют современный дискурс жителей города и их субъективное пространство памяти. Скорее, они пунктирно характеризуют значимость связи с «большой землей» и «большой историей», чем диалоги с локальной предысторией или локально-значимые символы того пространства, на котором город возник. В этом отношении неудивительно, что авторы приходят к выводу, что дискурсы «новых советских городов» — объединяют эти города или, в терминах Ж. Бодриера, создают единые схемы социального и культурного кодирования. Хотя, с другой стороны, социальная память и своя история — уникальны, и социальная память могла бы их индивидуализировать.

Литература

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Дискурс природы в молодых городах // Социологическое обозрение. 2016. № 1 (15). С. 112–121.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / Под ред. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 17–50.

Паперный В. Культура Два. М: Новое литературное обозрение, 2011.

Рожанский М. Сибирь как пространство памяти. Иркутск: Оттиск, 2014.

Truc G. Memory of Places and Places of Memory: For a Halbwachsian Socio-Ethnography of Collective Memory // International Social Science Journal. 2011. № 62. P. 147–159.

Обзоры конференций

VII Международная научно-практическая конференция памяти А. О. Крыштановского «Методы и процедуры социологических исследований», 23–24 сентября 2016 г.¹

Анна Стрельникова*

23–24 сентября 2016 г. состоялась масштабная научно-практическая конференция «Методы и процедуры социологических исследований» — мероприятие, которое регулярно проводится департаментом социологии НИУ ВШЭ и посвящено памяти Александра Олеговича Крыштановского, первого декана факультета социологии. По сложившейся традиции конференция специализируется на методологической и методической тематике, включая обсуждение современных тенденций в развитии методов сбора и анализа данных, дискуссии по поводу оценки качества исследовательских процедур, анализ проблем преподавания методологии и методов в социологии и маркетинге. В обсуждении актуальных методологических вопросов приняли участие более четырехсот участников из шести стран: специалисты по разработке, применению и преподаванию методологии и методов социологических и маркетинговых исследований, представители некоммерческих организаций, сотрудники маркетинговых фирм, а также аспиранты и студенты.

Секции и круглые столы конференции включали такие направления, как познавательный потенциал лонгитудов, проблемы измерения в социальных науках, качественные методы в социологии, стратегии смешивания методов в социологических исследованиях, digital research и «мобильные методы», методические эксперименты, анализ неструктурированной информации в социальных сетях, социологическая режиссура, стратегии изучения социальной мобильности. Для начинающих исследователей была организована специальная секция «Методические стартапы», собравшая самые методически сильные работы начинающих исследователей. И конечно же, была представлена пленарная программа, состоявшая из докладов авторитетных ученых и представителей исследовательской индустрии: К. Фрайштайн (Университет Дуйсбург-Эссен), А. Демидов (ГФК Русь), А. Дьяконов (МГУ им. М. В. Ломоносова).

На секции «Стратегии изучения социальной мобильности: методические аспекты» (рук. А. Стрельникова, Е. Полухина, А. Ваньке) были представлены доклады и авторские концептуальные разработки по территориально-жилищной мобильности, субъективным представлениям о жизненном успехе, межпоколенному анализу. Заседание началось с доклада организаторов секции, которые представили проект «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории», и было логически продолжено теми исследователями, которые стояли у истоков проекта-предшественника («Пути поколений» М. Титмы): О. Терещенко, Л. Петрова, М. Бурлуцкая.

---

¹ Обзор подготовлен в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории», поддержанного Российским научным фондом (грант № 14–28–00217).

* Стрельникова Анна, кандидат социологических наук, доцент департамента социологии НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ИС РАН. astrelnikova@hse.ru.

Жилищные аспекты социального неравенства были освещены в докладах Т. Черкашиной и И. Шушпановой.

Сотрудники ФОМа М. Озерова и Л. Паутова организовали секцию «Лонгитюды: познавательный потенциал, проблемы методологии, стратегии преодоления методических ограничений», на которой обсуждались актуальные вопросы о смысле репрезентативности в панельных исследованиях, о стратегиях поддержания панелей и о мотивации участников-панелистов, а также — о финансовой и нефинансовой эффективности многолетних исследовательских проектов.

На одной из наиболее креативных секций — «Социологическая режиссура: играть, снимать, показывать» — Е. Омельченко и Г. Сабилова (Центр молодежных исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге) предложили к обсуждению возможности и ограничения работы социологов с визуальными методами в целом и с жанром исследовательского кино в частности. По их мнению, социолог, попадая в поле, оказывается в ситуации, в чем-то схожей с режиссерской: выбирает героев своего исследования, пишет черновик сценария (программу), ищет и собирает данные, затем анализирует собранное и монтирует свои результаты в готовый продукт: статью, книгу, выставку, фильм. Участники секции обсудили различные практики создания фильмов, в том числе актуальные этические вопросы.

На секции «Стратегии смешивания методов: возможности и ограничения», которую организовали Е. Полухина и О. Савинская, выступило много зарубежных исследователей, среди которых профессор Р. Дженкинс из Университета Шеффилда, Х. Шрадер из Университета Отто-фон-Герике, П. Биндер из Института философии и социологии Польской академии наук. Доклад Р. Дженкинса был наиболее провокативным, поскольку постулировал «вымышленность» концепции *mixed methods research* в аудитории слушателей, заинтересованных в сочетании качественных и количественных методов в одном исследовании. Остальные докладчики рассказали о том, какие комбинации методов они используют в своих локальных и межстрановых проектах.

В рамках секции «Мобильный исследователь, мобильный респондент, мобильные методы» была проблематизирована тема мобильности и медиализации как двух ключевых особенностей современного социума, влияющих на восприятие пространства и времени, логику управления и контроля повседневной жизни. Участники секции (О. Запорожец, К. Глазков, И. Чудова, Е. Шуклина и другие) попытались ответить на вопросы о том, как исследователи могут «угнаться» за мобильным респондентом, и должны ли интенсивность пространственных перемещений и использование новых технологий влиять на методы исследования, а также обозначили границы участия (включенности) исследователя в деятельность изучаемого объекта. Оппонентами в бурном методологическом споре выступили известные методологи Г. Татарова и А. Готлиб, считающие, что речь скорее следует вести о «мобильной методологии», но не об отдельных методах.

Секция по «Методам оценочных исследований» была сфокусирована на оценке программ помощи семьям и детям, включая независимую оценку качества (НОК). О. Савинская охарактеризовала НОК как оценку условий и ресурсов, предполагающую составление суммарного индекса из разного рода показателей, собранных при помощи мультиметодного дизайна исследования. Представители некоммерческих организаций, которых было особенно много на данной секции, поделились своим опытом оценки программ помощи в благотворительных фондах, детских домах и т. д.

Многие участники конференции отмечали в кулуарах, что программа была крайне насыщенная, и порой приходилось делать сложный выбор между тремя-четырьмя секциями, идущими параллельно. Большое количество участников, равно как и количество секций с переполненными аудиториями, говорит о том, что методологические вопросы все больше востребованы в современном профессиональном сообществе.

Авторы номера

Роман Абрамов

кандидат социологических наук, доцент департамента социологии НИУ ВШЭ. Научные интересы: социология профессий, история социологии, современная социологическая теория, социальная память,

Александрина Ваньке

кандидат социологических наук, научный сотрудник ИС РАН, доцент социологического факультета ГАУГН. Научные интересы: социология тела и сексуальности, гендерные исследования, историческая память.

Константин Вернигор

магистрант департамента социологии НИУ ВШЭ. Научные интересы: методы сбора и анализа данных, геймификация в социологических и маркетинговых исследованиях, онлайн-опросы.

Яна Воронина

магистрант департамента социологии НИУ ВШЭ. Научные интересы: методы сбора и анализа данных, геймификация в социологических и маркетинговых исследованиях, онлайн-опросы.

Евгения Гольман

кандидат социологических наук, преподаватель департамента социологии НИУ ВШЭ. Научные интересы: социология тела, гендерные исследования, визуальная социология, качественные методы в социологии.

Борис Докторов

доктор философских наук, профессор, независимый исследователь, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге. Научные интересы: становление и развитие послевоенной российской социологии, двухсотлетнее развитие методологии и технологии опросов общественного мнения в США.

Вероника Жобер

заслуженный профессор Сорбонны, главный редактор журнала «La Revue russe». Научные интересы: русский язык, история России XX века, письма из семейного архива.

Анастасия Кожевникова

студент департамента социологии НИУ ВШЭ. Научные интересы: проблемы измерения в социологии, методы сбора и анализа данных, социальная стратификация, социология потребления.

Ольга Маркова

магистр социологии, выпускница факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Научные интересы: качественная социология, биографический метод, социология памяти, социология семьи и гендера.

Мария Миронова

студент департамента социологии НИУ ВШЭ. Научные интересы: проблемы измерения в социологии, методы сбора и анализа данных, социальная стратификация, социология потребления.

Людмила Нёрс

директор аналитического центра «Оксфорд XXI», научный сотрудник факультета гуманитарных и социальных наук Университета Оксфорд-Брукс. Научные интересы: социальные институты, исследования поколений, социальный мониторинг, социальный анализ России и Восточно-европейских стран.

Екатерина Постная

магистрант департамента социологии НИУ ВШЭ. Научные интересы: исследования памяти и музеев, культурная травма, ГУЛАГ, качественные методы.

Елена Рождественская

доктор социологических наук, профессор департамента социологии НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник ИС РАН. Научные интересы: качественная социология, биографический метод, социология семьи и гендера, визуальная социология, историческая память.

Виктория Семенова

доктор социологических наук, главный научный сотрудник ИС РАН, профессор социологического факультета ГАУГН. Научные интересы: методология и методика качественных исследований, социальные проблемы поколений, социокультурные изменения, историческая память.

Ольга Синева

магистрант департамента социологии НИУ ВШЭ. Научные интересы: методы сбора и анализа данных, геймификация в социологических и маркетинговых исследованиях, онлайн-опросы.

Анна Стрельникова

кандидат социологических наук, доцент департамента социологии НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ИС РАН, доцент социологического факультета ГАУГН. Научные интересы: социология города, социальная мобильность, методология и методы социологических исследований, социальная стратификация.

Виктория Шмидт

кандидат психологических наук, Ph.D in Social Policy, факультет образования Университета Масарика. Научные интересы: роль социализма в формировании социальной политики разных стран, институциональное насилие в отношении детей.

Abstracts and key words

“Rescue our children”: the discourses of campaigns in favor to reform residential care for disabled children in Russia

Victoria Shmidt

This text highlights the role of public debates in social media and civic journalism in the current reform of residential care for the children with disability. The debates often transformed into moral campaigns are explored in the context of mutually contesting discourses which either revise the approaches to disability or lead to tokenism because of reproducing the ideas inherent to Soviet special education. The article explores the compatibility of the Soviet defectological discourse and the ideological platform one of the earliest moral campaigns (2008–2009), around the case of the 8-year girl who was transferred step by step from mainstream orphanage to the setting for children with multiple disorder of development. By recognizing in the activists’ discourse defectological vision on the norm, professional assistance and the contrast of family placement with residential care, I investigate the limits of good moral panic in line with Cohen’s approach as inevitably reproducing the discourses relevant to the audience’s expectations but alongside simultaneously continuing to segregate the children with disability.

Being aligned with public expectations, moral campaigns shape public opinion and policy around institutions for children with disability. Though civic journalism could not be led to disclosing simplified constructions and the simulacrum of citizen participation. The last part discusses the options for civic journalism in order to achieve the sustainable reproduction of relevant ideas within the projects towards providing the rights of children with disabilities. I put forward two different materials representing the genre of civic journalism and conclude that civic journalism maintains fully authentic vision of the issue and challenges deeply rooted ideas regarding norms and prescriptions typical of moral campaigns. Instead taking-for-granted suggestions civic journalism shares contextual knowledge and its own experience of participation. In contrast to moral campaigns with their inevitable symbolic participation the civic journalism practices co-participation in the life of children or those who experienced public care. By revising their falls in assisting to young people from institutions and debating various opinions about such assistance, those who practice civic journalism deconstruct the interactions between public and the entrepreneurs of moral campaigns — in favor of holding the intention to participate despite unsuccessful attempts.

Key words: residential care, moral campaigns, civic journalism, discourse of childhood, disability

Identities and a sense of belonging: young Lithuanians and Latvians from ethnic minorities

Lyudmila Nurse

This paper addresses the ways in which new nation building in Lithuania and Latvia since the 1990s affects cultural identities of ethnic minorities in this historically culturally diverse

region. Its aim is to identify from a “bottom up” perspective means through which individuals from different ethnic minorities express and negotiate their cultural, ethnic and national affiliations. It explores the ways ethnic minority people retain their own identities amidst globalization/hybridization of culture at the beginning of the 21st century and new nation-building.

Using a variety of empirical, including biographical data, the paper contributes to the theoretical and policy debate on cultural diversity that is rooted in the historical and geopolitical paths of Eastern Europe. This data was collected in the EU- funded project EC FP7 ENRI-East (2008–2011) in which ethnic minorities from Lithuania and Latvia were studied. In the study, ethnic minorities along the new EU border were considered as neither being entirely diasporic or of migrant origin, but as a “quasi-diaspora” group that was mostly created not by recent migrations, but by historic border shifts.

Analysis of the biographical narratives of individuals from ethnic minorities in Lithuania and Latvia showed the complexity of ethnic, national and European identifications, and the ways individuals choose who they are in a rapidly changing cultural environment. The use of the actor-driven ethnic identification approach instead of “grouping” according to the external markers of ethnicity proved to be successful in getting individuals’ reflections upon the changing nature of cultural environment, and also in the historic narratives of association with “place”.

Biographical methods enabled the capture of the dynamics of ethnic identification, biographical life strategies of the individuals, perceptions of the “other” in society, minority (ies)-majority relationship. Comparative analysis of biographical narratives of ethnic minority individuals in Lithuania and Latvia references changing language practices, surnaming convention, historic and cultural memories of the place, religious practices.

This paper was prompted by the Conference: “25 years later: between the Soviet past and an unclear European and Eurasian future” which was organized by the Project for Migration and Security Studies on the post-Soviet space of the Central European University in Budapest (directed by Dr. Irina Molodikova) and took place in November 2016.

Key words: ethnic minority, Lithuania, Latvia, cultural diversity, identities, belonging, biographical strategies

Measuring of satisfaction with the rented dwelling: methodological aspects

Mariya Mironova, Anastasia Kozhevnikova

The article provides discussion about the possibilities and limitations of the measurement of satisfaction with the rented dwelling. The authors suppose that the satisfaction with the objective and subjective characteristics of the rented dwelling are influenced by the social status of the dweller as well as by the current situation on the housing market (i.e. changes in the demands structure towards the rented dwelling, the rising popularity of the online services). The tenants of the apartments and rooms in Moscow have differences in the professional and educational status, income and socio-demographic characteristics, that determine their expectations towards the dwelling, concerning the possibilities of the space connected to fulfillment of their everyday needs. Due to the subjective character of the satisfaction concept, the multiple ways of its measurement were used in our research: among them are two indices created with the concrete definition of the measurement parameters and the traditional question about the general level of satisfaction with the rented dwelling. The results of the research show that the satisfaction with rented dwelling appears to be the integral index of the complicated consumer preferences on the market of rental housing. To conclude, the limited nature of the validity of the traditional question about the general level of satisfaction with the rented

dwelling is provided as one of the methodical finding. The variable representing the general satisfaction was better to be excluded as it did not reflect the connection between the social status (or its components) and the satisfaction with the rented dwelling. Otherwise, this way of satisfaction measurement played the role of the trap question that helped to realize the discussion of satisfaction with the dwelling (particularly, the rented one in present research) to be rather sensitive. Therefore, the authors have a good cause for the further development of the empirical models of measurement of satisfaction as the multidimensional concept.

Key words: satisfaction with the rented dwelling, social status, measuring satisfaction, multidimensional concepts, satisfaction with the multiple characteristics of the rented dwelling, functionality of home environment

Gamified online-questionnaire: advantages and limitations

Konstantin Vernigor, Yana Voronina, Olga Sineva

Refusals to complete the questionnaires, “fatigue of respondents” against the background of high activity of various research companies are the current problems of the traditional data collection. On the example of the online survey, this article examines the potential of gamification of survey tools as a possible option to overcome this problem. The study is based on a comparison of gamified and traditional version of the questionnaire. Cognitive interview was the primary method for evaluating the impact of using gamification. The hypothesis of the study implied that a gamified questionnaire was more understandable for respondents in comparison with its standard variant. There were two indicators serving as the criteria for testing the hypothesis: the first one was navigation of the form and coherence of the narrative, the second one was the wording of questions. The standard version of the questionnaire based on the semantic grouping of questions. The original standardized questionnaire was devoted to the examination of the question “What do Russians dream about?” Four types of narrative were proposed as a conceptual framework for gamification of this questionnaire: a narrative quest “the room”, the speaker is connecting the semantic structure for the rest of gamified narratives, narratives of the “ideal state”, “drive the train” and “truth serum”. Each block of questions in a gamified questionnaire was semantically linked with the narrative, creating a complex structure of the questionnaire. The content of standardized questions remained the same. The results of the analysis of the cognitive interview resulted in the following benefits and limitations of gamification: a gamified structure of the questionnaire should be built from simple to complex, gamification through the narrative is effective for structuring questionnaire, and the questionnaire is more efficient in creating your own one (according to the research goal).

Key words: gamification, questionnaire, cognitive interview, online survey, data collection methods, gamified questionnaire

Letters from the front as a document of war epoch

Olga Markova

The article discusses the issue of the structure of soldiers’ experience, which is reflected in the narrative of personal letters. Letters from the front are not just the fact of participation in the war, but the phenomenon of history that allows us to understand men at war and behind the front lines. Using narrative analysis I examined the dominant themes of wartime letters, such as attitudes towards life and war, the image of the enemy, everyday practices, soldier

fatalism and so on. Study of private sources helps to realize many aspects of front line experience. The starting point of the study was shifting the focus of interest of historiography, war sociology and related disciplines from macro level patterns of war to individual episodes, as well as the lack of research of epistolary sources as a way of narrating soldiers' experience. The object is the soldiers' individual narratives expressed in letters to the families from the Great Patriotic War and the War in Chechnya. Comparative analysis of the structure of wartime experience revealed changes in the subjective meanings of those who were involved in the war. The identity of the participants of the Great Patriotic War and the War in Chechnya was transformed under the influence of differing formats of the wars, their scope and objectives together with the different social and historical context. The research was carried out at the intersection of several disciplines, namely oral history, war studies, memory studies and qualitative sociology. The combined approach helped to ensure the progressive development of knowledge about the war.

Key words: memory studies, qualitative research, narrative analysis, private sources, war-time letters, soldier's experience

GULAG History Museum as a reflection of traumatic experience

Ekaterina Postnaia

The paper is devoted to the case of GULAG History Museum, which belongs to the category of "museums of conscience". This type of museums functions in order not only to preserve memory, but also to reinterpret tragic events of the past. The GULAG Museum sets the mission to admit the past and turn to compassion and conception by creating "the site of memory", constructing space for public discussion and involvement into socially important activities. The methodology is based on the descriptive case-study. Empirical data was collected from February to April in 2015 in the museum's building in Petrovka street. The data include interviews, fieldnotes, texts of visitors' books and survey data. The data shows a variety of ways for grasping the museum idea: such social practices as "edutainment" — obtaining knowledge using interactive technologies and "time machine" — the possibility to feel authentic experience of repressed people were marked. The museum is visited by different types of people, such as professionals, students, relatives of repressed, foreigners and occasional visitors. The results of the research show that the museum is perceived as the controversial place, both sacral and public, where individuals obtain knowledge, actively communicate and experience authentic emotions of repressed people. The goal of the museum resides in bringing memory of Soviet repressions to public discussion and in actualization of this theme in contemporary Russian media discourse.

Key words: GULAG Museum, memorial museum, museum of conscience, repressions, memory, edutainment

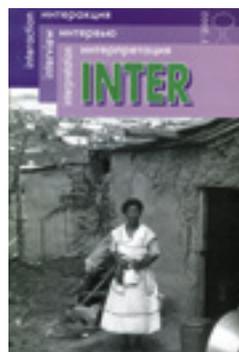
Книги на рецензирование

XX век: Письма войны / Сост., вступ. статья, ред. С. Ушакин, А. Голубев; подготовка документов Е. Гончарова, И. Реброва. М.: Новое Литературное Обозрение, 2016. — 832 с. ISBN 978-5-4448-0571-8. ISSN 1815-7912.

Аннотация. Войны XX века превратили Россию и СССР в страну писем. Обязательная воинская служба, всеобщая грамотность и хорошая организация почтовой службы сделали письма основной формой коммуникации между военнослужащими и их близкими. Массовые мобилизации во время больших и малых войн XX века существенно расширили эту форму общения. Сборник «XX век: Письма войны» позволяет проследить зарождение и завершение феномена военной корреспонденции на протяжении столетия — от первой войны прошлого века в Южной Африке, когда устойчивая переписка стала возможной, до последней войны столетия на Северном Кавказе, когда письменная корреспонденция была окончательно вытеснена телефонной связью. Вековая экспозиция военных писем, представленная в сборнике, не только показывает, как происходит трансформация войны на письме, но и демонстрирует историческую динамику жанра военного письма. В сборник вошли подборки писем из частных коллекций, архивных и музейных фондов, а также ранее опубликованных, но малодоступных источников. За редким исключением письма представлены целиком, без купюр.

ИНТЕР № 1 (2002)

Письмо редакторов

Теоретические дискурсы и дискуссии

Майкл Рустин. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках

Индивид и общество

Ян Коетцы. Жизнь на периферии: потребность в промежуточных шагах на пути радикальной трансформации общества

Полевые исследования

Елена Ярская-Смирнова. Социальные изменения и мобилизация ресурсов: жизненные истории российских инвалидов

Алла Чирикова. Женщина-директор в деловой и частной жизни

Исследовательская рефлексия

Валерий Голофаст. Повседневность в социокультурных изменениях

Из классического наследия. Памяти П. Бурдьё

Пьер Бурдьё. Биографическая иллюзия

Визуальная социология

Елена Мещеркина. Субъектив камеры

Биография номера

Елена Мещеркина. Как стать баронессой

Конференции и рецензии на книги

Игорь Масалков. Шутценбергер А.А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы

Лиана Ипатова, Сергей Кухтерин. Ежегодные курсы в Центре социологического образования (Институт социологии РАН, Москва)

Интернет новости

Игорь Масалков. Ресурсы по качественным исследованиям (КИ) в интернете

Авторы номера

ИНТЕР № 2–3 (2004)

Письмо редакторов

Теоретические дискурсы и дискуссии

Брайн Роберте. Конструирование индивидуальных мифов

Ирина Сандомирская. Родина в советских и постсоветских дискурсивных практиках

Александр Малинкин. Женские награды в России: исследование по социологии наградного дела

Индивид и общество

Дан Бар-Он, Сэми Адван. Возможен ли общий учебник истории для палестинцев и израильтян?

Олег Яницкий. Риск-солидарности: российская версия

Полевые исследования

Дидье ле Галль, Шарлоттле Ван. Сексуальный дебют в современной Франции

Елена Омельченко. Размытое начало: гомодебют в контексте сексуального сценар

Биография номера

Елена Мещеркина. «...Я была домашним, дворовым ребенком»

Визуальная социология

Елена Мещеркина. Фотография из семейного альбома

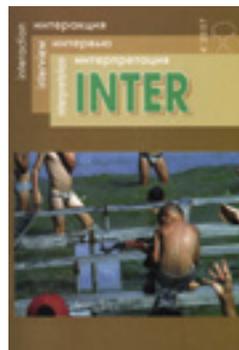
Рецензии

Сергей Ушакин. Познавая в сравнении: о евростандартах, мужчинах и истории Барбара Эванс Клементе, Ребекка Фридман и Дэн Хили (ред.). Российские мужчины в истории и культуре

Елена Рождественская. Рефлексия отца-философа М. Эпштейн. Отцовство. Метафизический дневник

Авторы номера

ИНТЕР № 4 (2007)

Письмо редакторов

Теоретические дискурсы и дискуссии

Петр Штомпка. Введение в визуальную социологию

Розвита Брекнер. Изображенное тело. Методика анализа фотографии

Оксана Запорожец. Визуальная социология: контуры подхода

Индивид и общество

Елена Лебедева, при участии Елены Греминой. Конструирование социального документа в практике документального театра (театр.doc)

Михаил Рожанский. Дневник советской девушки

Полевые исследования

Дмитрий Попов. Российская интеллигенция как образ: визуальные послания разных времен

Ольга Ткач. В поисках родословной: изобретение традиции?

Биография номера

Ксавье ЛеРой. Автобиография танцора: «Продукт обстоятельств»

Комментарий Елены Рождественской. Биография как телесный нарратив

Визуальная социология

Фотография Сергея Максимишина «Чечня», комментарий Елены Рождественской

Авторы номера

ИНТЕР № 5 (2009)

Письмо редакторов

Теоретические дискурсы

Ольга Никитина-ден Бестен. «Детство» в социальных науках: новые смыслы и новые подходы

Olga N. Nikitina-den Besten. What's new in the New Social Studies of Childhood?

Полевые исследования

Иван Забаев. Образ ребенка у жителей российских мегаполисов. По материалам биографических интервью с россиянами репродуктивного возраста

Gerhard Jost. Parental Loss during Childhood — Biographical Research Based on the Qualitative Paradigm (Потеря родителя в детстве — Биографическое исследование на основе качественной парадигмы)

Алевтина Корнеева, Анна Стрельникова. Детдомовцы и воспитанники патроната на пороге взрослой жизни

Ольга Громашева. Чем и как накормить дитя? Восприятие матерями рисков питания

Методологическая рефлексия

Мишель Вивьорка. Понятие интервенции в социологии, психологии и клинической социологии. Предисловие к книге «Международная клиническая социология»

Игорь Масалков. Клиническая социология как пространство интервенции

Визуальная социология

Елена Рождественская. Визуализация детства в городском пространстве. Готтфрид Хелнвайн

Рецензии

Елена Рождественская. Рецензия на коллективную монографию «Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине» (под ред. Здравомысловой Е., Темкиной А.)

Конференции

Виктория Семенова. Новые пути в биографических исследованиях. Конференция «Биография и перформанс». Краков, декабрь 2009

ИНТЕР № 6 (2011)

Письмо редакторов

Теоретические дискурсы и дискуссии

Michał Łuczewski, Paulina Bednarz-Łuczewska. Memory cultures and politics of history. A plea for Polish-Russian cooperation

Serguei Oushakine. 'I have no idea how to make myself useful': Chechen War veterans on the State that betrayed

Елена Рождественская, Виктория Семенова. Социальная память как объект социологического изучения

Коллективная память в национальных контекстах: Россия-Польша

Илона Голембевска. 17 января 1945 года в Варшаве: представление событий в польских школьных учебниках по истории

Эва Кристина Селлава-Колбовска. Тяжелый груз воспоминаний и неудобные «места памяти». Исследование коллективной и культурной памяти о событиях 17 января 1945 года в Варшаве

Войцех Полец. Культурная память в качестве определяющего отношения поляков к россиянам

Mikhail Chernysh. Historical trauma and memory: the case of the Afghan war

Роман Абрамов. «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ

Визуализация памяти

Елена Рождественская, Ирина Тартаковская. Пространство памяти в «Афганском» музее: попытки договориться с прошлым

Анна Стрельникова. Коллективная память в городском пространстве: места памяти об Афганской войне

Новые ракурсы рассмотрения памяти: опыт молодых

Наталья Мاستикова. Фрагментарность памяти об Афгане у последующих поколений: результаты фокус-групп со студентами

Ирина Ксенофонтова. Виртуализация мемориальных практик: интернет-сайт как «книга памяти»

ИНТЕР № 7 (2014)

Письмо редакторов

Полевые исследования: анализ виртуальных сообществ

Анна Стрельникова, Елизавета Полухина. «...Что такое повсеместное дарение? Это максимальное доверие друг к другу»: особенности социального порядка в виртуальных сообществах дарообмена

Елена Рождественская, Виктория Семенова. Киберэтнография виртуального сообщества: анализ туристского форума

Александрина Ваньке, Ирина Ксенофонтова, Ирина Тартаковская. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы»)

Elisabeth Schilling. Transnational Biography: Reassessment of personal biographical experiences in internet forums among Russian migrants in Germany

Михаил Черныш. Сетевая среда религиозных исканий

Теоретические дискурсы и дискуссии

Елизавета Полухина. Онлайн-наблюдение как метод сбора данных

Иван Климов. Размышления о методологии Online-Offline Phenomena Studies: к дискуссии на симпозиуме «Пути России — 2014»

Полина Колозариди. Чем онлайн отличается от оффлайна и какой теоретический смысл есть в этом различии

Визуальная социология

Елена Рождественская. АВАТАР: визуализация идентичности в сети

Первые шаги

Ксения Федина. «Виртуальная Родина»: пространство национальной идентичности в социальных сетях (на примере детей мигрантов из Армении и Азербайджана)

Исследовательские центры

Иван Климов. Приоритеты исследовательской программы Центра изучения Интернета и общества РЭШ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА И АННОТАЦИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ИНТЕР № 8 (2014)

Теоретические дискурсы и дискуссии

Виктория Семенова. Стратегия комбинации качественного и количественного подходов при изучении поколений

Елена Рождественская. Надежность качественных методов и качество данных

Анна Стрельникова. Перемещения в пространственных координатах: больше, чем географическая мобильность

Полевые исследования: политики памяти в современной России

Александрина Ваньке, Елизавета Полухина. Вечный огонь в Александровском саду как публичное место памяти

Анна Стрельникова. Памятник без музея, музей без памятника: непростая биография «Рабочего и колхозницы»

Ирина Тартаковская, Екатерина Тарновская. «Одной правды нет»: визуализация политики памяти в историческом музее

Роман Абрамов, Евгений Терентьев. Символическое пространство культуры памяти: два топонимических кейса

Визуальная социология

Елена Рождественская, Ирина Тартаковская, Елизавета Полухина, Виктория Семенова. Мемориал Синти и Рома: групповая аналитическая дискуссия

Первые шаги

Надежда Васильева. Символика памятника Ф.Э. Дзержинскому в современном публичном дискурсе

Рецензии

Наталья Веселкова. Приглашение всмотреться: две обложки книги Алейды Ассман. Рецензия на: А. Ассман. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014

Авторы номера

ИНТЕР № 9 (2015)

Письмо редакторов

Теоретические дискурсы и дискуссии

Наталья Савельева. Между свободой и подчинением: «техники себя» в работах Мишеля Фуко

Ekaterina Kovaleva, Marina Spirina. Representation of the female body in modern yoga: theoretical and methodological approach

Ольга Савинская. «Образовательное пространство детского сада»: концептуализация понятия и методика конструирования его измерений

Полевые исследования

Алиса Толстокорова. Энигма, враг или амиго?: роль аттitudного фактора в конструировании опыта зарубежного трудоустройства украинских трудовых мигрантов

Anastasia Poylova. The role of the entrepreneur's family in choosing a career path

Елена Онегина, Полина Остроухова. «Обретение красоты» в женских нарративах

Визуальная социология

Анна Санина. Визуальная политическая ирония в Рунете: кейс сообщества «Potsreotizm»

Обзоры конференций

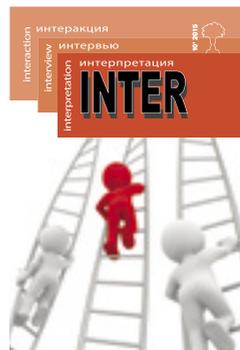
Александрина Ваньке. Новая повестка дня в исследованиях телесности. Международный симпозиум «Дискурсы тела/политики тела и действие». Вена, Венский университет, 5–7 февраля 2015 г.

Виктория Семенова. Международная конференция «Biographies of Belonging». Амстердам, Амстердамский свободный университет, 10–11 марта 2015 г.

Ирина Тартаковская. Международная конференция «Политическое — это личное: режимы гендера, здоровья и заботы». Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 16–17 апреля 2015 г.

Авторы номера

Abstracts and key words

Памяти В. А. Ядова

Кшиштоф Косела. Прощальное письмо варшавских друзей

Виктория Семенова, Елена Рождественская. Владимир Александрович Ядов

Исследования социальной мобильности

Елена Омельченко, Гюзель Сабирова, Яна Крупец. Социальная мобильность молодежи в фокусе тройной рефлексии

Наталья Кремнева, Евгения Лукьянова. Рабочая профессия: успех или неудача? Восприятие социального положения рабочего в семейном контексте

Анна Стрельникова. Пространственные проекции социальной мобильности: переезды как доминантные события биографического повествования

Елизавета Полухина, Александра Горяйнова. Жилищные траектории московских семей в XX веке как объект вторичного анализа биографических интервью

Мария Балакирева. Изучение повседневной мобильности горожанок с детьми: опыт применения стратегии смешивания методов

Павел Сушко. Успех по-сельски или как брать «быка за рога»: модели жизненного успеха сельской молодежи

Константин Глазков, Анна Стрельникова. Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии

Визуальная социология

Павел Демин, Станислав Пашков. Символика университета в восприятии студентов

Публичная социология

Ольга Казьмина. «Управляемый хаос» — от теории к социальной практике российской «глубинки»

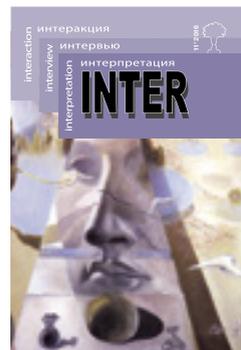
Обзоры конференций

Надежда Васильева. Перспективы исследований социальной мобильности. Международный конгресс Европейской социологической ассоциации. Прага, 25–28 августа 2015 г.

Авторы номера

Abstracts and key words

ИНТЕР № 11 (2016)

Петр Иванов. Городские жители и производство пространства (на примере российских городов)

Анатолий Жвйтиашвили. Нестабильная занятость и социальное неравенство: западный опыт

Екатерина Бессчётнова. Социальные коннотации запаха

Алиса Толстокорова. Украинские «золотые рыбки»: стратегии сопротивления неравенству и доминированию во взаимоотношениях мигранток-домработниц и их работодателей

Биография номера

Интервью с руководителем сети дистрибьютеров в компании сетевого маркетинга

Размышления над книгой

Oleg Yanitsky. The Urry's global mobilities concept: some comments and considerations

Обзоры конференций

Евгения Гольман. Международная трансдисциплинарная конференция «Doing the Body in the 21st Century». Питтсбург, Университет Питтсбурга, 31 марта — 2 апреля 2016 г.

Надежда Васильева. Новые проблемы в исследованиях социальной мобильности. Российско-польская конференция. Варшава, Варшавский университет, 11–12 апреля 2016 г.

Павел Сушко. Дискуссии социологов о настоящем России. XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 19–22 апреля 2016 г.

Авторы номера

Abstracts and key words

Журнал можно приобрести в редакции или заказать по пересылке.

Адрес редакции:

117259 Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

Тел.: (499) 128-86-18

Факс: (495) 719-07-40

e-mail: rusica@isras.ru

Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без разрешения редакции.

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, радиовещания и средств массовых коммуникаций (регистрационный номер ПИ № 77-9679)

ISSN 2307-2075

Учредители:

Институт социологии РАН

Российское общество социологов

Над номером работали:

Выпускающий редактор *Александрина Ваньке*

Корректор *Виктория Камышан*

Оригинал-макет *Виталий Кудымов*

Подписано в печать 13.02.2017. Формат 70×100 ¹/₁₆.

Гарнитура «Pragmatica». Печать офсетная.

Тираж   экз. Заказ №   .